

Костромское Научное Общество по изучению местного края, вып. XV.

Второй этнографический сборник.

Содержание: М. Зимин—Плачи по призванным на военную службу. В. Смирнов—Народные похороны и причитания в Костромском крае. К. Завойко—Временные жилища крестьян (Костромской и частью Владимирской губ.).

Кострома.
Типогр. „Северный Рабочий“
1920.

Издания Костромского Научного Общества по изучению местного края.

1. Программа для собрания этнографических предмет. Кострома, 1912 г. 20 стр. ц. 5 р.
2. Отчет о деятельности Костромского Научного Об-ва по изучению местного края за 1912 г. (год 1-й, разошелся) 36 стр.
3. Отчет за 1913 год (2-й), 80 стр. ц. 2 р.
4. Отчет за 1914 год (3-й), 40 стр.
5. Отчет за 1915 год (4-й), 56 стр. } разошлись
6. Отчет за 1916 год (5-й), 40 стр. }
7. Отчет за 1917 год (6-й), 56 стр. ц. 3 р.
8. Отчет за 1918 год (7-й), 34 стр. ц. 3 р.
9. Отчет за 1919 год (8-й), 20 стр. ц. 35 р.
10. Предварительные указания к изучению Костромской губ. Кострома, 1913 г., 24 стр. (разошлись).
11. Предварительные указания к изучению Костромской губ. Второе исправленное и дополнен. издание. Кострома, 1914 г., 24 стр. (разошлись).
12. То же, изд. 3-е, 1916 г., 24 стр. ц. 5 р.
13. Каталог Музея Отдела музея местного края. 8 стр., 1919 г. ц. 75 к.
14. Труды Костромского Научного Об-ва по изучению местного края, вып. I (разошлись) 147 стр. Кострома, 1914 г.
С о д е р ж а н и е: В. Смирнов—И. В. Шулепников (некролог). М. Виноградов—Галичское озеро и галичский рыбный промысел. Е. Дюбок—Основные черты в развитии крупной промышленности в Костромской губернии в дореформенное время. С. Барыков—Ученичество в отхожем малярном промысле в Воскресейской вол., Галичского уезда. А. Андрианов—Народные сказки Костромской губ. Отдельные сообщения: В. Богущевского, Н. Сколозубова и В. Чарнецкого.
15. Труды Костромского Научного Общества по изучению местного края, вып. II, 100 стр. Кострома 1914 г. (разошлись).
С о д е р ж а н и е: А. Жадовский—Ботанические исследования в Костромской губернии летом 1913 г.
16. Труды Костромского Научного Общества по изучению местного края, вып. III, 184 стр. Кострома 1915 г. (разошлись).
С о д е р ж а н и е: Е. Дюбок—Ветлужская вотчина Дурново в канун крестьянской реформы и в первые годы после нее. Подлинные документы Ветлужской вотчины Дурново. (Из собраний Д. П. Деметьева). В. Барыков—Из жизни села Парского. Юрьевского уезда; Костр. губ. П. Зорин—Как веселится черемисская молодежь. В. Смирнов—Крестьянская изба и ее резные украшения в Макарьевском уезде, Костромской губернии.
17. Труды Костромского Научного Общества по изучению местного края, вып. IV, 100 стр. Кострома 1915 г. (разошлись).
С о д е р ж а н и е: В. Смирнов—Н. Л. Сколозубов, (некролог). А. Жадовский—К флоре Ветлужского края. Отчет о ботанических экскурсиях летом 1914 г. Его же—Обзор литературы по флоре Костромской губ. Э. Шпор—Некоторые данные о цветении рясок.
18. Труды Костромского Научного Общества по изучению местного края, вып. V, 134 стр. Кострома 1916 г. (разошлись).
С о д е р ж а н и е: Костромская деревня в первое время войны по данным анкеты Об-ва. А. Языков—Общественная помощь призванным и их семьям. Л. Захарова—Влияние трезвости на жизнь Костромской деревни. Е. Дюбок—Экономическое положение деревни осенью 1914 и зимой 1914—15 гг. В. Смирнов—Отношение деревни к войне. А. Виноградов—К анкете по вопросу о влиянии войны на жизнь местного края (корреспонденция).
19. Труды Костромского Научного Об-ва по изучению местного края, вып. VI. „Первый Лесной Сборник“, 332-111 стр. Костр. 1917 г. (разошлись).
С о д е р ж а н и е: Г. Ф. Морозов—О тилологическом изучении лесов. С. Барановский—Естественно-исторические условия роста и возобновления и типы лесонасаждений в связи с основными хозяйствами в Потахинской и Пелеговской казенных дачах Юрьевецкого лесничества, Костромской губ. В. Клевцинский—О типах лесонасаждений в Изосимовской, Нагорной и Заречной дачах Кологривского уезда, Костромской губ. С. Витковский—Типы насаждений восточной и западной частей Изосимовской дачи, Кологривского у. А. Форст—Типы насаждений Екатерининской дачи, Ветлужского у. В. Матренинский—Леса Кологр. у. в естественно-историческом отношении.
20. Труды Костромского Научного Об-ва по изучению местного края, вып. VII, „Исторический Сборник“, 182 стр. Кострома 1917 г.

ПЛАЧИ ПО ПРИЗВАННЫМ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ.

(Из записей в Ковернинском крае Костромской губ.,
в 1916 и 1919 годах).

В прежнее (не военное) время по окончании полевых работ деревенская молодежь призывного возраста начинала весело гулять. Шумно, партиями каталась по соседним селениям, громко распевая под „игрушку“ (гармонику) „Последний ныншний денечик..“, а больше частушки. Для храбрости изрядно выпивали. Среди других призываемые выделялись рекрутскими тужурками и шапочками набекрень (на правое ухо). С большой неохотой шли они на службу и, чтобы избавиться от нее, старались всякими средствами повредить своему здоровью: пили деревянное масло, чтобы пожелтело тело, „отравляли кожу“ на ногах, прокалывали барабанные перепонки и т. п. Во время самого призыва у приемной стоит толпа народа. Родные призываемых ждут „участи своих“. Стражники выкрикивают по десятку: Иванов, Кляузов, Прыгунов, Жохов и т. д. Будучи приняты на службу, рекруты злобно относились к освободившимся, всячески угрожали им. Иногда опасно было выходить освободившимся из приемной; чтобы свободно выйти, они старались „лгать“, крича при выходе: „забрили“, „принят“. После этого раздается громкое „у..ра...а..а..!!!“ с гиканьем и присвистом, а иначе намнут бока и даже спустят с верхней ступени. Затем принятые на службу шли „бриться“ (стричься на голо) и после гуляли еще шумливей и пьяней. Но некоторые не сразу сказывали родным о принятии их на службу, как будто не желая огорчать родных. Родные как только узнают, так и „заревут в голос“, хотя и знают, что служба теперь не прежняя—строгая и недолгая и что во время службы можно побывать домой, но все-таки одни, как дорогого работника-кормильца, а другие по заведенному обычаю—провожают плачами, причетом. Бывали случаи—плакали для отвода глаз, чтобы избежать осуждения „соседей“—„Ишь и не жалеют“, „не жаль“, „ровно рады сбить с рук“ и т. п. Кроме родных, мобилизованных провожали друзья и „зазнобушки“, которым рекруты „вьявь“ говорили: „Мотри, не бабуй без миня-то! а то дойдут слухи до меня, тогда разом прикончу...“

Во время Русско-Германской войны, живя в Ковернинском (быв. Макарьевском) уезде Костромской губ., пришлось наблюдать, как протекали призывы на военную службу в то время, и поближе познакомиться с рекрутскими причитаиями. Молодежь также весело гуляла, как всегда, и, несмотря на закрытие винной торговли, по прежнему была пьяна от самогонки, кумышки и других суррогатов местного приготовления, причем подчас позволяла себе и много лишнего в поведении, например, по пути к г. Макарьеву при отказе

в выдаче вина разбивали казенки. Так было в первую мобилизацию 1914 г. На их шалости домашние и другие смотрели снисходительно: „пушай подурят“, „поломаются“, „потешатся“, „тамой (на службе) их усмирят“. Не так весело гуляли семейные, хотя и они пили—большей частью для того, „чтобы заглушить тяжелое чувство разлуки“, но грусть одолевала, брала свое и особенно сказывалась при проводах. Еще накануне проводов в каждой семье „собирают“ своих, готовят белье и „ясьва“, некоторые ходят в церковь служить напутственные молебны, а в день отправки рано утром приходят и приезжают родные из других, даже дальних селений и собираются целой деревней у дома провожаемого. Когда мобилизованный выходит из дома, слезы льются „рекой“. Плачет вся семья „от мала до велика“. Выйдя на улицу и уложив вещи в повозки, отправляются в путь, впереди идут мобилизованные, а за ними родные и „вся деревня“. В конце селения прощаются с ними. Тут-то вот и происходит действительно душу раздирающая картина. Плачут не только матери, жены и сестры, но и ребятишки и даже взрослые чужие. Многие падают в „обморок“ и так сильно обнимают мобилизованных, что их с трудом отрывают. Эти плачи не прежние, не те, что были в мирное время, для „близиру“, тут действительно слезы, вырванные горем. Но особенно искренни слезы матерей: „кровное дите всегда матери дорого“, особенно, когда провожают единственных сыновей, „кормильцев-поильцев“. И жена, оставшись „с малыми детьми“, тоже плачет искренне. Иной раз плачет и „завнобушка“. Некоторые свое горе выплакивают „причетом“, „воем“, а большинство, прижав к груди, на плечо уезжающего или повиснув у него на шею или сжав свои головы руками, выкрикивает „Ой! Ой! Ой!.. батюшка.. кормилец наш, ох, ох, ох!.. милый ненаглядный мой, ох! дорогой ты ты наш.. не забывай нас, пиши, молись Богу и Матушке Царице Небесной, заступнице нашей..“ Ребятишки кричат: „Тятя.. ы.. тятя..“. Призываемый успокаивает: „не горюйте, ведь скоро вернусь, што реветь-то, молитесь больше Богу“, обращается к родным: „Не забудьте сирот моих“..

Особенно глубокой стала скорбь народная при современных мобилизациях. В августе 1919 г. при поездке по Ковернинскому и Макарьевскому уездам мне приходилось видеть проводы „дезертиров“. Они собирались большими партиями и шли пешком. Оплакивали их, как мертвецов или людей, заранее приговоренных к смерти. Провожали их, как на „неминучую“ смерть, которую они должны встретить или на войне или в Костроме. Только и слышно было: „Милый, прощай.. прости.. Благослови деток.. ох, ох.. ох..“ и падали в обморок. На многих „дезертиров“ сильно действовало это, и некоторые теряли присутствие духа и впадали в „столбняк“, а по уходе с дороги частенько оглядывались назад, махая фуражкой и вытирая слезы кулаком. На пароходе по Унже я видел, как нервничают красноармейцы; ляжет спать и моментально вскакивает, схватится за голову, глубоко вздохнет, выйдет на верх парохода и смотрит в свою сторонку. Начинает-ли закусывать домашних „ясьв“—поглядит сначала на домашнее продовольствие, откусит, а уж из глаз его каплют слезы. Некоторые подсмеиваются: „эх ты, баба, заревел!“, а бывает—посочувствуют, погорюют вместе. В деревне Вершинино

мне рассказывали, что при последнем прощании не были так облиты дождем камни, как обливались слезами: „ревели до упаду, до безпамятства“. Некоторые провожают уже не первых и сдерживают слезы: „вытекли все слезы-то“, „горло пересохло“, „так стало-быть Богу угодно“, „надо терпеть и переносить все“.

Несколько причитаний над призванными удалось мне записать в 1916 и 1919 годах: 1) в Скоробогатовской вол., в дер. Медвежкове-Кобелеве (Ковернинск. у.) в 1916 г., записано в тот момент, когда старушка провожала единственного сына; 2) записано в той же деревне со слов девицы, проводившей своего брата, в том же 1916 году; 3) в деревне Вершинино, Коверн. у., от К., в августе 1919 г. после проводов; 4) записано там же и тогда же от М.

Когда записываешь со слов при рассказах, не получается действительного впечатления; сами рассказчицы заявляют: „Ох, уж все то и не скажешь так-то“, „тово не скажешь, што выла при проводах-то, а при горе-то найдется причетов-то не мало“. Бывает, что и при рассказах заливаются горькими слезами, чем и прерывают запись. И по многим другим причинам очень трудно записать причитание в самый момент действия. Трудно разобрать все слова издалека, а близко—мешают зрители и т. п.

Кроме моих записей для сравнения ниже помещаются причитания из других уездов Костр. губ.—из этнографических материалов Костромской Ученой Архивной Комиссии, записанные в 1900 году: одно (мать по сыне)—свящ. П. Пановым, у-цей Трояновой и уч-лем А. Вознесенским в с. Куникове, Мисковской волости, Костромского уезда, другое (сестра по брате)—С Шаровым в Варнавинском уезде, Богородской вол., в д. Замытихе.

Особо в настоящем выпуске печатается восемь причитаний, записанных известным писателем этнографом Ф. Д. Нефедовым в 70-х годах в Кологривском уезде; записи эти сообщены Костромскому Научному Обществу Владимирской Уч. Архивной Комиссией, в архиве которой хранятся рукописи покойного этнографа. Эти причитания могут быть сравнены с „нынешними“, и, сравнивая их, можно видеть, как сильно, даже за небольшой промежуток времени, изменяется „плачущая“ народная поэзия *).

*) Историю развития и значение „плачущей поэзии“ подробно выяснил Е. В. Барсов, собравший богатейший материал в Олонецком крае („Причитания Северного края“, ч. 2-я. Плачи завоенные, рекрутские и солдатские М. 1882 г.). Помимо того, причитания по рекрутам записаны: в Тульской губ. Д. Успенским (Ж. Ст 1896 г., в. 2, 242—248, статья: „Рекрутские причитания“), в Вытегорском уезде, Олонецкой губ., студ. А. Мельничкиным (Ж. Ст., 1894 г., в. 2, стр. 215—221, статья „Рекрутчина“) и в Новгородской губ. А. Суворовским (Этногр. Обзор. 1907, № 3, 92—94, ст. „Вопли“ Новгор. губ.), к которым и отсылаем всех интересующихся этого рода народной поэзией.

Мать по сыне.

Узо свет ты чадо милое,
Уж куда ты собираишься?
Ни в торги ты, ни во ярмонки,
Ни на веселое гуляньицо—
Собираишься, ясен сокол,
На чужую ты сторонушку.
Молодым ты молодехонек,
Умом-разумом глупехонек,
Собираишься, ясен сокол,
Ты под пули уж под быстрые,
Под сабли ты под вострые,
Ой, ой, ой,
Под штыки узо ты под светлы.
Узо тебе то, чадо милое,
Ой, ой, ой,
Не сложить бы буйну голову,
Ой, ой, ой!
Узо, свет ты, чадо милое,
Напиши-ко письмо-грамотку,
Извещай-ко нас злыдарных,
Про свое житье солдацкое.
Узо, ой, ой, ой!
Болезное мое дититко,
Напримаишься ты холоду,
Ой, ой, ой,
Уж ты холоду и голоду.
Ой, болезное мое дититко,
Ты оставил нас злыдарных,
Ой, ой, ой,
Ты при старости, при древности,
Ой работать у нас работу некому—
Без тебя болезно дититко,
Ой, ой, ой, . . .

Сестра по брате.

Уж, родимой ты мой, милой брат,
Уж куда ты собираишься,
Собираишься, мой милой брат,
На чужую на сторонушку?
Нам откуда тебя ждать глядеть,
Со которые сторонушки?
На чужой дальней сторонушке
Кто приветит брата милова?
На чужой дальней сторонушке
Нет ни батюшки, ни матушки,
Только есть-то судьи грозные,
Да начальнички военные.
Там приветить тибя некому,

А журить-то бранить есь кому.
На чужой дальней сторонушке
Больно прытко понамаишся,
Вного *) горя напримаишся,
Вного нужды навидаишся.
Там напитки не медвяные,
Там и ясьвы не сахарные,
Там не светит красно солнышко,
Только дуют ветры буйные,
И несут там снега белые,
И зальют там дожди сильные,
И потопят грязи черные.
На чужой дальней сторонушке
Там постеля-то не мягкая
И сголовье не высокое,
Одеяло-то не теплое,
Там постеля мать сыра земля,
А сголовье бел горяч камень,
Одеяло ветры буйные.
Уж тыхватишся, мой милой брат,
Ты своей жисти домашней,
Присылай-ко письмо-грамотку—
Я приеду, лебедь белая,
Уж к тебе я в дороги гости,
Прилечу я вольной мташечкой,
Сизокрылой я пичужычкой.
Уж ты стреть-ко миня, милой брат,
И возьми-ко на белы руки.
И стану я, лебедь белая,
У тебя я все выспрашивать,
И про свою я жизнь рассказывать,
И стану звать я в дороги гости.
И пойду я к царю белому
Уж тебя я, дорогой мой брат,
В дорогие гости отпрашивать:
„Уж ты, батюшко, наш белой царь,
Отпусти-ко в дороги гости
Ты мово-то брата милова,
Хоть на малое-то времичко,
На одно хоть клено летичко,
Поработать с нам работушки:
У нас батюшка старехонек,
Да и матушка древнехонька,
Работать работу некому“.
Без тебя-то мой родимый брат,
Больно прытко понаскучились,
Приходи-ко в дороги гости,
Уж мы будем тебя ждать,
Глядеть со чужие-то сторонушки.

*) Так и произносится: не „много“, а „вного“.

И не зачем ты не раскладывай,
Не за реченькам-ту быстрыем,
Не за грязем-ту за черным,
Не за лесикам-ту темным.
Уж продам я, лебедь белая,
Я свое все светло платицо,
Отложу я все гулянице,
Соберу я золоту казну,
Пойду стречу брата милова,
Через реченьки-те быстрые,
Я найму-то лехки лоточки,
Через грязи-то я черные
Настелю моста кленовые,
И поряжу я, лебедь белая,
Прирубить-то леса темные,
И найму-то я добрых коней,
Привести-то брата милова.

Мать по сыне.

Болезно ты мое дититко,
Когда ты был у белой груди,
У мово ретива сердца,
Так ни болело-то
Так сердечушко,
Ни болело так ретивое.
Уж как взрос ты, дититко,
Уж пошел в чужи люди,
Да как увидили добрые люди,
Наехали начальнички,
Да потребывали чада милова
Уж они то ево в приемнушку
(И) о, забрили ево в солдатушки.
Уж не так бы сердце рвалось,
Да не так-то надрывалось,
Как уж прежние времичко,
Прежние тихое.
Коли служили они десвительной—
Уж не так страсти великие,
Уж не так сымали с плеч головушки.
А топерिशне-то времичко—
Страсти-то великие—
И уж гонят, как скотинушку,
Под ружьи-ти их под светлые,
Уж под пули-ти шипучие,
Под сабли-ти ясные.
Уж как срубят с плеч головушку
На чужой-та сторонушке,
Уж положат чадушка милова
В матушку во сыру землю,
Ах! как я то горе, горемышная,

Куковать-то буду кокушечкой,
Куковать-то буду день и ночь.
Болезно мое дититко,
Коли дождаться в дороги гости?
Уж тогда видно свидется,
Когда сойдемся к царю небесному.
Болезно мое дититко,
Не могла наглядеться,
Не могла налюбоваться.
Уж не только на свету-та,
Одна я, матушка,
И у каждой также болезни детоньки,
И много слез горючих.
Уж Бога мы прогневали,
Царя-то мы небеснова,
И Пресвятую Богородицу—
Послала гнев велико-ет
На нас то она, на грешных.
Пресвятая Богородица,
Не вожжалеешь-ли рабов Господних?
Не примиришь-ли эку жись бещасную?
Пресвятая Богородица!
Уж не слышишь воплю великую,
Плач нашу, рыданьицо,
И чажолова вздыханьица?
Была больна я, грешная,
Наказал ты меня, Господи,
Народить чад болезных.
Уж на это на времичко
Была бы болезнь Матушка,
Помогла бы горю великому,
Поуговаривала:
Не растраивайся, болезно дититко,
Проси Царя Небеснова
И Пресвятую Богородицу.
Поди дититко милое в Церковь Божию,
Проси ты Царя, Царя Небеснова,
Не сохранит-ли тебя Господи
На чужой-то на сторонushке
(От) кладные могилушки
И не принесет-ли Господь
На свою-то на сторонushку,
Не погляжу я очам ясным
На свою болезнова дититка?
Не просветит ли Красно Солнышко
Уж в моих-то в очах ясных,
Не обрадует-ли сердечушко,
Не придет-ли жись приятная
По старому, по прежнему.
Уж отстало-бы сердечушко,
Отстало-бы оно ныть и болеть,

Наболелось, надорвалось
От жисти от печальные.
Уж пришло-то эко времичко,
Все холодные голодные,
Уж во сети-то ровно скованы,
Уж не ходят с горя ноженъки,
Уж не делают белы рученьки,
Не хватает ума-разума
Во моей-то умной головушке —
Што болезно мое дититко
На чужой оно на сторонущке—
Залетная мташечка,
Горемычная кокушечка.
У меня-то, у злодарные,
Одна только отрадушка:
Уж сходить-то в леса темные—
Уж дуют-то ветры буйные,
Шумят-то леса темные,
Кокуют-то кокушечки.
Закричу я громким голосом:
Не шумите леса темные,
Не разрывайте сердечушка,
Не кокуйте-ко кокушечки,
Не давайте горя сердечушку—
Моему сердцу тошнехонько.
Вы, болезные кокушечки,
Уж вы, вольный-то мташечки,
Уж как сизыем вы крылышкам
Вы слетайте-ко на чужу,
На чужу-то сторонущку,
Отнесите-ко niskой поклон
Болезному мому дититко
От своей родимой матушки.
Уж кокую я день и ночь,
Кричу Царя Небеснова,
Да не слышит-то миня Господи,
Уж мово крику-вопливу
И мово-то въздыханьца—
Прогневала Царя Небеснова
Уж своею жистью нещасною.

Мать по сыну.

Уж, болезно Ладо милое,
Уж куда ты собираишься?
Во какую путь-дорожиньку?
Во каку ты не. милую?
Много горинька навидаишся,
Уж как холоду и голоду.
Из-за ково ты воевать пошел,
Ладо милое?

Уж власти все безбожные,
Уж постам-то они не постилися,
Ни почитали ни среды, ни пятницы?
За то наказала всех Владычица,
Они приняли табаки-те, дымы горькие,
Да самовары-те светлые,
Да чай-то сахарные.
Остается много деток малых,
Уж сироток все бещасных—
Как уж они подстреленные
Все мташечки,
Уж и горькие кокушечки.
Уж как горяшка многохонька,
Уж три поля насеяны,
Круты горы накаченые,
К нашему сердцу приваленые.
Мне бы сизы крылышки:
Я взвилась бы высокохонько,
Уж взяла бы я в праву рученьку
Саблю острую
И срубила бы я буйну голову
Начальникам...

Мать по сыне *).

Уж ты, свет-то мой,
Чадю милое!
Уж ты, кровь-то моя,
Горячая!
Отлетишь-то,
Да мое сладкое,
На чужу-дальнюю
Сторонушку!
За луга-то,
Да за зеленые,
За леса-то,
Да за темные,
За реки-то,
Да за быстрые,
За моря-то,
Да за синие,
Под пушки-то,
Да под крепкие,
Под ружья-то,
Да заряженные,
В неволюшку,
Да в великую,
Ко царю-то,
Да ко Белому!

*) Записано свящ. П. Пановым, учительницей Трояновой и учителем А. Вознесенским в селе Куниково, Мисковской вол., Костромского уезда 23 января 1900 года.

Сестра по брате *).

Уж об чем я, братец батюшка,
Уж об чем я буду кучиться,
Ты могишь меня и послушаться.
Ты пади-ко, братец-батюшка,
Ты пади-ко во резвы ноги,
Что своим да братцам милым,
Не оставили-б тебя горького
На чужой-то ли дальней стороне,
Чтоб прислали бы золотой казны.
Я сама бы знаю, ведаю:
Не тебе бы надо кучиться,
Не тебе бы надо кланяться,
Как лежать бы во резвых ногах
У тебя ли, мой ясен сокол,
Что твоим-ли братцам милым,
Со своим да с молодым женам.
Нынче годы то не экие.
Уж твой-то ли родители
Что старым они старешеньки,
Что слабым они слабехоньки
И не ихня воля-большина,
Как во этой золотой казне.

*) Записано учителем Ст. Шаровым 15 марта 1900 г. в дер. Заметаихе, Богородской вол., Варнав. у.

ПРИЧИТАНИЯ

записанные Ф. Д. Нефедовым в Кологривском у., Костромской губ.
в 70-х годах *).

Мать по сыне.

Родимый ты мой сынок Гаврилушка,
Куда то мы тебя собираем?
Не в гости, не на работушку,
Собираем в дальну сторонушку,
На службу к царю батюшке.
Все-то мы не думали, не гадали,
Что придет к тебе эта долюшка.
Мы надеялись на Господа,
Что избавит Он тебя этой дороженьки,
Как избавил твоих братчиков
Григория со Иваношкой.
Знать, судьба твоя похуже их!
Как мне жаль тебя, мое дитятко!
Не увидят тебя больше мои глазеньки,
Человек я не молоденький,
Да и силушки, как не было,
Не дождусь уж я прихода твоего
Без тебя-то, ты жалельник мой!
Снесут мои косточки во сыру землю,
Без меня-то и жене твоей
Житье будет не попржнему.
Молись, молись, дитятко,
Чтоб Господь продлил дни мои,
А теперь-то я себя плохо чувствую,
Да и с этой-то заботушки
Не надеюсь сама выжить.
Не хотелось бы, дитятко,
Мне с тобой раставатися.
Говорят люди добрые,
Что пришло время тяжкое,
Подымается туретчина.
Не миновать тебе дитятко
Быть убиту в поле турками,
Да и к нам придет, поганый он.
То-то, то-то, мы несчастные,
Дождались чего, сердечные,
На чужой-то на сторонушке
Всего ты много напримаешься,

*) Печатаются по копиям, присланным из Владимирской Губ. Уч. Арх. ком., где и хранятся подлинные записи. Копии списаны по новейшему правописанию. Пользуемся случаем выразить глубокую благодарность Н. В. Малицкому, оказавшему содействие Научн. Об-ву в деле снятия копий с подлинных записей. *Примеч. Ред.*

Много увидишь там неволюшки.
Там не как дома, дитятко,
Не залезешь там на печку,
Не погреешься хорошенько;
Там не выйдешь ты на улицу,
Не погуляешь на свободушке;
А пожалуй там и до-сыта
Не дадут тебе и хлебушка.
Служи, служи, мое дитятко,
Государю Царю Батюшке:
Не покинет он, кормилец наш,
Вас солдат бедных.
Ох, не вытерпит сердечушко,
Умру с горя я старехонька.
Не учишь ты, мое дитятко,
Табаку курить поганого.
Я слыхала, мое красное,
Что во службе и в пост едят мясное:
Не греша-ка ты кормилец наш,
Не скверни уста сахарные.
Накажи-ка мое дитятко
Молодой жене меня слушаться.
Прикажи-ка ты, сударик наш,
Жить ей с нами все по-прежнему,
Все по-прежнему, по-хорошему.
Не браниться и не ссориться.
А как выростит мальченка твой,
Мы поучим его грамоте.
Вот тебе благословение,
Храни свято мою заповедь,
Молись Богу постоянно ты—
Не покинет он своей милостью.
Попроси-ка ты, родимый сын,
Своих братьев, своих сродных,
Чтоб не оставили они тебя
На чужой-то на сторонюшке,
Да и здесь бы пожалели нас,
Сирот горьких, несчастных.
На царской-то службе живи мое дитятко,
Живи хорошенечко,
Уважай начальников,
Слушайся, как дома нас.

Жена по муже.

Любезный ты мой друг Гаврилушка!
Куда ты от меня собираешься?
На кого ты меня покидаешь?
С кем прикажешь без тебя мне жить?
Итти к родимому батюшке?—
Да он теперь не рад будет.

А остаться здесь у свекра батюшки,
Без тебя, мой друг, много горя я увижу.
Когда я шла за тебя, мой друг,
Не думала, что тебя отдадут в солдаты.
Никто мне без тебя
Ни одежды, не сошьет, ни башмачков не купит.
Не жаль бы мне тебя было,
Если бы ты у меня был буян,
Или пьяница, или распутник:
А то я жила за тобой,
Как за каменной стеной.
Я не видела ни горя, ни заботушки,
Была спокойной, всем довольна.
А теперь дружочек мой,
Много горя я вижу, много заботушки;
Без тебя, мой друг, придется
Терпеть много разной напраслины, неприятности.
Все прошли мои радости,
Все прошли мои красны дни.
Не тужи мой любезный друг, —
Видно так угодно Господу,
Проси у него милости:
Служи верой правдой,
Почитай чиновников,
Не обижай добрых людей,
Не бери ты чужого,
Не забывай Бога.
Если сам будешь набольшим,
Будь милостив к служивым:
Они твои братья.
Знать на роду тебе так написано:
Если бы все дома сидели, —
Пришли бы неверные
Басурмане всех бы нас передушили:
Попроси-ка ты своего батюшку,
Да родимую-то матушку,
Чтоб не оставили они меня,
Сироту горькую, одное с малюткой горе мыкати.
Попроси-ка родных братчиков,
Чтоб не давали они меня в обиду
На смех добрым людям.
Не надеюсь я, любезный мой,
Возвратиться тебе с поля здоровому:
Говорят все люди добрые
Подымается война тяжелая,
Идут турки некрещенные,
Всех порежут нас несчастных.
А тебе-то мой любезный друг
Непременно быть убитому.
Как мне жаль тебя, любезный мой,
Так судьба твоя несчастлива.

Без тебя, любезный мой,
Никто мне ничего ни с базару,
Не из гостей не принесет.
Без тебя, любезный,
Будут делиться братья,
Не дадут они мне никакой долюшки.
Много горя я увижу, много неприятностей.
Благослови ты, любезный мой,
Своего сынка горемычного,
Да прикажи ему быть не пьяница, не кот,
Чтоб слушался меня горемычную,
Уважай людей добрых.
Прости мой любезный друг,
Не тужи, не горюй о нас сиротах,
А проси-ка больше Господа,
Чтоб не оставил Он нас
И тебя своей милостью.

Тетка по племяннике.

Родимый ты мой племянничек Гаврилушка!
Куда ты от нас собираешься,
На кого ты покидаешь молодую жену
С сынком маленьким?
Кто без тебя их защитит
От обид и разных напастей?
Без тебя, родимый мой,
Много они увидят всякого горюшка.
Без тебя, родимый мой,
Не посмеют они за стол сести обедати.
Без тебя, родимый мой,
Ни одежды, ни обуви.
Кто без тебя их пожалеет,
Кто без тебя их приглубит?
При тебе жили они спокойно,
При тебе никто их не обижал,
А без тебя все-то они напримаются:
Ныне люди злые, народ хитрый,
Всего наговорят про твою молодую жену,
Наплетут разных небылиц,
Да и сам то ты будешь сомневаться.
Жаль мне их горемычных
А жальней тебя, сударик мой,
Сам ты больше их напримаешься,
Примешь много голоду и холоду.
Кабы было теперь время мирное,
Все бы мы так не заботились.
А то наступает время военное,
Едва-ли ты, родимый наш,
Воротишься с поля здоровым.
Слышит мое сердечушко,

Что не быть тебе живому,
Убьют тебя турки некрещеные,
Не увидят тебя больше мои глазоньки.
Не жаль бы было тебя, дитятко,
Если бы ты был у нас какой распутный,
А то жаль: ты у нас,
Как красна девушка.
Пьяным мы тебя не видывали,
Ни с кем ты у нас не ссорился,
А пришла к тебе эта долюшка,
Доля горькая несчастная.
Всех несчастней ты своих братчиков,
Их Господь избавил этой дороженьки,
А тебе привел за всех страдать.
Не ропчи ты, наше дитятко,
На судьбу свою горемычную,
А проси-ка лучше Господа,
Чтоб не оставил Он тебя на чужой сторонушке,
Помог бы Он в трудах тебе.
Жаль мне тебя, родимый мой,
Без тебя и мне плохо будет жить,
Никто мне без тебя
Ни дров не нарубит, ни обуви не подошьет.
Бывало я этого горюшка не видала,
Ныне мне будет много хуже прежнего.
Не тужи мое дитятко,
А служи Государю Царю Батюшке,
Не оставит он вас
Солдат бедных без наградушки.

Сестра по брате.

Родимый ты, наш братец Тимофеюшко,
Куда ты от нас собираешься?
Аль не жаль тебе батюшку с матушкой,
Молоду жену с мальчиком?
Много горя без тебя они увидят,
Много бедности;
Стары наши родители
Не перенесут они этого горюшка,
Они с этой то заботушки
Сойдут во сыру землю—
Тогда что будет с нами бедными?
Без них и жене твоей не житье будет,
Да и самому тебе,
Как Господь велит воротиться,
Все бы лучше притти к родимому батюшку,
Чем к чужим людям;
Да не думаю, чтоб-то сбылося,
Чтоб велел Господь воротиться.
Говорят люди добрые,

Что война идет сильная,
Поднимается турка поганая,
Убьет она тебя некрещеная,
Не увидим мы больше тебя,
Ненаглядный наш.
Ох, судьба твоя горемычная,
Сколько горюшка примет твоя головушка,
Примешь ты много голоду и холоду;
Там родимый братец не залезешь на печку,
Не погреешься, сколько надобно,
Не погуляешь на улице
С добрыми людьми на свободушке,
Не повеселится твоя головушка
Не услышим мы больше твоих песенок,
Не увидим больше ясных твоих очей.
Прости, прости, ненаглядный наш,
Да пиши почаще письма к нам.
Прикажи-ка ты, родимый братец,
Молодой жене отца с матерью больше слушаться,
Да вели ка ей по-смирнее жить,
Да поменьше гулять.
Ныне люди злые всего наговорят:
И правды, и небылицы.
Я сама, братец, солдаткой была,
Много видела всякого горя и заботушки.
Не тужи, родимый братец, не горюй,
Бог все сделает по своему.

Мать по сыне, увозимом в солдаты.

Ты мое цадо милое,
Ты мое да любимое,
Ты мое да ненаглядное
Уж как я, горькая горюха,
Я в утробе тебя носила,
Ростила, поила и кормила,
Добрые люди тебя не видели,
А теперь, цадо милое,
Скоро люди тебя увидели:
Подкосили, подрезали
Наши резвы ноженьки.
Ще разлуцят, цадо милое,
По скору поскорехонько,
Ще угонят тебя, кормилеч мой,
Далеким далекохонько
Во службу государскую,
Во неволю великую.
Не спознаю я, горюха,
Не видаю, не сведую,
Когда што с тобой состанетча:

Либо смертоцка смертная,
Али болестоцка цажолая.
Угонятат тебя под сабельки вострые,
Под ножи под булатные!
Я о цем тебя, цадо милое,
Поклонюсь тебе да покланяюсь:
Ты пиши-ко, цадо милое,
Да на родимую сторону,
Ты пиши, все выписывай
Ты свое житье горькое,
Ты свою кару, маяту.
Ты пиши, все выписывай
На свою рѳдну сторону
К нам да к родителям.
Уж мы станем отписывать
Не пером тебе, не цернилами,
А своим горюющим слезам.
Ты скажи-ко, благословенно дитятко,
Как то нам жить да быть,
Нам самим прокормиться?
Ой, несможно нам, горюхам,
Работки работати,
Несможно по сырой земле ходити,
На свет вольный глядети
Со такого горя-круцины,
Со пецали великия.

Мать по сыне.

Ще не солнышко красное
Из-за лесу выкаталося,
Из-за гор подымалося,
То мое цадо милое
Из тепла гнезда подымалося,
А мои то ясны очи
Не глядят на белый свет,
Ще не идут да резвы ноги,
Подкосило, подрезало
Без косы без вострыя,
Без ножа булатного.
Провожаю я тебя, горюха,
Не к Николе святителю,
Не к Николе молиться
Не к пресвятой Богородиче,
Я тебя не в любы гости.
Не к своим—то я родным,
Провожаю я тебя, горюха,
Далеким далекохонько
На цужую дальну сторону,
Я во службу во чарскую,
Во неволю великую,

В города во украиные,
Под сабельки вострые,
Под пушечки медные,
Не спознаю, не сведаю,
Когда смертоцка тебе состанетча.
Уж я стану коковати
По утру ранешенько
По вечере позднешенько.
Я с кукушкам со горюшецкам,
Я со мташкам со горькими,
Со красным со солнышком
Уж я стану посылати:
Отнеси, красное солнышко,
Целобитье—низкой поклон
Моему цаду милому
Во неволю великую,
Во службу государеву.
Отныне я стану, горюшецка,
Спрашивать красно солнышко:
Уж ты видело ли моего цада,
Моего цада милого?
Ты скажи, где видело,
На какой каре, маяти?
А не забыть то мне, горюхе,
Этого горя великого
Отныне и до веку
До матушки сыры-земли.
В те-поры, забуду,
Когда придет смертоцка скорая,
Положат меня во сыру-землю
Под нову гробову доску.

Сестра по брате.

Как забыть тебя, батюшка,
Кровного да утробного?
Братеч, милый батюшка,
Провожаем мы тебя
Далеким далекохонько
Во неволюшку великую,
Во службичу чарскую,
В города во украиные.
Мы станем все коковати
По тебе да горевати
По утру раным ранешенько,
По вечере позным познешенько.
Кабы был ты, братеч—батюшка,
Был бы ты большой помощник,
Да в работе ты большой пособщицик,
Не зазнала бы я, горюха,
Этого горя я, круцины,

Пецали великия,
А топеря мы, горюхи,
Станем по тебе коковати,
По тебе да горевати.
Все имеем мы глядети
От тебя целобитьяча радости.
Со цужия сторонушки,
Из неволи великия,
Со службичи чарския:
А дождемся, доглядимся,
Как целобитье нерадостна,
Так лишимся ума-разума.
Мы прижмем к ретиву сердчу
Да его ко беду личу.
Станем мы тебя поминати
Да тебя повелицати
По утру ранешенько,
По вецере позднешенько,
Со своим то кормиличем,
Со родимым батюшком,
Со родимой матушкой.
Не забудем мы до века
Про твою то неволюшку,
Про твое житье горькое,
Про твою кару-маяту.
Разлуцили видно, братеч батюшка,
Разлуцили нас на веки.

**По сыне, которого отдают на
военную службу.**

Как тебя ли, мое дитяtko,
Провожаю я да родимое.
Во дальнюю да во сторонушку,
За реки-те да за быстрые,
За леса-те да за темные,
За моря-те да за широкие?
Да тебя ли, мое дитяtko,
На край да свету вольного?
Пишика-ты да мне дитяtko,
Весть да грамотку:
Не пером да ты не чернилами,
Ты пиши-ка мне, родимо дитяtko,
Пиши-ко мне, сиротинушке,
Своим да горючим слезам.
Ты оставил, мое дитяtko,
Меня ли да сиротинушку,
Старым-то да старинешеньку,
Глупым-то да глупешеньку.
Уж я то, сиротинушка,
Одним-то одна одинешенька,

Да как стану я сама себя кормить ?
Не сад был вас насажен,
Больно одно то родимо дитяtko,
Кормила я тебя сиротинушку
Из малых да из глупых-то,
Да выкормила про царя батюшка.
Напишу то я, сиротинушка,
Да к тебе на чужу сторонушку,
Напишу да я письмо-грамотку
Не пером то и не чернилами,
А своими горячим слезам
Про свое житье горемычное.

Народные похороны и причитания в Костромском крае.

I.

Общий порядок похоронного обряда. Приметы. Сны. Признаки близкой смерти. Присмертные обычаи. Омование умершего. Одежда. Гроб и инвентарь для загробной жизни. Вынос. „Стрешник“. Проводы в церковь. Могила. Памятники. Умершие „непорядком“. Обряды при эпидемиях. Похороны у некоторых сектантов.

Погребальный и поминальный обряд в Костромской губернии несложен и в общих чертах везде одинаков. Он напоминает собой похоронный обряд других мест центральной и северной России.

По смерти человека, его „обряжают“, т. е. омывают и одевают в чистую одежду, чаще всего только в белую, и в саван, который шьется из новины или коленкора в виде мешка с башлыком на голову. Затем умершего кладут под образа в передний угол или на стол. Ближайшие родственницы и знакомые женщины громко выражают свою скорбь плачем и причитаниями. „Выть“ считается обязательным почти повсеместно на всяких похоронах. Через сутки по смерти устраивают вынос в церковь „с подъемом“, т. е., с приглашением причта или без него. Это зависит от достатка. В церковь берут обычно чашку меду и пирог или связку кренделей—помянуть на паперти усопшего. После похорон устраивают поминки-трапезу на дому. Таков основной порядок костромских народных похорон.

Необходимо заметить, что население Костромского края далеко не однородно, как по условиям жизни, по говору, так и по своим понятиям и обычаям. Каждая группа селений, как Ликурга, Корега, Баковщина, Одуевщина и т. д. представляет особое лингвистическое гнездо и имеет, так сказать, свою особую бытовую физиономию, и свои местные обрядовые особенности. Поэтому местами и в погребальный обряд вплетаются любопытные характерные особенности, сохранившие черты глубокой старины, отражающие различные колонизационные потоки столкнувшихся здесь народностей, растворивших в себе финские и другие не славянские племена. Для решения возникающих отсюда вопросов доисторической этнологии края существенно необходимо возможно точное обозначение мест наблюдения тех или иных явлений. С другой стороны, в этнографическом отношении Костромской край не совпадает с административными границами, в виду чего неизбежно напрашиваются некоторые параллели обычаев и обрядов соседних губерний.

По народному понятию, смерть заранее бывает предуказана или вещей птицей или другими предзнаменованиями, в основе которых большею частью лежат мифические воззрения. Эти недобрые

приметы, указывающие на близость в доме покойника очень разнообразны, и особенно крепко держится древнее верование в вещую силу птицы и, вообще, чутье животных.

Повсеместно ворон считается зловещей птицей, предвестником смерти. Ворон каркает—к покойнику, особенно в селении, где есть больная. Птица-ворон долго вьется над домом или сядет на крышу, а особенно, если еще в трубу заглянет,—„живучи год не пройдет без беды“. На могильном или церковном кресте сидит ворон и на чей дом хвостом—тут и покойник будет. В погосте Ильинском, Галич. у., говорят, что если каркает ворон, сидя на церковном кресте—умрет священник. Коршун на кресте—также к покойнику (с. Здемирово, Костром. у.). Кукушка на доме—или пожар или смерть кого-нибудь из семьи (с. Дмитриевское, Варн. у.). В Ветлужском уезде говорят: „Если выйдешь из дому, и кукушка закукует голодному—к постеле“, т. е. болеть или умереть; сытому—худого не будет (из материалов, собранных А. А. Ширским). Дятел долбит стену—к покойнику (Д. Петровская, Чухл. у.). О всякой птице, если она стучит клювом в крышу, в стену или в окно дома,—говорят, что она выживает кого-нибудь из дому (с. Георгиевское, Кинешем. у.). Куры весной кричат до солнышка на гнездах—к покойнику (с. Ефремово, Кологр. у.) и даже просто „куры весной гуляют“ (с. Тушебино, Галич. у.). Петух не во время поет, сидя—к смерти чьей-то, если же стоя, то—вести (Ветл. у.). Кура петухом поет—к покойнику (Галич. у., в Нерехте—к пожару). Курицы кокачут стадом, курица петухом поет—к несчастью (Ликург. вол., Буйского у.). Другие животные являются также чуткими предсказателями смерти больного. Собака воет, опустив морду к земле,—к покойнику, (кверху—пожар). Роет яму и притом воет—также к скорой смерти кого-нибудь в доме (с. Борщино, Костр. у., с. Фед. Слобода, Чухлом. у.). Кошка ложится поперек пола—тоже (с. Борщино, Костр. у.). Мыши также могут быть предвестниками смерти. Мыши из'едят платье—к покойнику (с. Урень, Варн. у.). Шумят мыши около постели больного—к смерти его (г. Кострома). Корова ложится у ворот—будет в доме покойник (с. Тушебино, Галич. у.).

В дневнике одного Солигаличского помещика 40-х годов, человека по тому времени хорошо образованного, упоминается (под 26 апр. 1840 г.) о похоронах дворовой женщины какой-то Катерины Прокофьевны: „При вывозе со двора тела лошадь остановилась. Говорят, что это нехорошо. Бабы заметы“,—заканчивает рассказчик относительно этого происшествия, а под 27 мая он замечает: „получил письмо Сашеньки (сестры автора), где пишет, что Степанида, Прокофьева мать, умерла. Не есть ли исполнение предсказания при вывозе гроба Катерины? ¹⁾ Когда приходится вести покойника через деревню, в ней останавливаться нельзя. По выражению одного крестьянина, „хоть на себе тащи лошадь, которая вздумала бы остановиться—иначе в деревне будет покойник“ (с. Баки,

¹⁾ Записки Н. Нащекина. Книга II. 1840 г. 42, 57 стр. Рукопись хранится у автора настоящего очерка.

Варнав. у. ¹⁾). Плохими признаками считается, когда самовар „поет“ (с. Колшево, Кинеш. у.), зеркало разобьется (г. Чухлома), вылезет каша из горшка, т. е. поднимется выше краев горшка—в доме будет покойник (с. Борщино, Костр. у.). Когда в загоне обсев, т. е. при посеве вследствие забывчивости или по другой причине останется часть полосы незасеянной (с. Болотово, Костр. у., пос. Ильинский, Галич. у.). Необычайный урожай, особенно льна—„на покров головы“ т. е. к покойнику (с. Тушебино, Галич. у.)

Множество примет связано с избой. Щелкает или трещит в избе, напр., матица, божница, подоконный угол—„к выходу“ (пос. Ильинский, с. Тушебино, Гал. у.), балка или стол трещит—кого-нибудь выживает (с. Болотово, Костр. у.). Вытопится на наружной стене ком масла (особый вид грибка похожий на сливочное масло—с. Борщино, Костр. у.). Окно прорубят в старом доме—к покойнику (с. Троица-Олеш, Галич. у.). Из печи вылетит кирпич—к смерти в семье (Ветл. у., А. Ширский). Вообще в новом доме кто-нибудь должен умереть. Чтобы избежать этого на первую ночь только что отстроенного дома запирают петуха или кошку (Ветл. у.), берут также нарочно в квартиранты стариков (г. Кострома).

Существуют приметы, связанные с различными моментами религиозного обряда и жизни человека. Например: коли родится ребенок вниз личиком—тот не живущий, а вверх—будет жить; если пятки у ребенка коротки, если не спит по ночам в первое после рождения время, если в ухе хрящик слаб или его нет, если много ручками машет (пугается), если язык держит во сне книзу, а не к небу—не живущий (Ветл. у., А. Ширский). „В одной купеле крестить двух младенцев не следует—один из них умрет. Если по крещению младенца, воск с вмятыми в него волосами утонет (чего никогда не бывает), то младенец жить не будет. Если напутствование больного священник начнет возгласом: „святой Боже“,—больной умрет; если от священника услышат сначала другое слово—больной поправится. Эти приметы отмечены в Церковно-приходской летописи с. Макарьевского, Ветлужского у. Примета относительно воска встречается в с. Заводь, Варнав. у. и в др. местах ²⁾. Замечают также, у кого из брачующихся больше свечи сгорит—тот скорей умрет (д. Петровское, Чухл. у.). Если во время венчания у кого-нибудь из молодых погаснет свеча—скоро умрет (с. Семеновское, Макар. у.). Если свадебному поезду встретится воз сена—из молодых кто-нибудь умрет. Встреча двух свадебных поездов или встреча свадебного поезда с похоронами—тоже не к добру: умрет кто-нибудь (с. Малышево, Костр. у.). Но нечаянно встретить похороны—предстоит радость (с. Георгиевское на р. Лузе). Когда встретятся вблизи два знакомых

¹⁾ Срав. *Д. Шепин*. Значение некоторых зверей, птиц и других животных по суевериям русского народа („Филолог. записки“, вып. III—VI, 1895 г.; *О. П. Семенова*—Смерть и душа в поверьях и рассказах крестьян и мещан Рязанского, Ранен. и Данков. уездов. „Живая Старина“ 1898, вып. II, 288—229 стр.

²⁾ *А. Либеров*.—Из дневника сельского пастыря. „Костр. Еп. Вед.“ 1889, 132 стр.; *И. Аф. Иванов*.—Суеверный крестьянин. „Костр. Еп. Вед.“ 1885, 589 стр.; *А. Скворцов*.—Приход Воскресенской церкви с. Лиетья. Юрьевец. у. „Костр. Еп. Вед.“ 1887; „само собой разумеется, что такое гаданье ни одному еще младенцу не посулило смерти, так как воск никогда не тонет“, 846 стр.

и один другого не узнает—тот кого не узнают, будто года не проживает (поч. Бакино, Кол. у.). Году не проживешь, если в имянины не чихнешь. Забыли кого-нибудь при любом перечислении помянуть—„ну,—говорят,—померет“ (Ветл. у.). Коли забудется дома мерка с гроба умершего—значит к новому покойнику в семье (с. Колшево, Кинеш. у.). Не делай гроб больше покойника—другой будет (ус. Бореевская, Чухл. у.). Как плотно отпарывают на саван, замечают—откуда вытянется крайняя нитка: если саван потащит ее из остатка, так еще будет покойник (Ветл. у., А. Ширский). Если в доме больной умирает к вечеру на закат солнца—скоро еще быть покойнику (поч. Ильинский, Галич. у.). Если в доме умирает двое в непродолжительном времени один после другого—говорят, что в том году еще кто-нибудь умрет (с. Беберино, Варн. у., с. Колшево, Кин. у., д. Дурасово, Костр. у.). Две смерти во дворе—будет и третья. Большая то голова померет, дак так не пройдет—за собой еще потянет, хоть скотину (Ветл. у., А. Ширский). Если в доме кто умрет с открытыми глазами—значит он высматривает еще кого-нибудь, скоро будет другой покойник (с. Баки, Варн. у., с. Колшево, Кинеш. у., с. Борщино, Костр. у., Ветл. у.). Последняя примета в д. Тарбеево, Костром. у., кратко формулируется так: „покойник глазам глядит—еще выглядит“. На дороге нож найдут или пояс, не берут—не хорошо, п. ч. предвещает смерть—от ножа помереть или повесится, если возьмешь. Избу в два веника не метут, вместе в солоницу хлебом или картофелем макать нельзя двоим одновременно—бабка или matka умрет или двойников баба принесет (Ветл. у., А. Ширский).

Вещее значение имеют некоторые сны. Не говоря уже о снах, которые по принятому толкованию просто означают несчастье, как напр., увидеть во сне попа, найти на дороге пояс, увидеть печь, мутную воду, семя льняное и т. д., многие сны означают смерть в доме. „Зуб во сне падает—к убыли в семье“ (с. Болотово, Костр. у.). Если во сне увидишь выпавший зуб с кровью и болью—обязательно умрет кто-нибудь родной, без крови знакомый или „чужестранный“ (с. Борщино, Костр. у., Ветл. у.). Вариант: „Если приснится, что выпал без крови зуб—значит, умрет кто-нибудь из родных, а если с кровью, то к радости“ (д. Безгачево, Костр. у.). К смерти, если увидишь бревно везут мимо избы или в ограду, или если увидишь, что корыто кто делает, или полотно распяливает (Ветл. у., А. Ширский). „Во сне увидишь бревно из стены выпало, вывел сор из избы—к покойнику“ (г. Кострома). Такое же пророческое значение имеет: увидеть во сне новый дом или новый тес—в семье будет покойник (с. Борщино) Тес и земля во сне—к упокойнику (с. Тушебино, Гал. у.). Копать во сне землю или навоз—толкуется также к покойнику (д. Рыжково, Костр. у.). Видеть во сне себя под венцом—к близкой смерти (г. Кострома). Верят и в такой пророческий сон—привидится, что отвалилась подметка или каблучки—кто-нибудь из родных умрет (д. Безгачево, Костр. у.). То же самое—видеть во сне свечи (д. Торово, Нерех. у.). Но если приснится покойник, так это к дурной погоде, а если увидишь кого-либо из живых в виде мертвеца, так он еще поживет, потому что это значит—смерть его умерла (Ветл. у., А. Ширский).

Святочные гадания, к которым в деревне относятся полшутливо, бывает, что и „нагадают человеку смерть“. Напр., коли, гадая, под окошком услышат, что говорят о досках—к смерти. В святки в снег, в „целок“ (незатоптанный), ставят на ночь на каждого члена семьи поленце; если утром чье-либо поленце упадет, тот году не проживет (Ветл. у., А. Ширский). Когда гадают на крестах—на перекрестках, и услышишь похоронное пение—в том году умрешь (д. Китообразово, Гал. у.). В Нерехт. у. в Духов день девицы гадают, бросая в воду венки. Когда венок, брошенный на отца или мать тонет, то им в тот год, замечают, умереть¹⁾. Общераспространен обычай определять продолжительность жизни счетом—сколько раз прокукует кукушка.

Приметами, всевозможными суеверными и фаталистическими предзнаменованиями в избытке окутан каждый шаг человека. Они держатся удивительно крепко и часто они не только пережиток древнего верования, но рождаются вновь, подыскиваются для каждого надлежащего случая: умер человек—припоминают, что было перед тем необычайного или необъяснимого, и говорят: „не даром третевос кончик носа чесался“ или „кура петухом кричала“, „цветок не во время расцвел“ и т. д. Одна крестьянка Костром. у. рассказывала буквально следующее: „снилось мне—хожу по большому дому и никого не найду, а окон там в доме нет. Что-же? Года не прошло—муж умер“. Другая крестьянка из д. Криушево того же уезда рассказывала: „Рыбу во сне видеть не к добру. Раз вижу будто сели обедать, рыбу едим. А через неделю свекор и помёр“.

Соборование повсеместно рассматривается народом не как таинство, врачующее больного, а как прелюдия похорон: „соборованный не оздоровеет“, „уж соборовали“—значит больной безнадежен. Чтобы знать—умрет или нет больной, мажут его лоб медом, и если мед почернеет, так умрет, в противном случае будет жить (Баки, Варн. у., Ветл. у.). Судят также о скорой кончине по множеству вшей, которые появляются на больном (с. Баки, Варн. у.²⁾), а также по виду больного, напр. если нос заострился или „земля выступила на лицо“ (с. Шунга, Костр. у.) В одном рукописном лечебнике нам встретился такой способ народной прогностики: „чтобы жизнь скорую у больного узнать, сыскавши траву чернобыльник, должно положить под голову больного так, чтобы не знал и усмотреть, если же он уснет, то скоро умрет, а ежели нет, то будет долго жить³⁾. Когда нет в наличии тех или иных физических или физиологических признаков для определения близости смерти, а больной хворает, производят своего рода искусственный кризис: „с этой целью в Варнавинском у. поят больного водой с „громовой стрелы“: через 6 дней больной начнет поправляться или умрет“⁴⁾. В Ветлужском у. пус-

¹⁾ „Письма М. Я. Диева к И. М. Снегиреву“. Чтения в О-ве И. и Д. Р., 1887, Кн. I-я, 93—94 стр.

²⁾ Г. Попов отмечает прогностическое значение появления вшей для соседней Вологодской губ., а обычно мазать больного медом для Солиг. у., Костр. г. „Русская народно-бытовая медицина“. СПб. 1903 г., 182 стр.

³⁾ Рукоп. сборн. нач. XIX в. принадлежит автору.

⁴⁾ Г. Попов.—Русская народно-бытовая медицина, 185 стр.

кают на воду старинный образок от соловецких угодников на счастье хворающего: если будет светлый—тому жить, тусклый—помереть (А. Ширский).

После соборования обычно больной испрашивает прощение у священника, потом у всех собравшихся. „При сем домашние особенно сильно плачут, прощаясь с больным, как бы на смерть (в некоторых местах с причетами), что не редко смущает больного“¹⁾. Близкие и знакомые приходят к умирающему проститься, дети подходят принять благословение. С умирающим посылают на тот свет поклоны, не стесняясь при этом высказывать вслух свое мнение о безнадежном положении больного. Во время посещений больного принято приносить в подарок ему чего-нибудь из сластей, яблоков или пирога. Отказать больному в какой-нибудь просьбе считается недопустимым. На этой почве врачам часто приходится иметь столкновения с окружающими, так как, напр., бывает, что при тифе тихонько или даже вопреки запрещению врача приносят кислой капусты больному, который „уж больно просил капустки“.

На основании практики, применяясь к внешнему виду больных, священники часто могут определить исход болезни; поэтому после соборования обычно задают вопрос: „а что, батюшко, умрет или будет жить больной?“

Если больной безнадежен и приближается момент разрешения жизненной драмы, священник читает „отходную“ (молитву).

Когда больной умирает, как говорят здесь, „пашется“, в доме наблюдают тишину, чтобы „не измешать“ покойника, в противном случае он промается еще 12 суток“, также отворяют двери—„пропускают смерть“ (с. Баки, Варн. у.), завешивают зеркала (поч. Бакино, Кол. у.), останавливают часы (г. Кострома), покрывают умирающего подвенечной скатертью (Ветл. у., А. Ширский). При тяжелой и длительной агонии говорят, что это—не просто: умирающий ждет кого-нибудь проститься (с. Урень, Варн. у.). Когда слышно хрипение умирающего в предсмертной агонии—это называют „хоробец ходит“ или „хоробец играет“. В с. Колшево, Кинеш. у., лицо умирающего скачивают святой водой, чтобы облегчить кончину или просто дают пить святую воду. Очень распространен и устойчив обычай ставить около умирающего или под иконы чашку либо другой сосуд с водой (с. Баки, Лапшанга, Варн. у.). При этом наблюдают—не всколыхнется ли вода, как начнет душа купаться, и „иные будто видят“ (с. Болотово, Костр. у., Ветл. у.), „и какая бы в это время в доме ни была вода—в ушатѣ или в ведре, ту воду не пьют“²⁾. При смерти также кадят ладаном, ставят воду в печь, которую закрывают, запирают окна и двери, засвечают лампадки (поч. Давыдово, д. Дымново, Костр. у.). Умирающего переносят в переднюю половину избы под образа. Вкладывают в руку иконку, зажигают на божнице, „четверговую“ или „боголеленскую“ свечку. Если же умирающий лежит дальше матицы (к дверям), то ему тяжело

¹⁾ А. Либеров.—Из дневника сельского пастыря „Костр. Еп. Вед.“ 1899 г., 136 стр.

²⁾ А. Либеров.—Из дневника, 193 стр.; тот же обычай—ставить воду „чтоб душа омылась наблюдается“ во Владимирской губ. К. Завойко—Верования, обряды и обычаи великорос. Владимирской губ. „Этнограф. Обзор. 1914, № 3—4, 83.

умирать (Ветл. у. А. Ширский). Местами считают, что на мягком помирать „нехорошо“, все равно как и покойнику лежать на перине, потому что „на пуху грехи не простятся“. Смысл заботы перекладывать умирающего на лавку или подкладывать солому уже утратился. Настоящее значение обычая, практикующегося также у черемис, по мнению И. Н. Смирнова, раскрывается из того, что если умирающего не успели переложить на солому, то всякая постель, на которой он умер, должна поступить в его собственность ¹⁾.

Интересный обычай и довольно распространенный в Костромском крае отмечен в случаях „трудной смерти“. „Когда душа не может выйти из тела, открывают на крыше несколько тесин“. Свящ. С. Апполов, сообщивший это свое наблюдение в Макарьевском у. (с. Лежнево), остроумно приводит в сравнение сон Святослава в „Слове о полку Игореве“: „уж доски без кнеса в моем тереме златоврьсем“—уж доски лежат без князька в моем тереме златоверхом. „Князем“, „князьком“ в Галичском у. называют верхние тесины на ребре крыши, которые иногда заменяются бревном с желобом внизу, накладываемым на ребро скатов крыши. Этот обычай существует и в других местах. Трудно умирают колдуны и знахари, так как им черт не дает умирать. Потому знахарь перед смертью старается передать свои знания другому, так как оставить их при себе—грех (Ветл. у. А. Ширский). В случае трудной смерти поднимают „кочет“ т. е. передние стропила крыши, вбивая под него клин (с. Куликово, Болотово, д. Дымново, Костром. у.) или „конь снимают“ („конек“—украшение на передних стропилах крыши с. Колшево, поч. Давыдово, Кинеш. у., с. Тушебино, Гал. у., д. Петушиха, Варн. у., Ветл. у.). Пятнадцать лет тому назад,— в деревне Рыбная. Макарьев. у., был случай—в доме трудно умирал старик, тогда его снесли на мельницу, сняли шелом (крышу), он умер ²⁾. Если тяжело умирают малые ребята—это за грехи родителей (Ветл. у. А. Ширский).

Бывает смерть „легкая“, когда человек помрет, недолго похорав. Но в то же время „хорошей смертью“ считается, если человек „выболит“, т. е. благодаря болезни значительно уменьшится в весе. Хорошо помереть в светлый день Христова Воскресения—душа непременно попадет в рай, потому что райские двери бывают для всех открыты в пасху, как царские двери в храме. Случаи внезапной смерти, „одночастья“ рассматриваются по разному. Это или „Господь к себе призвал“ или кара Божия. Безусловно „нехороша смерть“ на печи или в печке. В некоторых местах, напр. Нерехотского уезда в печах парятся, бывают случаи, что угорают, или умирают от других причин. Эта смерть предосудительна для самого умершего, так как „печь—ладонь Божия“. Повидимому, смерть на печи оскорбительна с точки зрения культа очага. Все виды самоубийства считаются также нехорошей смертью. Даже подавать

¹⁾ И. Смирнов—Черемисы Каз. 1889 г., 152 стр.—Во Владимир. губ. подкладывают солому умирающему, „чтобы ему легче было“. К. Завойко—Верования..., 88 стр.

²⁾ А. Котляревский видит в этом темном обычае ту мысль, что „мертвец, отошедший из царства жизни, не должен выходить тем же путем, который служит для прихода и ухода живых, смерть не должна знать семейного порога и двери, открывающейся лишь для родных и друзей.—О погребальном обычае древних славян. М. 1868 г., 125 стр.

поминанье или ставить крест на могилу опившегося считается в Ковернине за грех. Но кого убило громом, тот попадет в царство небесное. „Бог-от спорил с дьяволом. Бог и говорит: я, говорит, тебя везде найду. А дьявол ему в ответ: а я спрячусь в камень!—Я и камень расшибу!—Я в дерево!—Я и в дереве найду.—Я в раба (в человека).—И раба не пожалею, за то возьму в царство небесное“ (Ветл. у. А. Ширский ¹).

После смерти труп омывают чистой водой с молитвой—„Святый Боже“ и отирают чистой тряпкой. Этим занимаются обычно старики и старухи, чаще вдовы, за что получают они какую либо одежду или вещь умершего на помин. „Обмывальнице что нибудь нужно дать, иначе покойник на том свете мокрой будет ходить“ (Ветл. у. А. Ширский). Бывает, что омывают по обету друг друга. Чаще мужчину омывает мужчина, а женщину—женщина. В некоторых местах принято соборованных омывать только от груди или пояса до ног, а несоборованных—целиком. Омование совершается на полу, на подосланной соломе у порога, ногами к печи. Как на тот свет собирают, в доме умершего босиком, по народному обычаю, ходить не следует, все равно как в день имяннн земли (в Духов день) и коле сварьбы. Есть поверье, что если в доме умершего хранятся целебные травы, то вместе со смертью хозяина замирает и травы, т. е. ее целебная сила (Ветл. у. А. Ширский).

Солому или рогожу, на которой омывали, кусочек мыла, гребень, которым расчесывали покойника, стружки от приготовления гроба-домищица принято уносить в такое место, где люди редко ходят или ездят, где эти вещи не будут попирались ногами, напр. выбрасывают на берег реки, чтобы унесло при разливе водой (с. Н-Ширь, Кол. у.) или прямо носят на воду (с. Заводь, Варн. у.), в лес (с. Куликово, Костр. у.), за деревню в поле (сс. Болотово, Борщино, Костр. у. с. Ефремово, Кол. у.), или в овраг (п. Давыдково, Мак. у.). В приходе Михаила-Архангела, Костр. у., эти предметы похоронного обряда уносят в овраг или в поле, обязательно на пути следования похоронной процессии, а в д. Криушево—на границу владений с соседней деревней. Иногда солому и стружки сжигают в поле (Ветл. у.), а горшок разбивают или зарывают в землю (с. Ковернино, Мак. у., д. Петушиха, Варнав. у.). В Нерехотском уезде в с. Сараево—обычай относить мыло, гребень и горшок на перекресток дороги. В Варшавинском и Галичском уездах местами принято вешать горшок на самый высокий кол изгороди, где он и висит до тех пор, пока случайно не утратится (с. Урень, с. Тушебино, Галич. у. ²). Случается,

¹) Ср. народное поверье, записанное в Витебской губ. *М. Синозерским*—Отчего пораженные грозой святые? „Жив. Стар.“, 1896 г., вып. 3 и 4, 537—538 стр.

²) В соседней Ярославской губ. сделано было такое наблюдение: „воду после обмывания хранят до дня погребения в горшке и ставят ее под покойника, т. е. под лавку, на которой лежит покойник. Когда покойника понесут к приходу для погребения,—обмывальница берет горшок с обмывальной водой и несет ее вместе с покойником до „рубежа“, т. е. до границы, где кончается полевая земля той деревни, откуда покойник и где начинается земля другого соседнего селения, здесь горшок с водой разбивается. „Солому на которой обмывали покойника кладут под навоз в стойла чтобы лучше водились кони. *И. В. Костоловский*. Из поверий Ярославской губ. „Этнографическ. Обзор.“, 1906 года № 3—4, 219—220 стр. Особенно разнообразны обычаи с этими предметами во Владим. губ. см.: *К. Завойко*—Верования..., 90—92.

что в тех местах, где бросают эти предметы, „кажется“—огонь, свечка, слышат стоны (д. Чериково, Нер. у.). Мыло и гребень кладут в некоторых местах в гроб умершего (Шушкод. вол., Буйского. у., дер. Рыжково, Костр. у.). С мылом, которым омывали покойника, связаны самые нелепые суеверия—оно имеет мертвящую силу. Этим мылом, напр., дают умываться мужьям, чтобы не ругались—злоба мужа должна замереть (Завражнинская и Богослов. вол., Костр. у.). Мыло употребляется и как средство домашней медицины—его берут себе девицы мыть руки, „чтобы не дыбели“, т. е. не дрябли. (дер. Дымново, Костр. у.). „Мыло оставляют—пишет нам одна крестьянка из Кологр. у.—у кого дыбелют руки или ноги, то этим мылом моют и будто проходит“ (поч. Бакино). „Мылом после покойника намажь кудельку и прикладывай, где валочки жесткие от простуды делаются“. Наоборот, кусок савана оставляют „для вреда“. Бывает, плотники заколачивают кусок савана в дверной косяк, коли им не угодит хозяйка, „чтобы казалась ей“ (Вегл. у. А. Ширский¹⁾).

Мерку с мертвого, по которой потом делают гроб, пчеловоды старики советуют употреблять затем, чтобы рой не уходил: „Возьми меру, что мертвых меряют и принеси в свою пасеку и поставь и помани раба Божьего, преставившегося от нас, чья мера и мерь ею, говоря: „как ты встанешь в день судный, а я эту меру беру для моей пасеки, чтобы пчелы мои не уходили от меня, раба Божия, (имя рек) от века и до века“...²⁾“.

Мушину обряжают в белую холщевую или ситцевую рубашку и холщевые кальсоны, подпоясывают поясом, сделанным из узкого обрывка полотна. Сверху надевают саван, сшитый обязательно на руках, а не на машине и без ножниц—ходст, если потребуется, порют руками. Саван пьют с изнанки, стежками, а не в тачку, не в захлест, узлов не вяжут, т. е. нитку не закрепляют, держат иголку от себя вперед, иначе покойник опять придет за кем-нибудь в свою семью. На шею покойника надевают медный или деревянный крест (с серебряным не кладут). На ноги надевают белые чулки и туфли „босовички“ или портянки и лапти. Во многих местах, среди коренного крестьянства, строго держащегося старины, вне зависимости от того беден или богат умерший, принято надевать на покойника лапти³⁾. При снаряжении покойника никогда не следует завязывать двойной

¹⁾ В Ярославской губ. мылом пользуются от „помоты костей“: Здесь же часто из савана выдергивают нитку и этой ниткой подпоясывают мушину—драчунов и ругателей, обычно во время сна. Нитку потом кладут в гроб покойнику, хотя бы и не тому, из савана которого она была выдернута. *Костоловский* 219 стр. *Г. Попов* отмечает для некоторых мест центральной и северной России еще более нелепые суеверия, связанные с „мертвячим мылом и водой“. Рус. народно-бытовая медицина 285 стр. Ср. *А. Афонасьев*—Поэтич. воззрения славян на природу. т. I, М. 1865 г., 42—43 стр.

²⁾ Сборник молитв и старинных правил по пчеловодству. „Материалы по описанию пчеловодства Костр. губ.“, вып. XX, 426 стр.

³⁾ В Нижегородской губ. на покойника надевают новые лапти для того, чтобы они дольше носились на том свете. *Афонасьев*—Поэтич. воззрения сл. III, 286 стр. Во Владимирской губ. не кладут в сапогах, потому что „сапоги крестьяне считают за моду, а на том свете моды-то, говорят, не надо“. *Завойко*.—Ворования..., 93 стр. По мнению Н. Тихонравова—обычай „ласть покойника в лаптях стоит в связи с мифическим представлением о трудности пути в подземное царство. По свидетельству жителя Константина, кн. Муромского „по мертвым ременные плетения древоляны (лапти) с ними полагают“. См. *Н. Тихонрава*—Сочинения, т. I, 209 стр. Под „ременными плетениями древоля-

узел, иначе, „не пускают его на том свете в церкву“; онучи покойнику следует завертывать в противоположную сторону, чем как обуваются живые люди; пуговицы у рубашки и у жилетки, если остается муж или жена у покойника и намереваются вступить во второй брак—не застегивают, потому что грех (Ветл. у., А. Ширский). Женщин одевают в дотканную длинную рубашку и сарафан, в среднем возрасте—в ситцевую юбку и кофту, девиц одевают в лучший наряд, на голову надевают платок, на старых темный, на молодых белый, девицам распускают волосы. Соборованных одевают в тот же костюм, в котором они соборовались. Поверх одежды надевают саван, а голову еще покрывают куском холста, иногда и все тело в гробу покрывают холстом. Кладут на покойника цветы, но редко. В правую руку умершего дают „пропуск“—отпустительную грамоту, а в левую вкладывают белый кусок материи или носовой платок, хотя бы он при жизни и не пользовался платком (с. Георгиевское, Варн. у., поч. Баково, Кол. у., Чухлома). В Галичском уезде в руку вкладывают лестовку¹⁾, а в некоторых местах уезда принято сложенные на крест руки умершего и ноги перевязывать ниткой. Обычно умершему с открытыми глазами, прикрывают веки и кладут на них медные деньги. Потом эти деньги чаще всего дают нищим или в церковь—на свечку. Но бывает, говорят, что эти деньги кладут в гроб. У некоторых сектантов не принято закрывать глаза покойнику, „да не будет изменения вида смертного“ (с. Ковернино, Мак. у.). Впрочем, и у православных местами существует такой же порядок напр. в Чухломском уезде.

Покойника кладут на стол или на лавку под образа ногами к двери. У старообрядцев Ковернинского района наоборот—ногами в направлении божницы. Маленьких кладут обычно на стол, взрослых реже, потому что в избе не всегда бывает свободный стол. В головах зажигают свечку. Руки складывают крестообразно на груди и кладут на них образок. Пока покойник дома, по нем читают псалтирь, если есть грамотные. Встречается обычай дома покадить на покойника.

Порядок хоронить на 3-й день, положенный церковью, не всегда соблюдается—покойником тяготятся, особенно в рабочую пору. Для духовенства этот установленный срок иногда представляет источник мучений: привезут покойника из деревни верст за 12, а между тем

ными“ А. Котляревский разумеет лестницу, которая полагалась с мертвым, чтобы он мог взобраться на высокую гору—рай. О погр. обычае языч сл. 129, 240 стр.; С. Кузнецов считает этот обычай свойственным древней муроме и вятичам, толкуя указанное место жития в смысле „особых приспособлений из ремней для лазанья по деревьям“. „Рус. историч. география“. М. 1910 г., 113 стр. Любопытно что у черемис с борта могилы до дна ее, после того, как поставят гроб в могилу, опускают шелковую нитку, как бы лестницу, со словами: „кузаш эт, волаш эт лиже“ (т. е. для влезания и слезания твоего пусть служит). С. Кузнецов.—Куль умерших и згробные верования луговых черемис. „Этногр. Сборн.“ 1904 г., № 1, 84 стр. В Пермской губ. гроб в могилу спускают на мочалах, которые оставляют в могиле. В. Серебренников.—Похоронные обычаи и причитания по умершим у кр. Стряпуниной вол. Оханского у., Пермской губ. Пермь, 1918 г. 3 стр.

1) С. Костров—Галич и его уезд. Рукоп. 1849 г. хранится в Ученом архиве Рус. Географ. О-ва. См. описание рукописей архива О ва Д. К. Зеленина, т. II, 648 стр.

оказывается—„царский день“—хоронить нельзя. Тогда от живых достается и батюшке и царю.

„Справные“ люди за-долго собирают себя. При жизни шьют себе „весь обряд“ и заказывают домовину—гроб. Любопытен обычай насыпать в заготовленный гроб зерна и подавать из него зерном милостыню. Самый гроб и до сих пор в некоторых местах, преимущественно богатых лесом, и у старообрядцев, делают долбленый. Погребение в колодах отмечают напр. в сс. Воскресенском и Заводи, Варнавинского у. и в д. Дурасово, Костр. у. Остатки колод попадают в курганных погребениях и на старых кладбищах. В 1878 г. в г. Лухе при постройке лавок на площади недалеко от Воскресенской церкви обнаружили старое кладбище, где попадалось немало выдолбленных гробов ¹⁾. В древнее время, колоду смолили и обертывали войлоком, когда нужно было перевести на далекое расстояние тело умершего. Воскресенская летопись рассказывает под 1441 г. о смерти Галичского князя Дмитрия Красного, сына Шемьяки; „отпевше надгробное над ним и положиша его в колоду и осмоливше с польстми повезоша его в Москву на носилех“. Покупают также в городе крашенные гробы, но чаще их делают по деревням из белого столярного тесу в виде ящика (углы в замок), употребляя только деревянные гвозди или же связывая углы лыком и новыми веревками (д. Петушиха, Варн. у.).

В гроб кладут подушку, набитую сухим березовым листом с веника или куделей—отрепьями. В некоторых местах, впрочем, кудель класть остерегаются—лен не будет родиться (Ветл. у. А. Ширский). Бывает, что старухи копят свои волосы, чтобы ими набить себе потом гробовую подушку (с. Тушебино, Гал. у.). У старообрядцев Вичугского района существует также обычай копить при жизни ногти, которые потом кладут с покойником затем, чтобы он мог на том свете, ходя по мытарствам, влезть на высокую гору (сообщил В. А. Миндовский). В Ветлужском уезде, когда обстригают ногти, кладут их за пазуху („неустратны будут“)—пригодятся на том свете, как заставят на гору лезть ²⁾. Устраивают в гробе постель: распускают веники или кладут сухой лист и покрывают холстом или коленкором. В некоторых местах (д. Рыжково, Костр. у., г. Чухлома) под головы в гроб обязательно кладут веник. Смысл этого обычая совершенно забыт. В д. Рыжково, Костр. у., кроме веника, мыла и гребня, кладется еще рубашка, кальсоны и полотенце, „чтобы проводить на тот свет в полном обряде“. Кладут также медные образки. В Судогодском уезде соседней Владим. губ. кладут пару новых лаптей, чтобы облегчить прохождение пути в стране мертвых ³⁾. Был случай в Костромском уезде, как мне рассказывали, в гроб положили полубутылку водки. В старинных чере-

¹⁾ И. Херсонский.—Сведения о некоторых памятниках старины... „Костр. Стар.“ вып. 1, 15 стр.

²⁾ Интересно отметить, что среди черемис также общепринято полагать в гроб мешочек с ногтями, остриженными при жизни: „они нужны будут—когда на том свете придется взбираться на кругую гору и в кровь исцарапать свои ногти от чрезмерных усилий“. „Этногр. Сборн.“ 1904 г., № 1, 83 стр.

³⁾ А. Н. Соболев.—Загробный мир по др. русским представлениям. Серг.-Посад, 1913 г. 123 стр.

мисских погребениях напр. близь с. Урень, Варн. у., встречается „лапотное деревцо и коточиг—предметы, с которыми в старину погребались черемисы“¹⁾.

Пока покойник еще не увезен, обычно откормят обедом тех, кто делал гроб, соседей и уже потом везут в село.

Из дома покойника выносят ногами вперед, стараясь не задеть за порог и косяки двери, иначе покойник будет являться. При этом смотрят в печь, „чтобы не бояться умершего“. Как выносят покойника, свечу на тябле задувают и смотрят, куда дым пойдет: если к выходу, то еще к несчастью, садятся также на его место, „чтобы он не увел еще кого с собой“ (д. Дымново, Костр. у.), или, чтобы опосле не бояться его (Ветл. у., А. Ширский). Нужно также подержаться за ноги покойника, чтобы не бояться его (с. Болотово, Костр. у.²⁾). Как только вынесут покойника—кто-нибудь из баб близких к покойнику падает на то место, где стоял гроб и ревет—обязательно нужно упасть. „Большая голова в доме помрет (сам или сама), как станут подымать, выносить на сани, нужно всю скотину на ноги поднимать, чтобы не пала, которая будет лежать—помрет“.— По Ветлуге так делается. Перед тем как двинуться похоронам смотрят на ноги лошади сзади саней из-под гроба—это для того, чтобы потом не тосковать и не бояться (Ветл. у., А. Ширский). Черемисы Ветлужского у., поставивши гроб на телегу, обращаются к умершему с просьбой, чтобы он не брал с собой свой дом, а оставил его семейным. „Очевидно была пора, когда дом оставался достоянием умершего и живые перебирались в новое жилище“³⁾.

Очень распространен обычай, но не повсеместно и притом постепенно исчезающий, вешать на углу дома, в котором кто-нибудь умер, с наружной стороны около окна, или опуская из окна небольшой кусок полотна, до полу-аршина длиною, богатые вешают целое полотно, „чтобы душа покойника летая и тоскуя около дома, могла утирать слезы этой тряпочкой“. Говорят и так, что „душу терзают со всех сторон, особенно в дни 3, 9, 20 и 40, и она поэтому „утирает полотном слезки“. Или объясняют обычай так: в течении „40 дней (в иных местах в течении трех дней) душа умершего ходит в дом—умываться под иконами в блюдечке и утираться вывешенной новинкой. Вместе с душой,—добавляют,—утирается этим холстом и ангел-хранитель. По народному представлению, душа в это время витает около жилища или в виде человека, каким он был при жизни

1) Сообщение свящ-ка с. Урень В. Успенского в редакцию „Костр. Епар. Ведом.“ 1906 г. Архив Музея Местного Края.

2) Во Владимирской губ., чтобы не бояться умершего бросают в могилу платочек, за лязгу кладут могильной земли или щепку от гроба; принято также, но уже по возвращении с похорон, посмотреть в печь *К. Завойко*.—Верования.. 96—97 стр.) в Пермской губ. существует примета: задеть косяк или дверь—в семье скоро кто-ниб умрет; точно также здесь принято садиться на место покойника. *В. Серебренников*—Похорон. обычай и причитания по умершим у кр-н Стряпунинской вол., Сханского у., Пермской губ. Пермь, 1918 г.. 3 стр. По словам *С. Кузнецова* у луговых черемис при выносе принято хвататься за конец гроба, „чтобы удерживать в своих руках отцовское или материнское ечастье“. „Кульг умерших“... 84 стр. В Во;онежской губ при выносе прикладывают руки к очагу, чтобы через это очиститься от зловредного влияния смерти. *А. Афонасьев*—Поэтич. возвр. сл., т. III, 34 стр.

3) *И. Смирнов*.—Черемисы, 151 стр.

или в виде птички. До 40 дня душа—„непредставленная“ и только на 40-й день ей „определят“ где быть—в раю или в аду. Дают и тилитарное объяснение указанного обычая—холст вешают, говорят, чтобы прохожие особенно нищие, знали, что в этом доме есть покойник (д. Петушиха, Варн. у.) В 40-й день тряпицу бросают на пол, если же вешалось полотенце, вымывают его в текучей воде (пог. Баково, Кол. у., г. Чухлома ¹⁾).

Еще в одном любопытном обычае употребляется холст. Это обычай „стрешника“, когда несут умершего из дому в церковь, первому встречному дают кусок новины, чтобы встречный помянул покойника и помолился за него, или „чтобы покойника на том свете так же встретили“ (сс. Георгиевское, Колшево, Никольское, Кин. у., с. Боршино, д. Царево, Костр. у., г. Кострома, д. Петушиха, Варн. у., с. Костома, Буйск. у., с. Ковернино, д. Давыдково, Мак. у., с. Сараево, Нерехт. у., д. Балуково, Ветл. у. А. Ширский). Это подаяние в с. Ковернино, а также в Галичском у. называется „подорожник“. В некоторых местах несущий крест впереди похоронной процессии дает первому встречному колобушку или краюху хлеба, завернутую в полотенце (д. Дьяково, Юрьевокого у., с. Заводь Варн. у.) или деньги (д. Дегтярево, Юрьев. у.). В Баках, Варн. у., почему-то кроме холстины или новины дают нитки. В других местах (напр. д. Безгачево, Костр. у.) вообще принято дарить что-ниб. первому встречному. Если поданное оказывается ненужным, получивший отдает нищему. Интересное объяснение этого обычая дано было в д. Гомонихе, Костр. у.: кусок холста дается за тем,—говорится здесь,—чтобы на том свете было во что одеть голую душу. Во Владимирской губ. принято „перву встречу“ считается за счастье, „так как принявшего встречу на том свете будет встречать первым покойник, от коего перва встреча подавалась“. Этой встречей он будет загоразивать от плохих путей: от огня, от смолы, и будет постилать ее по пути к местам блаженства ²⁾.

Холст или расшитое полотенце вешают также обычно на крест впереди процессии, когда хоронят „с выносом“ или „подъемом“, т. е. когда приглашается на вынос тела из дома причт. Полотенце потом отдают в церковь или причту.

В некоторых местах, напр. в д. Васильевское, Костромского у., покойника обязательно принято выносить из дома через двор ³⁾, наоборот, молодые из церкви после венца вступают в дом двором или через „повить“.

Похоронная процессия следует в таком порядке: впереди несут распятие или икону, на котором надет рушник—полотенце, иногда кусок холста, затем кто-либо из близких с крышкой гроба на голове, далее пред гробом следует духовенство и за гробом близкие

¹⁾ Обычай вешать полотенце в течение 40 дней вне дома для того, чтобы покойный мог утираться, существует у зырян. *Налимов В.*—Загробный мир по верованию зырян. „Этн. Обзор“ 1907, № 1—2, 2 стр.

²⁾ *К. Завойко.*—Верования, обряды..., 94 стр. *А. Котляревский* полагает, что кусок полотна служит в данном случае той меновой монетой, которую нужно было заплатить проводнику, небесному перевозчику.—„О погреб. обыч. яз славян“. М. 1868 г., 211 стр.

³⁾ Те же обычаи выносить через двор и окно встречаются во Владимирской губ. См. *К. Завойко.*—Верования, 93 стр.

родственники, шествие замыкает толпа знакомых и любопытных. В селах покойника носят родственники на носилках, в виде двух колеб, связанных веревками, на жердях или на полотенцах; „до прихода“ из дальних деревень возят на лошади, особенно, если покойник тяжел—„не выхворал“. При этом необходимо заметить, что безродных чаще возят на лошади или несут на носилках и наоборот,—уважаемых носят на полотенцах или новине. На этой новине и спускают в могилу. В с. Костоме, Гал.-у., ее жертвуют копальщикам, или в церковь. Есть сведения, что в прежние время в некоторых местах Костромской губернии мертвых перевозили на кладбище даже летом на санях. Теперь этот обычай здесь забыт, но он еще бытует в смежных уездах Вологодской губ. ¹⁾ Той лошади, которая везла покойника, весь год тяжело, пока не выкупают в воде в Спасов день или пока в поезде свадебном не побывает—ее другие нарочито для этого дают на свадьбу (Ветл.-у., А. Ширский). У старообрядцев гроб поддерживают несущие на головах. От дома до церкви по дороге иногда разбрасывают лапотник—еловую зелень. В Чухломском у, Галичском (с. Костома) и Буйском (с. Железн. Борок) идущий с иконой не должен до самой церкви оборачиваться назад, потому-что, говорят, в таком случае еще будет покойник. Икона эта остается в церкви в течение всего сорокоуста. За иконой—кто-ниб. из родственников умершего впереди процессии идет с лукошком овса, который и расбрасывает до самого храма, и от него до могилы. Этот обычай кормить птицу зерном быть может пережиток представления души, в виде птицы. Соборованному при выносе звонят в большой колокол в один край (при похоронах богатых). Гроб в это время бывает покрыт взятым из церкви за известную плату покровом, а иногда гроб мужчины покрывается кафтаном, а женщины—сарафаном. По дороге процессия нередко останавливается, служат панихидки, чаще „пяточковые“ (малые); закаывают панихиды желающие помянуть покойника обычно когда поровняется процессия с его домом. Служат панихиду также за селением, а если покойный имел какое-ниб. заведение, напр. мельницу—заносят и сюда. При встрече с покойником, когда его несут, сворачивать полагается вправо.

До могилы провожают не только родственники, но и соседи, „чтобы умерший встретил их также на том свете“ (с Тушебино, Галич. у.). Проводы умерших в некоторых местах являются обязательными для всех односельчан. „Есть в приходе три деревни,—сообщают из Чухломского уезда,—которые, имея расстояние малое между селениями, чей бы ни был умерший—родной или чужой—провожают его из всех деревень. Этот обычай издревле и по сие время“. После выноса гроба в Ветлужском уезде дома никто не остается, а вместе с односельцами провожают покойника из деревни до первых крестов—т. е., где первое раздвоение дороги; кресты эти называются „покойничьи“ (А. Ширский). В храме гроб ставится против царских врат. В руки умершего вкладывают отпускную гра-

¹⁾ Д. Анучин.—Сани, ладыя и кони, как принадлежности похоронного обряда. Труды Моск. Арх. Об-ва, т. XIV, М. 1890 г., 135. Д. Зеленин.—Этнография, работы воспит. Петрогр. Учит. Инстит. „Этногр. Обзор. 1916 г., № 3—4, 159—160 стр.

моту— „пропуск“, как здесь ее называют, на чело умершего кладется „венчик“, т. е. бумажная ленточка с изображением святых или деисиса. „Венчики“ составляют особую доходную статью церкви. Отпевание обычно совершается вслед за службой. По народному представлению, пока не отпоют в церкви,— все, что вокруг покойника делается, он слышит. Пред спуском гроба в могилу крышку гроба заколачивают гвоздями. В районе с. Молвитина обычно одна из носилок втыкается в могилу на которой стоит до того времени, когда заменят ее крестом. Домой носилки не берут. Они остаются у церкви и поступают потом на дрова.

Хорошат чаще всего рядом с могилой родного: „в сыру землю под бок к дедушке“, как говорится в причитании. Самые кладбища устраиваются у церкви и за селом. Семья священника, помещика и другая сельская аристократия „ложится“ близь самого храма, с правой стороны или против алтаря. Встречаются погребения в церкви или в церковной стене ¹⁾. Экономическое неравенство сказывается и после смерти, так как места на кладбище особенно в городах расцениваются в зависимости от близости к церкви и к алтарю. Это резко бросается в глаза при виде богатых надгробий и памятников вблизи церкви и деревянных покосившихся крестиков, а иной раз просто могилок „безродных“ без крестов в задних углах кладбища.

Могилу принято делать не менее, как на два с половиной аршина глубины. Там, где этого не позволяет грунт или зимой, когда тяжело рыть, бывает, что вынимают землю и не так глубоко. Но чаще принято—глубину могилы устраивать не менее 3-х арш. Этот обычай имеет в виду гигиенические цели, но народ дает и такое объяснение: „в конце мира земля на три аршина сгорит“—значит, если закопать покойника меньше чем на три аршина—и он сгорит (с. Урень, Варн. у. ²⁾). В могилу гроб опускают на холстах, а по нужде—на веревках, на лыках (Ветл. у.) или на кушаках. Каждый считает своим долгом, после того как гроб опущен, бросить в могилу горсть земли.

На могиле делается небольшая продолговатая насыпь в длину могилы, иногда меньше, которую потом облаживают дерном родные или друзья. Часто на могилу кладется камень, как объясняют за тем, чтобы могила была заметнее, чтобы ее не перекопали. У старообрядцев Вичугского района не принято класть могильных каменных плит, так как при воскресении мертвых последним трудно будет поднять камень.

¹⁾ Напр., под Всехсвятским кладбищенским храмом близ г. Кологрива погребена строительница храма Надежда Шулепникова. В церкви с. Сенная, Чухломск у., под полом алтаря левсто предела в склепе похоронена строительница храма Анаст. Федор. Лермонтова. Над этим местом в алтаре кирпичное надгробие. Местами встречаются родовые помещичьи усыпальницы, напр у церкви Троицы, что в Ликурге, близь алтаря правого предела—небольшое продолговатое здание, называемое „гробницею“. Здесь 12 отдельных могил, покрытых каменными плитами, рода строителя храма стольника Семена Готочева. Против усыпальницы в стене алтаря вделаны каменные плиты с надписями имен и дат умерших.

²⁾ „Земля будет гореть на три аршина, Бог то и спросит: чиста-ли ты земля? Земля в первый раз ответит: „чиста как муж и жена“. Еще спросит Бог—„чиста как вдова“,—скажет земля. Еще будет гореть. В третий раз спросит: „Чиста как красная девица“—ответит она. Вот тогда и будет суд“. (Ветл. у., А. Ширский).

На могиле ставится деревянный или железный крест, а иногда просто вкапывается деревянный столб, на который вешают образок (дер. Тарбеев, Костр. у.). Часто могилу обносят решеткой и сажают деревья. Деревенское кладбище, или как его называют здесь „погост“, обычно представляет из себя рощицу, нередко обнесенную каменной оградой с железной или деревянной решеткой, а древние могильники носят название—„рощение“. Рубить деревья в этих заповедных рощах нельзя—презрением клеймится тот, кто нарушит обычай.

Могилы иногда вместо насыпи покрываются деревянным обрубом из бревен, сделанным по длине могилы. Такой в виде удлиненного колодца сруб бывает сверху открытым, изображая из себя, таким образом, ограду могилы, в других случаях его покрывают плоской или двускатной кровлей, на которую ставят также крестик. В этом случае получается подобие деревянного дольмена или домика. Такая постройка в Кинешемском уезде называется „голубец“ или „голбец“¹⁾. Чаще эта форма надгробного памятника встречается на кладбищах хранителей древней веры и старых обычаев—старообрядцев. Такие деревянные срубы, между прочим, были сделаны над могилой преп. Макария Писемского (15 стол.) и Ферапонта Монзенского (16 стол.)²⁾. Иногда бывают кирпичные надгробия и чугунные плиты. Последние устраиваются чаще помещиками. Такие плиты, напр. можно видеть на кладбище с. Сенная, Чухл. у., с. Покровского на Кубани и в др. Строят также памятники в виде часовен со стеклами в нишах, куда ставят икону или распятие и лампаду. В последнее время стали привозить железные кресты из города с надписями на жести или железном листе годов рождения и смерти и со стихами. Стихотворные эпитафии можно встретить теперь в самых глухих углах губернии.

Такие эпитафии представляют собой особую отрасль погребального ремесла, и в деревню проникают прежде всего излюбленные городские шаблоны, в роде следующих:

„Куда наш друг любезный скрылся,
Нас оставил сиротам,
На веки с нами ты простился,
Чего бы не хотел и сам“... и т. д.

Или:

„Прощайте, дети, не скучайте,
Да будет с Вами благодать.
Меня к себе не ожидайте,
А я к себе вас буду ждать“³⁾.

В Ковернине записана такая эпитафия:

„О, человеце! Не возносись много,

¹⁾ *Даль*—Спыт областного великор. словаря. СПб. 1852 г., 39 стр. В Вичугском районе голубцом называют нижний этаж избы, наполовину помещающийся в земле. Здесь они служат, как для хозяйственных надобностей, так и для тайного жительства странников бегунов. В. Миндовский—Вичугская фабричная старина. Труды Костр. Научного О-ва, вып. XIII, по отд. отд. 7 стр.

²⁾ Святые угодники Божии и подвижники Костромск. Кострома, 1879 г. 3, 123 стр.

³⁾ Из записей П. Н. Виноградова—„Эпитафии Костромск. кладбищ.“ Исчерпывающие в этом отношении записи—всего 184 №№ хранятся в архиве Костромск. Научного Общества.

Смерть у порога.

Здесь, как не ликовать,

А по смерти гробы не миновать¹⁾.

Интересно, что вторая часть этой эпитафии повторяет буквально народную поговорку: „Как не ликовать, а гроба не миновать“, и повидимому, заимствована из духовного стиха „Гробы“—„сколь я в мире не ликую, тебя гроба не миную“, в свою очередь представляющего отголосок мотивов, входящих в состав других известных стихов¹⁾.

Самоубийц, а иногда и тех, кто вообще умер „непорядком“,—напр. утопленников, опившихся хоронят отдельно вне кладбища или в углу ограды. Тких могил, однако, не позорят. И только в могилу колдуна, как общепринятое правило ограждать себя от покойника, вбивают кол. „Колдуна в могилу нужно класть книзу лицом—тогда не встанет: как оживет, начнет царапать руками землю, а сам все глубже проваливаться будет“. Рассказывают, как об исключительном явлении—был случай в Ветл. у., что кто-то разрыл могилу крестьянина д. Горлова, чтобы отнять правую руку, так как с правой рукой мертвеца легко воровать—нужно обойти с ней дом, который хотят ограбить: ни хозяин не проснется, ни собака не взвизгнет (А. Ширский). К могилам и кладбищам вообще относятся с опаской—в позднее время и ночью боятся ходить и ездить около них, так как местопребывание умерших насильственной смертью, по народному понятию связано с местами их могилы и смерти. Здесь „чудится“, пугает нечистая сила, раз уж навредившая человеку, или сама погибшая душа, тоже перешедшая в разряд „нечисти“. Вообще ходить через кладбище ночью до пения петухов боятся. Самим местам, где случилось с человеком такое несчастье, усваивается с этого времени особое наименование, в роде—„Лушкино озеро“, в котором когда то утонул Лука, „Марьян враг“—здесь убило громом Марью, „Тарасова льва“ (болото) и т. д. Нечисть в таких проклятых местах поджидает свою жертву. В Ветлужск. у. одному удалось „высмотреть на реке, как выскочило черное из воды три раза, приговаривая каждый раз: „рок есть, да головы нет“, тотчас после того идет человек—раздевается. Бросился в воду и больше не вынырнул (утонул). Это и предвещало чудо-то, что тут нужно было кому-нибудь утонуть“ (А. Ширский). С могил невинно убитых слышат по ночам, как „кость поет“ (плачет). Крестьянин д. Пеньки, Ногинской вол., А. Богов, 90-летний старик, рассказывал мне, как он сам слышал этот вой на „Городине“—урочище в лесу в 100 саженьях от деревни, добавляя, что каждый раз, когда он приходил на это самое место „кость ныть переставала“. В пасхальную ночь в д. Китовразово, Галич. у., слышат, как „воет выгьянка“—это душа не похороненных костей просит похоронить их. Около свежих братских могил расстрельных в 1919 году—близ разъезда Телищ, у ст Лютово и Перехты на Егорьевой горе также слышат стон, как малину собирают. Народная молва передает, что наснилось кому-то про рас-

¹⁾ *Иллюстров* — „Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. Изд. 3-е, 1915 г. 458 стр.; *Ржиса В.*—Четыре духовных стиха. Записанных, от каляк Нижегород. и Костром. губ. „Этногр. Обзор.“ 1907, № 1--2, 64 стр.

стрелянных, будто стоят все они вместе и на головах у них золотые венцы, под венцами крылышки и кровь сочится. В Макарьевском уезде отмечено интересное урочище в виде небольшой горки, с названием „Татаркина могила“. Это в 4-х верстах от г. Макарьева на берегу р. Унжи. Всякий проходящий и проезжающий мимо могилы считает своим долгом бросить на нее палку, сучек, прутья или пучек соломы. Вырастает куча щепок, сучьев и проч., которую потом кто-нибудь поджигает. С могилой связаны интересные легенды ¹⁾. Быть может, в этом обычае кидать на могилу палки, ветки, солому—мы имеем похоронный народный обряд, так называемых „заложных“ покойников (умерших насильственной смертью). „Кидая что-либо на могилу прохожий делает тем вид, что он принимает участие в погребении данного заложного покойника, в свое время не похороненного; этим своим мнимым участием в похоронах прохожий надеется умиловить, задобрить опасного покойника и через то избежать вреда от него“ ²⁾.

При эпидемических заболеваниях, как холера, сыпуча (оспа), огненица (скарлатина), нутра (кровоавый понос), умерших в некоторых местах Варнавинского уезда выносят не через двери, а через окно, полагая, что только этим можно остановить дальнейшее распространение болезни (д. Петушиха). В с. Баках, того же уезда, когда вытаскивают из окна покойника, вслед его кидают поленьями. Во время эпидемий в некоторых деревнях опахивают сохой деревню. Соху тащат на заре 7 девиц в одних рубашках, вытирают также „святой огонь“ и окуривают дымом его людей ³⁾. В Варнавинском уезде, напр., в д. Сквозники во время холеры девицы опахивали косулей деревню, в полночь с распущенными волосами, подпоясанные нитками и в новых лаптях. В Чулх. у. (в с. Троицы, что у Голов), когда бывают повальные болезни, молодые женщины и девушки выбирают глухую, темную ночь, и когда деревня заснет, раздевшись до нага, опахивают косулей деревню. Полагают, что смерть не переступит через борозду. Помимо описанного способа борьбы с эпидемиями, которые можно отнести к разряду мер предупредительного характера, существуют в том же Варнавинском уезде способ борьбы с эпидемией, уже занесенной в деревню. „Когда уносят на кладбище покойника, впереди идет девушка с топором, рубит по земле, сзади же шествие замыкается вдовой, она метлою заметает оставленные по дороге следы топора“. Это называется „холеру рубить и выметать“ ⁴⁾. В Шушкодомской волости, Буйского у. при похоронах умершего от заразной болезни за гробом бегут две вдовы и девица с распущенными волосами и голиками в руках. За воротами деревни голики бросаются. Этими действиями выгоняется зараза. Во время повальных болезней при выносе покойника из селения бывает, что женщины зажигают

¹⁾ К. Завойко.—„В Костромских лесах по Ветлуге реке“. Труды Костр. Научного О-ва вып. 8-й, 28—32 стр.

²⁾ Д. Зеленин.—Древнерусский языческий культ „заложных“ покойников. Изв. Акад. Наук, 1917 г. № 7, 411 стр. А. Котляревский—обыкновенно сносят на могилы палки, хворост и проч. считает остатком обычая собирать костер для сожжения усопшего. „О погреб. обычаях язык славян“. 94—95, 144—145 стр.

³⁾ А. Андроников —„Баковщина“ Костр. Епарх. Ведом. 1889 г. № 18.

⁴⁾ К вопросу об опахивании. „Этнограф. Обзор.“ 1910, № 3—4, 176—177 стр.

мусор и бросают его по дороге, выметаюи также из деревни сор, прогоняя тем от себя болезни (с. Вронье, Костр. у.) В случаях скарлатины в Костромском у собирают всех детей деревни прощиться с умершими. В основе этого обычая лежит суеверие прощания с болезнью, в отношении „оспы-матушки“ практикующегося в Олонецкой губернии ¹⁾. В случаях эпизоотии в Нерехтском у местами практикуется, как мера пресечения, зарывание в землю живого петуха, кошки и собаки во дворе дома или за околицей ²⁾.

В погребальном обряде сектантов наблюдаются любопытные особенности. У хлыстов, напр., хоронят без гроба—покойника пеленают в новину и опускают в топкое болото (д. Дымново, Костр. у. ³⁾). Бегуны, голбешники и странники, чтобы умереть „без греха“, принимают от стариков вновь крещенье и другое имя; хоронятся они не в церковной огаде или приходском кладбище, а где-нибудь в лесу; это делают они для того, по их объяснению, чтобы ангел господень не мог найти тело умершего и рассказать Богу грехи его, написанные будто бы на той бумаге, которую священник вкладывает в руку умершего при отпевании (отпускная грамота), в то время как в лесу бумаги никакой нет (приход с. Белоникольского, Кинеш. у.). Существуют рассказы о практикующейся у сектантов „красной смерти“ (у с. Середы, Нерехт. у., в Судиславле Костр. у., и в Кинешемском у.) через задушение „красной подушкой“, будто-бы существуют и особые специалисты по этой части „душители“ ⁴⁾. Возможно, что эти слухи возникают вследствие замкнутости жизни сектантов, но возможно, что добровольную смерть, как напр., сожжение, некоторые толки сектантов считают выше естественной смерти. Священник с. Георгиевского, Кинеш. у., рассказывал мне, что однажды, года четыре-пять тому назад, когда он зашел глубоко в лесную глушь за грибами, он увидел странное погребение: на ветвях дерева был подвезан гроб, который осмотреть ближе он тогда не решился. Некоторое время спустя, он вторично пошел на это место, но гроба уже не оказалось. Из прихожан никто не мог дать объяснения этого явления. Была-ли это форма погребения какой-л. из многочисленных сект этой местности или бытующий древний инородческий обряд—выяснить трудно.

Необходимо при этом заметить, что картина древних курганных погребений края, поскольку она выяснена раскопками (в Костромском, Нерехтском и Кинешемском уу.) членов Костромской Архивной Комиссии и Ф. Д. Нефедова не дает материала для объяснения бытовой и религиозной обстановки, не совпадая с местным современным погребальным обрядом в отношении положения тела и ин-

¹⁾ Несколько слов об эпидемии скарлатины в Костромском у. „Костр. Губ. Вед.“ 1891 г., № 39.

²⁾ П. Рыболовский.—Из с. Тетеринского, Нерех. у. „Материалы для статистики Костр. губ.“, вып. IV, 1891 г., II стр.

³⁾ Среди раскольников секты „калагуры“ существует обычай бросать трупы своих умерших в озеро. Н. Ляндер.—Раскольничья секта „калагуры“. „Новое Время“, 1891, № 5243.

⁴⁾ В. Б. „Душила у русских раскольников. „Этногр. Обзор.“ 1904, № 2, 160-161 стр.; Д. Зеленин.—Красная смерть у русских старообрядцев. „Этногр. Обзор.“ 1904, № 3, 67-68 стр.

вентаря погребения, а равно и в отношении внешнего вида могилы¹⁾. Но в то же время в некоторых других деталях здешнего современного похоронного и поминального ритуала, а также и народных воззрениях на смерть и загробную жизнь, несомненно бытуют религиозные и обрядовые черты неславянских аборигенов края, усвоенные, повидимому, в эпоху колонизации. По крайней мере, параллели эти напрашиваются, хотя материал, который имеется в нашем распоряжении, еще не дает права на широкие выводы и обобщения.

II.

Поминки. Душа умершего на поминках. Поминальные дни. Поминование на могиле. Молитвы дома. „Тайная милостыня“. Милостыня и молитва за некрещеных, олившихся и утопших. Могильная земля и останки.

Проводивши покойника в могилу, на обратном пути в чужие деревни не выезжают—говорят, что скотина падать будет (Ветл. у., А. Ширский). Когда приедут с похорон, начинают мыть дом, если этого уже не сделали оставшиеся дома, а также все постельное после покойника и готовят баню.

Затем устраиваются поминки-обед. Когда все усядутся за стол поминать, вдова и дети встают на колени и кланяются родным и соседям—просят не оставлять сирот. Некоторые приглашают на дом духовенство—„угощают его водкой и пирогами, чтобы помянули покойника“ (с. Н.-Ширь, Кол. у.). Духовенство поет большую панихиду, поминает *данной* просфорой, кутьей рисовой и пшеничной, затем следует чай, закуска и обед. На хорошем обеде полагается похлебка, лапша, каша, оладьи, кисель и блины—последние два блюда обязательны. За каждым новым блюдом, всякий из присутствующих должен перекреститься и сказать „царство“ („царство небесно!“). На поминках в Буйском у., Шишкод. в. подают: первое блюдо—„кисель с братом“, т. е. с супом из того настоя, из чего варился кисель, затем—студень с квасом, щи, похлебка картофельная, каша ячневая или пшонная, картошка жареная, молоко. Вино на похоронах (до запрещения продажи его) употреблялось не везде. По крайней мере, принято, чтобы родные не пили вина и пива в течение 40 дней. Но в Галичском уезде „всячески стараются напоить мужа или жену покойника под тем предлогом, что при сем лучше текут слезы“²⁾. Когда подадут манный или овсяный кисель с сладким соусом, патоккой или супом, причт поет: „зряца мя безгласна“... и „со святыми упокой“... Другие приглашают на поминки лишь родственников, хороших знакомых и обязательно копальщиков могилы. Местами в обычае, что на поминки может прийти всякий—в таких случаях бедные и нищие обычные гости на похоронах. Быть может, отсюда идет пословица „мертвому помины, а живому имянины“.

¹⁾ Н. Бекаревич—Дневники раскопок курганов, произведенных членами комиссии в 1895—1899 гг. „Костр. Старина“, вып. V, 303—462 стр; Ф. Д. Нефедов—Раскопки курганов в Костромской губ., произведенных летом 1895 и 1896 гг. „Материалы по археол. восточных губ.“ М. 1899 г., 161—236 стр.

²⁾ Описание рукописей Ученого Архива И. Рус. Георг. О-ва, т. II 648 стр.

Встречается верование, что душа умершего приходит на поминки и принимает участие в общей трапезе. Поэтому на стол ставят лишний прибор или кладут ложку. После угощения душа уходит навсегда. Вслед за поминками женщины провожают душу до ворот деревни (с. Дороватов, Ветл. у.). В иных местах хозяйка, наоборот, старается не класть на стол лишней ложки, „чтобы умерший хлеба не ел“ (д. Дымново, Костр. у.). Очевидно, в основе того и другого обычая лежит одинаковое представление, что мертвый питается, если представляется возможность, что разрешается, однако, по разному в зависимости от запаса хлеба у живых или в зависимости от взгляда живых на покойника, как на злого или благосклонно относящегося к живым ¹⁾.

Принято также во многих местах раздавать „на-помин“ каждому из присутствующих по новой деревянной ложке, которые покупаются специально на этот случай—„как станут есть, так и помянут покойника“ (с. Колшево, Кин. у., с. Болотово, Костр. у., д. Серапиха, Чухл. у.).

Далее способы поминовения различны. Заказывают, кто богаче, сорокоусты—обедни в течение сорока дней, другие заказывают обедни лишь в 3, 9, 20 (полусорочины), и 40 (сорочины) дни. Служат также обедни по покойнику в годовщину и полугодовщину смерти, в день памяти (имянин), в Родоницу (вторник на фоминой неделе), в мясопустную, Троицкую и Дмитровскую субботы (последняя суббота перед 26 октября). Относительно Радоницы прот. М. Диев в письме к И. М. Снегиреву делится такими сведениями: о ней „мне случалось разговаривать с обстоятельными крестьянами; о названии единогласно они сказали, что этот праздник есть „пасха усопших“ и что за их радость о Воскресении Христовом мы отправляем радуницу, пасху умерших, после обычной „пасхи живых“. Еще укоряют плачущих: расплакался как усопшая радоница“ ²⁾. Дмитровская суббота здесь называется „Дедовой“. Существует поверье, что если в эту родительскую субботу будет оттепель на раннем зазимье, то на „дедовой неделе родители отдохнут“ ³⁾. В Ветл. у. на Дмитровскую субботу после холодов ждут тепла (А. А. Ширский). В некоторых местах Галичского у. в Родоницу посыпают могилу зерном. В Дмитровскую субботу и в Радоницу моют накануне пол, на лавки постилают полотно, на тябло вешают чистое полотенце—„ночью родители приходят, по полотну ходят и утираются полотенцем—слышь, будто бы черный след остается“. Это в смежных местах Вятской губ., а в Ветл. у. Костромской губ.—в тот день пекут лепешки, колобки, пироги, стряпают кисель, варят мед; отвезут корзину в церковь, раздадут нищим (А. Ширский).

¹⁾ У черемис Ветлужского уезда (Тоншаевск. вол.) на поминках приносят одежду покойного, которую вешают на стене, а перед ней на столе ставят стакан вина и ковш пива, как бы перед сидящим за столом умершим, потом все нахлящившие в доме кланяются, называя умершего по имени и просят его пить и есть. *Ч. Крживоблоцкий*—Материалы для географии и статистики России—Костромская губ. СПб 1861 г., 524 стр.

²⁾ Письма М. Я. Диева к И. М. Снегиреву. „Чтение в обществе истории и древностей российских“, 1887, кн. 1, 92 стр.

³⁾ *М. Забылин*—Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М. 1880 г., 111 стр.

В родительские субботы около Галича, Буя и Макарьева приносят в церковь блины, оладьи, опекушки, с коими выходят на могилы и над которыми священники совершают панихиды. В Галиче — пишет прот. М. Диев, — в родительские, также в сорочины и проч. льют на могилу панихиду*. Кроме родительских в Нерехотском у. Семик, этот весенний праздник, признается „тризной“ по несчастным безымянным мертвецам¹⁾. В г. Лухе, Костр. губ., по заведенному исстари обычаю в Семик, т. е. в четверток перед Троициным днем, духовенство города при многочисленном стечении народа отправлял сь в убогий дом—кладбище, (где погребались казенные и умершие от моровой язвы) и служили здесь панихиды; после молитвы обыкновенно происходила раздача милотины. Этот обычай около 60 х годов прошлого столетия прекратился. Сохранилось лишь гулянье в этот день и сьмье название „Семик“ за этим местом, а название „Убогий дом“ почти совсем забыто²⁾.

Не едко приглашают причт отчеть панихиду в церкви (панихидник) или на могиле. Каждая панихида с хлебом (кренделем) и медом. Это делит между собою причт и церковный сторож (с. Колшево, Кин у.). Кроме меда — обязательно считается особо приличествующим поминать „на пчелином труде“, — в дни поминовения носят в церковь конфеты, варенье и чернослив (с. Борщино, Костр у.), пряники, блины, шанги-лепешки (д. Петушиха, Варн. у.). В Чухломском уезде такую снедь носят на могилу и угощаются по летним праздникам, особенно в день Ивана Купала. В недавнее еще время можно было видеть в этот день почти все могилы, занятые родственниками. Здесь были всевозможные яства и питье, но не пьянство. Теперь мало по малу все это выволится в виду недостатка сластей, которые составляли преимущественное поминовение на могилах. Ходят также христосоваться с покойниками, оставляя на могилах яйца, которые потом подбирают ребята или нищие. Но в иных местах эти яйца есть нельзя: кто с'ест — сам скоро умрет (д. Петушиха; Варн. у.). Сравнительно недавно еще в посаде Парфеньеве в купеческих семьях был обычай в продолжении 40 дней носить на могилу кушанье и вино (сообщ. священник Н. Успенский). Носят также на могилу пшено или другое зерно для птицы (с. Борщино, Костр. у.).

Читают по умершем на дому — „канон“, имена их записывают на годовое поминовение в „годовой чиновник“ (синодик). Одна молитва по умершим, записанная в Баках, Варн. у., показывает как плохо еще народ понимает церковный язык и смысл христианских молитв: „Упокой, Господи, души усопших раб твоих всех наших родственников и сродственников по плоти и крови. Помяни, Господи, в царстве небесном елико житие сем, яко человек. И помилуй ты же, яко человек прости и помилуй и от вечные муки избавь и душа м нашим болезное сотвори“. Одним миссионером в Уренском крае записана такая искаженная до неузнаваемости молитва за усопших: „Упокой, Господи, в великом житие сем, яко человек согреша, яко

¹⁾ „Письма“ 79—80 стр.

²⁾ И. Херсонский — Сведения о некоторых памятниках старины. „Костромск. Стар.“, выд. 1. 6—7 стр.

человеки Бог простит и помилует их, вечные муки избавит и при частия ученикам нашим болезням сотвори. Избавь, Господи, от вечные муки раб и рабынь, и родительские души безгрешные и безвременные. Отведи меня, Господи, от муки от вечные, от огня от горячего, от смолы от кипучия, от червей от ядучих, от морозов трескучих, раба Божия (имя рек), ныне и присно“ и т. д. ¹⁾ По умершем говеют три пятницы, при чем в полночь читают 40 раз „Богородицу“—„и тут является во сне покойник и говорит хорошо ему или плохо“ (д. Дымново, Костр у).

Весьма распространен трогательный обычай поминовения, называемый „тайной милостынею“. Родственники умершего, смотря по достатку и усердию, в течении одной или нескольких ночей раскладывают по волоковым окнам и крыльцам преимущественно бедных соседней подаяния, напр. крендели, колобушки, блины, овощи, яйца, луковицы, коробки спичек, восковые свечи и т. п. предметы—и более ценные, как ситец, платки и проч. Богатые делают так в течении 40 дней, а также в родительские субботы и другие дни поминовения умерших. „Тайной“ или „тихой милостынею“ как бы обязывают соседей к молитве за умерших. Вообще народом очень прочно усвоено, что милостыня и молитва спасают трешную душеньку. По деревням постоянно слышишь под окошками—протяжное: „Подайте милостыньку ради Христа в помин ваших родителей“ и т. д. Подают не только хлебом, но и холстом на рубашки и штаны, в помин умершего, чтобы душе его легче было“ (г. Чухлома).

По детям, умершим не крещеными или по заспанному ребенку, подают 40 медных крестиков и по 40 поясков за каждого. Душа „заспанного младенца“ не наследует царства небесного. Женщина, заспавшая младенца, должна простоять в церкви одна три ночи срядю, очертивши кругом мелом или углем. После всевозможных ужасов, которые ей приходится пережить от бесов в течении трех ночей, „только что запоят петухи, как бесы мгновенно исчезают и оставляют матери мертвого младенца, которого она всем показывает и предает земле.—Иногда же женщину, заспавшую своего младенца заставляют одну-одинехоньку по три ночи, обойти вокруг трех полей, причем с нею и с младенцем творится та же история. Впрочем, в этом последнем случае позволяет издали следить за женщиною мужу ее или кому-нибудь из родственников“ ²⁾. По опившимся ставят на раздорожье 40 деревянных крестов (с. Ковернино, Мак. у). Жертвуют на колокола, „чтобы они вызванивали грехи покойников“, покупают петухов и раздают соседям, чтобы петухи „пели за грехи покойника“ (д. Дымново, Костр. у). В д. Вершинино, Коверн. у, трех петухов подают за опившегося—пение петуха помогает душе, или жертвуют колокола в три прихода „вызванивать душу из ада“; по утопленнику кладут на колодец веревку. Поверье, что вместе с водой, которую будут вычерпывать, привязавши этой веревкой бадью, вытащат душу утопившегося из ада.

¹⁾ „Отчет миссионера Уренского края Варнавинского . О. Успенского. „Костру. Епарх. Вед.“ 1908 г., № 17.

²⁾ Иванов, И. Суеверный крестьянин, 621 стр.

Смерть кого-либо для живых несет не только потерю близкого человека, не только потерю рабочей силы в семье, но как и свадьба, большие материальные затраты: нужно покойника „срядить“, заплатить причту за похороны, в церковь за свечи и покров, за копанье могилы, нужно устроить поминки, заказать сорокоуст и проч. Отсюда, быть может, создалась местная поговорка: „мертвый у ворот не стоит, свое возьмет“. Протоиерей Днев говорит, что эта поговорка „одождена началом *головщины*, которая весьма страшила наших предков, ибо заплатить за каждое тело 4 руб. по тогдашнему времени было дело не шуточное; многие чтобы не платить головщины отпирались от земли, что она не их, и кто взносит должную пеню, тот и оставался владельцем того участка, на котором находили мертвеца“¹⁾. В Ветлужском у. также поговорка употребляется в ином смысле. „Большая то голова помрет, дак так не пройдет—за собой еще потянет, хоть скотину. Отец с матерью (т. е. покойные) у ворот не стоят свое возьмут. Так говорят, когда поминают родителей“ (А. Ширский).

В отмеченных здесь Костромских народных похоронных обычаях заметны разные религиозные наслоения и следы языческих религиозных верований и представлений далеко не исключительно славянских.

Эти представления еще ярче выявляются в суеверных обычаях, указывающих на верование в силу земли, взявшей покойника, и на сознание магической силы в телесных его останках. Бери земли с могильника,—говорится в одном старинном костромском сборнике молитв и правил по пчеловодству, „и ту землю клади в порожние ульи и будут рои попадаться“²⁾. От наджных болезней, напр. лечатся взятым с могилы песком, которым натирают больное место. При этом песок берется с могилы умершего, который носил одно имя с больным (д. Галкино и с. Содомово, Варнав. у.). Если болят зубы ходят на кладбище отыскивают три могилы покойников, носивших имя больного, скоблят ножом кресты, если они деревянные, и эту стружку кладут на зубы (с. Боршино, Костр. у.³⁾. В многочисленных заговорах против зубной боли, непременной формулой служит вопрос к мертвецу о зубной боли. Когда у кого-нибудь растет „могильная“ или „сухая кость“ (болезнь эта называется иначе „валы“), тогда ходят на могилу, берут по три зари могильной земли и трут больное место. Покойник также должен быть „в то же имя“ (с. Тушебино, Гал. у., поч. Баково, Кол. у., Арсент. слоб., Чухл. у., с. Писменер, Ветл. у.). С той-же целью отыскивают на могилах кости: если болит поясница, берут позвоночник и т. д. (с. Тушебино, Гал. у.⁴⁾. Известно, что по части подобных домашних средств

¹⁾ А. Титов Биографический очерк М. Диева „Чтен. в Имп. Об-ве Истор и Древн. Рос. т. I, 1887 г. 47—48 стр. *Иллюстров.*—Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. М. 1915 г., стр. 232—233.

²⁾ Сборн. молитв и старинных правил по пчеловодству. „Матер. по описанию пчеловодства Костромск. губ.“. Вып. XX, 424 стр.

³⁾ В соседней Ярославской губ. зубную боль лечат косточкой пальца младенца-покойника, которым трут десны и зубы у больных. И. В. Костоловский—Из поверий Ярославской губ. „Этн. Обзор“ 1906 г., № 3—4, 219 стр.

⁴⁾ Ср. Н. Попов—Русская нар.-бытов. медицина, 201 стр.

народная фантазия доходит положительно до виртуозности. Отра- тительные суеверные обычаи, в которых трудно отыскать проблеск разумности существуют в отношении воды которой омывали покой- ника и его волос. Воду с покойника оставляют „для вреда“, „чтобы испортить человека“: как напоят мертвой водой (с рук покойника или с могильного песка), человек тосковать станет и помрет. Боль у того человека сделается, ни руками ни ногами не шевелит, укол- ешь иглой—не вздрогнет (Ветл. у. А. Шырский, с. Карпово, Варн. у.). Часть волос покойника отрезается с тем, чтобы воспользоваться ими как средством подчинить другого человека своей воле или причи- нить ему вред: смачивая волосы, сливают воду и поят этой водой в вине или в чаю (г. Чухлома, с. Парское, Юрьевец. у.). К тому-же порядку суеверий относятся, повидимому, также обычаи, связанные с „мертвьячим мылом“, саваном и меркой с гроба покойника. В 1675 году инок Макарьевской обители Иосиф донес, между прочим, на игумена монастыря Никиту, что тот взял часть неподличных мощей преподобного Макария и „пологает оную во время освящения воды; а когда бывает со святынею в Москве, то дает воду сию Царю и Патриарху“, вследствие чего последовал из М^осквы строжайший наказ о расследовании ¹⁾. В причитаниях могилу называется „уроч- ным местом“. Сюда идет с своим горем вдова и сирота: „ты про- молви словечушко тайное, что-то будет со мной сиротинушкой?“— причитает дочь на могиле матери. Здесь гадают под новый год: слушают, припавши ухом к могиле предварительно очертив около себя на снегу круг (с. Болотово, Костр. у.). Гадают также на „по- койничьих крестах“ (на перекрестках). Когда христосуются с мерт- выми, также припадают к земле и слышат, как откликаются те из могилы (с. Олесь, Галич. у.).

Ш.

Представления о загробной жизни. Рай. „Заумирания“. Ал. Явления покойников на яву и во сне. Способы избавиться от этих посещений. Представление о смерти по сказкам и рассказам. Порядок смерти. Народное отношение к смерти.

Представление о загробной жизни вообще очень смутно. Смерть, „тот белый свет“ в причитаниях нередко уподобляется сну: „не могу тебя докликаться, не могу тебя добудиться, ты уснула да крепко— на крепко“. „Пробудись, родима матушка, ото сна, ты, от крепкого, от просонья вековешного“—это обычный мотив причитаний. По смерти человеку предстоит далекое трудное странствование по незна- комой дороге в страну предков.. В причитаниях похоронить—это значит—

„Проводить в далекий путь-дороженьку,
Во дороженьку незнакомую,
Во матушку во сыру землю
На тот тебе белый свет—
На второе пришествьице
Ко своим тебе родителям“.

¹⁾ Сказание о жизни и чудесах преп. Мак-рия Желтоводск. и Унженского чудот- ворца, состав. иеромонах. Макарием, М. 1851, 60—61 стр.

Апокрифические статьи, в роде—„Сна Богородицы“, „Жития Василия Нового“, „Хождения ап. Павла по мукам“, „Прения живота со смертью“, рисующие подробные картины адских истязаний и другие апокрифы и духовные стихи, широко притом распространенные здесь, создали особое надъязыческое наслонение в мировоззрении народа в его представлениях о загробной жизни. Один такой стих рассказывает следующее о расставании души с телом и будущей жизни:

„Ты прости прощай тело белое,
Тело белое, многогрешное.
Как тебе телу во сырой земле лежать,
А меня душу на суд зовут,
На суд зовут ко Господу,
Где душам будет разделение:
Душам праведным—мир селения,
А душам грешным—мука вечная,
Мука вечная, безконечная“
И пришла душа на восток солнца.
Там стоят рай и все заперты,
В них сидят души все спасенные,
„А мне душе здесь места нет“.
И пошла душа заплакала,
На закат солнца шла рыдаючи,
Там стоят ады и все отперты,
В них сидят души грешные
„И мне душе тут место есть“
Пошла душа и застряла там,
Находилась она, намытарствовалась“¹⁾.

Превидный, пречудный рай в духовных стихах старообрядцев Поволжья рисуется в виде сада украшенного древесами благоплодными, сияющего пестротою цветов, с райскими птицами голосистыми, с реками истекающими млеком и медом; здесь свет немерцающий, доброта несказанная, непрестанный день, палаты чудные из золота чиста и серебра и т. д.²⁾ Подобными чертами описывается иногда рай в рассказах лиц, впадавших в летаргический сон. Случаи заумирания и хождения по тому свету нередки. Например в 1866 г. заумирала дьяконица с. Троицы-Чудцы и потом рассказывала, как виделось ей, что пришли за ней две сестры, привели на кладбище к яме и свели туда по лестнице, потом повели темным тесным местом и привели к месту светлому; „я увидела тут как бы церковь с запертыми дверями, около дверей стоял какой-то дьякон в белых ризах, с ключами в руках“... Через церковь они прошли в сад, „в саду так светло, такие красивые деревья и цветы, так хорошо пахнут птички, такой запах, что не вышла бы“... Тем же путем сестры проводили ее до дому, „и на мосту в сенах простились со мною“: „прости, сестра, сказали, через три дня мы опять

¹⁾ В. Андроников—Народные песни, сказания и легенды Махловской вол., Юрьевецкого у. К. 1909, 11—12 стр.

²⁾ См. Мажаровский А.—Духовные стихи старообрядцев Поволжья. „Этногр. Обзор.“ 1906, № 3—4, 272—273 стр.

придем за тобою... все рассказывай, а трех слов... не сказывай", поцеловали они меня: одна в голову, а другая в плечо, и пропали... Как пропали, так я и пробудилась" ¹⁾.

Все подобного рода рассказы живо напоминают стенные фрески Костромских храмов, где рай, напр. в церкви Воскресения на Дебре, представлен в виде сада с птицами и цветами. Но особенно ярко народная фантазия разработала тему о загробных муках И здесь образцы даны теми же фресками и картинами страшного суда, едва-ли уступающим своими сюжетами картинам Дантовского ада. В Музее Местного Края имеется чрезвычайно интересная резная картина страшного суда, которую можно отнести к XVIII ст., по-видимому местной работы, но сделанная по образцу какой-то западной гравюры. Душегубцы, пьяницы, чародеи, клеветники и т. д., каждый по своему терпит муки, поджариваясь на геенском огне привязанным то за руки, то за язык и т. д. Народные верования еще далее изоощряют эти детали Табашников на том свете, говорят, заставят бревно катить. Вот они катят—катят, прокатят уже большую половину—им и закричат: табашники, к рогу! (т. е. табак курить—прежде табак держали в рогах, как еще и теперь держат порох в некоторых местах). Опустят они бревно, и опять придется начинать работу. Говорят также, что кто носит дареные бусы да ременье и серьги, на том свете змея вокруг шеи или тела обвивается или в уши голову сует (Ветл. у. А. Ширский). Такое наказание иногда следует сейчас же за смертью в самой могиле. Один скупой зашил в подушку деньги,—рассказывали в Костромском уезде,—и велел положить подушку, когда умрет, с ним в гроб. Наследники догадались уже после того, как похоронили его, что деньги в гробу. Пошли разрывать могилу, хотели уже вытащить подушку, как увидели, что вокруг шеи скупого обернулась змея. Так и бросили все назад и никогда о деньгах не вспоминали—заканчивает назидательно этот рассказ (с. Сунгурово, зап. В. А. Воскресенской).

Прежние языческие верования вообще не вытеснены совершенно. Твердо держится верование, что мертвый продолжает жить в могиле. Отсюда он является людям. На кладбищах, как рассказывают, часто видят покойников, особенно церковные сторожа. Встают они из могил в белых саванах и тянут за веревку сторожевого колокола, помогая сторожу звонить и вступая с ним в разговоры. На вопрос, где живет по его мнению душа покойника, один крестьянин (грамотный) ответил буквально следующее: „по моему, кроме могилы негде, но в народе есть обычный разговор—в царстве небесном“. В одном причитании жена спрашивает умершего мужа: „ты скажи-ка мой надежинька, про свое-то про жите-бытье, каково жить в сырой земле?“.

¹⁾ А. Левашев—Отрывки из моего дневника. „Костр. Еп. Вед.“ 1904, № 5, 152—155 стр.—В 1906 г. в Костроме была издана в Губернской типографии с благословения еписк. Никандра брошюра неизвестного автора „Замечательное сновидение“, в которой рассказывается о летаргическом сне послушницы Тихвинского Введенского монастыря Феклы, проспавшей под-ряд 20½ часов. Описанное сновидение представляет также переработку указанных апокрифических хождений с любопытными и очень колоритными этнографическими черточками. Рассказывается, напр., как в раю она видела монахинь и послушниц своего монастыря, которые косили траву и гребли сено на прекрасном лугу и т. д.

Покойник, по народному представлению, не только может „береститься“ или „мереститься“, т. е. представляться расстроенному воображению, он может являться совершенно реально. Как мы видели, на поминках для него оставляется особый прибор. Ненарошными крошками, которые роняют на пол, говорят в Ветл. у. питаются умершие некрещеными ребята (А. Ширский). Обязательно он приходит к себе домой в 40-й день после смерти, точно определяют это некоторые, и притом в новых лаптях. Особенно часто являются утопленники, на которых „черти ездят“. Рассказывают был такой случай: „В полночь к кузнецу стучится мужик и просит подковать лошадь. Кузнец отказывается, но мужик настаивает, не уходит. Кузнец, наконец, согласился. Когда он разогрел подкову и поднял ногу серой лошади, он с ужасом увидел, что нога человеческая. „Как же так? — спрашивает кузнец. — „А знавал ли ты Митрия, который утопился, так это он“ — ответил мужик. Кузнец сотворил молитву и все пропало — и мужик и лошадь. Этот рассказ встречается в различных местах с разными вариантами (напр. поч. Баково, Кол у, с. Коткишево, Костр у, в Ветлуж. у.).

К неутешным вдовам покойный муж летает в виде огненного змия (с. Колшево, Кин. у.) „Прилетит и рассыплется искрами над трубой“ (с. Шунга, д. Васильевское, Костр. у, г. Ковернино) Говорят так же, что это летает нечистая сила, сладострастные наклонности которой известны ¹⁾.

Присутствие явившихся из-за гроба покойников чувствуют животные. Со слов старичка священника Галичского у, села Троицы-Олешь, передавали мне такой рассказ. Одну женщину мучил покойный муж, неотступно являясь ей. Приходит она к священнику просит отчитать евангелие. А в это время собака так и лает, так и заливаясь. „Да неуж-то, батюшка, не видишь покойника-то, вон он стоит, вон на него собака лает“, — говорит баба, указывая в сторону собаки.

Можно избавиться от таких посещений. „Нужно итти на „кресты“ (к часовне) скинуть там рубаху, в которой бес маял и протащить рубаху всей деревней ²⁾, или повесить холст на крест или колоколе, холст потом поступает в церковь. В Ветлуж. у., чтобы не тосковать по покойнике, рекомендуется ходить по 3 зори на кресты (на перекресток дорог) прощаться с ним, а также следует посмотреть через левое плечо в печь — или ходят по 3 зори на дорогу, куда увезли покойного, и туда кланяются, прося прощения (А. Ширский). Милостыня и молитва также умиловывают покойника (д. Петушиха, Варн. у.) От злых покойников читают молитву Иисусову или „Да воскреснет Бог“..., отчитывают вдов священники, совершая над ними молитву перед царскими дверьми, или служа какой то „отчетный молебен“.

Особенно часто являются мертвые во сне. „Однажды явился мне покойный муж во сне“ — рассказывала одна вдова священнику — и говорит: „поди к духовному отцу и скажи ему, чтобы он

¹⁾ С. Максимов — Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб. 1903 г. 25 стр.

²⁾ К. Завойко — В Костромских лесах по Ветлуге реке. Труды Костромского Научного О-ва, вып. VIII, 37 стр.

разрешил мой грех, который и забил сказать ему¹—и рассказал свой грех: грех этот я знала за пям, — „да ты смотри, непременно скажи“, подтвердил муж. Через несколько времени муж в другой раз явился мне во сне и еще подтвердил свою просьбу, „чтобы я непременно сходила к тебе, батюшка, и открыла этот грех“¹). В 1806 г. в Нерехте упали своды перестраиваемой церкви и задавили некоего Н. В. Трескина. В течение недели каменщики искали его тело среди церкви в большой куче камней на том месте, где видели его в последнее время за работой. Убитый привиделся через неделю одной соседке, сказал: „Не тут, меня ищут, я лежу у дверей с правой стороны“. По утру овдовевшая жена,—пишет об этом происшествии М. Диев,—просит каменщиков поискать его тело у дверей. Что-же! Вынесли мусора одни носилки, стали накладывать другие, как нашли тело. Покойный, бежав из церкви, запнулся, упал и в эту минуту был завален кирпичами. Происшествие — достойное внимания физиологов!“ — заканчивает ученый протоиерей²). Крестьянин д. Оганино, Костромского у., В. Ф. Ефремов рассказывал — такое было с ним дело. Как-то с парохода на реке Костроме упала барышня и утонула. Урядник, нарядил всю деревню искать утопленницу. Езжу на лодке, щупаю багром, да и смеюсь: „вот утонула барышня—всех заставили искать, а как из нашего брата кто утонет, так и не подумают. И стала с того самого времени по ночам приходить она ко мне. То руку положит, то ляжет со мной—холодная. Измучила совсем. Один старик посоветовал: — „ты, говорит, простишься с ней“. Вышел я, как советовал старик ночью в 12 ч., оборотился к реке и говорю: „Прости меня, Христа ради, зря я посмеялся тогда“. С того времени перестала являться“. Покойник не придет—говорят в Ветлуж. у.,—если около дому сделать крест из сырой лутошки. Там же по народному поверью, „если убьешь кого, то чтобы мертвец не гонился и не казался, нужно лизнуть крови из мизинца убитого“ (А. А. Ширский). Недоброй приметой также считается, коли во сне покойнику руку подашь.

„Если какой-либо умерший часто является во сне—пишет один батюшка,—то вероятно просит чаще поминать его и усугубить молитву церковную о нем, если же снится, что приходит к жене или жена к мужу, то ограждают себя с вечера крестным знаменем или кладут от боязни с собой малых детей или близких родственников на одну постель, чтобы скорее позвать к себе близкого человека, когда привидится умерший (Фед. Слобода, Чухл. у.). Об этом предмете совершенно иначе рассуждает другой корреспондент крестьянин скептик: „кого больше поминают—пишет он,—как уверяет духовенство и в память кого уделяют больше денег попам, те им утверждают, что покойники живут хорошо в царстве божьем, и некоторые видят их во сне в хорошем жилище и в красивом виде, что заставляя верить в слова духовников“ (д. Дяхтерево, Юрьев. у.).

¹) А. Либеров—Из дневника сельск. пастыря, 133 стр.

²) М. Диев—Г. Нерехта в XVIII и в первой четверти XIX в. „Труды Костр. Науч. Об-ва“, вып. XIII, 102 стр.

Многочисленные рассказы и сказки про смерть и про покойников всего лучше вскрывают языческую сторону народных воззрений. Где-нибудь на постоянных дворах в осеннюю ночь, на деревенских мельницах съезжаются люди с разных мест, дежурят череды, как теперь в хвостах у продовольственных лавок, коротают пустое время рассказами про колдунов, леших, покойников. В этих сказках и легендах смерть является не отвлеченным понятием, а живой и олицетворенной. Она „ходит по людям“. В одном из вариантов известной сказки про „Солдата и смерть“, записанной в Костромской губернии, в шутивно-сатирическом тоне рассказывают про „смерть красную“, которую сказка величает еще „костяной“ — „один костяк в саване белом, на плече большая коса, которой людей косит“. Такой она изображается и на лубке — „Смерть праведного и грешного“ и в синодиках (напр. синодики бывш. Ипатьевского монастыря). Сказка про „Солдата и смерть“ передает о том, как ее солдат обманывал, как она от работы уставала, как комаром обернулась. Смерть на службе у Христа, который дает ей поручения — в один год косить стариков, в другой детей¹⁾. Некоторые рассказы представляют смерть в виде длинноволосой бабы в саване, морит она людей тем, что подносит им чашу зелена вина.

Не всегда смерть была так страшна для людей. Была она красивой девицей. Ходила и докладывала, что вот де пора тебе умереть, потом к другому пойдет... Виноват в том, что смерть изменилась один хитрый человек, Арид, много раз обманывавший смерть. Он даже в свой гроб ее заманил, потом в землю закопал. Сто лет там пролежала смерть — никто в это время не умирал, а как вырвалась и пошла косить по свету голодная да исхудалая²⁾.

В одной сказке смерть велит праведному судье устроить себе особую комнату в доме, созвать родню и соседей — сделать „Микольщину“ — „я, говорит, приду в тот день к тебе в гости“. Так и сделал. Собрался народ, пришла и смерть на пир и говорит ему: „пойди, покажи, как ты вверху устроил“ (для нее комнату). Пошли, как взойшли до половины лестницы, поднялся вдруг в доме плач и причитания. — „А что это у меня там в доме-то за плач, не вернуться ли нам?“ — „А это ты умер. — говорит ему смерть — а вернуться уже тебе не следует. Попшел ты теперь уж в Царство Небесное“. „Бог-то за его правду дал ему незаметную без болезни смерть“ (Ветлужск. у. А. Ширский).

Любопытен мотив одной сказки, записанной в с. Дмитриевском: Варн. у., в которой рассказывается также про служилого человека, как он отрубил руки смерти. Много он раз просился пустить почевать в один дом, хозяева не пускали его, потому что „седни“ (сегодня) наша очередь *умирать*“. Ночью приходит их морить смерть — везде наплевала, нахаркала на сголове, в кадку, в квасницу и ушла,

¹⁾ А. Андроников (свящ.) — Народные сказки Костромской губ. Труды Костр. Научного О-ва, вып. I, 121—131 стр. См. любопытные варианты той-же сказки с другими подробностями и обстановкой: А. Н. Афоняев — Народные, русские легенды. Москва, 1916 г. 135—160; 288—310 с. *Ею-же* — „Поэтические воззрения славян“ т. III—50 52 стр. Е. Барсов — „Причитания север. края“ т. II. М. 1882 г., 295—302 стр.

²⁾ В. Андроников — Народные песни, сказания и легенды. Махловской вол. Юрьеву. Костр. 1909 г., 21—23 стр.

Но потом вспомнили о солдате, который спал отдельно от хозяев на лавке, воротилась и полезла в окно. Служивый во время догадался—ударил ей по рукам саблей. „Тут смерть упала, не прокричала, не проважалала. Так вдруг пропала“. На утро „служивенькой“ собрал жителей всей деревни и оказалось, что одна старуха с отрезанными руками. В ней и призывали смерть, которая по ч-реду морила людей.—Возможно, что это представление об очереди смерти зародилось в эпоху повальных морозных болезней.

В рассказах о покойниках, мертвецах, последние нередко являются метительными и жестокими. В Коверяине М. М. Зиминым записан рассказ о том, как в свитки один парень в 1904 г. в д. Минькине сорвал с покойника, которого несли погребать, плат и с ним ушел на посидки. Покойник три раза приходил к окну, просил отдать плат, а потом подстерег парня, когда тот выходит с посидок, и растерзал его. Крестьянин Буптеев, деревни Харитоново, Красносельской вол., рассказывал и уверял, что это действительное происшествие—как однажды „на беседе“ поспорили между собою девицы, кто из них сходит в 12 час. ночи позвонить на колокольню. Одна вызвалась и как отзвоняла, полезла с колокольни назад, увидала—среди лестницы сидит покойник в золотой шапочке. Она сняла с него шапочку и принесла на беседу. Через некоторое время приходит покойник по золотую шапочку: „барышня, барышня, отдай мне золотую шапочку“. Она сначала смеялась, потом пробовала подать ему шапочку на палке, но он не взял и продолжал требовать, чтобы она одела на него шапочку там, где сняла с него: „не отступлюсь пока не наденешь, где с меня сняла“. Пришлось идти на колокольню. Когда она пришла на лестницу, стала надевать на покойника шапочку, схватил он ее, изломал, так она и пропала (записано Н. Шагиным, 20 нояб. 1919 г.). Интересно отметить, что мотивы последних двух сказок представляют варианты чуда преп. Макария Ужженского — „Ради сыску и свидетельства мошей чудотворца“ в 1675 году был послан в Ужженский монастырь Сибирский архиепископ Симеон. Осмотревши моши, препод. Макария, он велел их похоронить, но при погребении „отъял часть у мошей и скрыл оную у себя“. Позднее он передал эту частицу архимандриту Желтоводского монастыря Тихону. И тот и другой за их дерзновенный поступок были наказаны. Тихон повсюду слышал тайный голос: „не имам ти дать покоя, дондеже отдаси мне мое“. Точно тоже происходило и с Симеоном, который непрестанно слышал страшный для себя голос: „Почто отъял еси от мошей моих часть“. „Я не дам тебе покоя.—сказал ему однажды явившийся ночью Макарий, пока не приложишь оную опять к телеси моему“¹⁾.

Злые мертвецы в народном представлении нередко смешиваются с нечистой силой, с чертовщиной, сила которой лишь до пения цетухов и против которой существуют разные средства.

Рассказывает одна сказка, записанная в Варнавин. у., как мертвец сосватался к девушке, разумеется, неподозревавшей, что он мертвец. Вот едет она с женихом дорогой, а тот и говорит: „Месяц светит, мертвец едет, красну девицу везет. Красная девица, не бо-

¹⁾ Сказание о жизни преподобного Макария, 61—66 стр.

ишься ли меня? — Чего миленького бояться!» отвечает она. Едут и стоят на дороге изба, а в избе лежит покойник. Жених остановил лошадь и говорит: «Посиди здесь малость, у меня здесь тетюшка живет, так я зайду к ней». Ушел он, а девица подошла потихоньку к окну и видит жених ее ест покойника. Тут поняла она, что жених-то — мертвец и пустилась бежать домой. Подбежала к своему дому и закричала: «Гятенька и маменька! встречайте меня с иконам, с образам, со горячим слезам!» Рассказала она, что видела. Все везде зааминали они да заперли, а сами улезли на печь. Вдруг слышат: подъехали и ну стучать в ворота, в окна. Все разбили и только бы мертвецам вбежать в избу, как спел петух и беси провалились (в с. Чердаках. А. Мясниковой 20 янв. 1917 г.) Сказка эта напоминает по сюжету отчасти Жуковскую балладу «Светлана», в свою очередь отражающую «Ленору» Бюргера.

В Ветлужск. у. на Пее, А. А. Ширским записан такой рассказ: — работали трое в лесу, возили лес. Один из работавших помер в зимовке. Спустия некоторое время, другому рабочему пришлось заблудиться и набрести на ту же зимовку. Разложил огонек, сидит, варит ужин, и говорит: «Господи, хоть бы кого-ниб. послал». Слышит — шаги: кто-то идет тихо и за избушкой остановился. Идет — никого нет. Крикнул: «эй, кто там, если крещеный — иди сюда, а не крещеный убирайся к чорту». И видит: заглядывает к нему в избушку тот мертвец — лицо нехорошее, глаза выворочены — и давай дуть в огонь: все головешки разлетелись. Тот ему: «ты шутишь или нет?» Только и сказал глухо — «да». Он собрал головешки и стал молитвы читать — ничего не помогает. Два раза приходил, все дует в головешки, их раскидывает: — тут вспомнил он, что нужно соли бросить в огонь. Бросил — тогда тот плюнул ему в рожу и ушел. Так вот, барин, и есть леший-то что леса ломает» (в Нее, Павел Мазуров).

Блуждающие огоньки на болотах — «фонарики» — это тоже мертвецы, которые могут завести человека, если за ними идти (д. Чертовище, Кин. у.).

По народному понятию должен вообще существовать определенный порядок в жизни человеческой и смерти, своя особая закономерность. В случае преждевременной смерти причитают: «Оставил нас, батюшка, без поры, безо времечка, (умер) да не в свою ты ведь очередь». «Он заедает чужую жизнь» — говорят здесь про дряхлого старика

«Умереть бы надо бабушке.

А не тебе, родимый дядюшка». —

причитает по умершем дяде племянница.

По человеку «от роду написано» его жребий и смерть. В одном причитании эта мысль выражена так:

«Знать ужь так Господь на роду писал,

Что придти твоей смертенки в годах красных».

Несмотря на такое отношение мертвых к живым и суеверный страх перед ними, в деревне молодежь не прочь пошутить над страхами. Рядятся напр. смертью или мертвецами. При этом ри-

женье сопровождается самыми непристойными шутками ¹⁾.

„Смерть—божья воля“, „Господь прибрал“, и от „смерти не уйдешь“,—говорят здесь по поводу смерти близкого человека. В причитаниях—„смерть постигла“, „срок пришел“. В одном причитании по сыне мать говорит, что не следовало бы ему умирать, так как срочные годы его не пришли. Верование в предопределение человеку его смерти можно видеть из следующего рассказа. „Когда человек родится, около него стоят два ангела и говорят между собой, сколько тот человек проживет и где и как умрет. Один раз баушка и услышала, как ангелы говорят: „этот проживет до женитьбы, а в день свадьбы выйдет из-за стола (свадебного или „красного“) и утонится в колодец“. После того стали его беречи, а в день свадьбы с утра и колодец заколотили. Вот уж сидят все за столом. Только заболело у жениха сердце, не сидится: „пустите, говорит, меня, не могу сидеть“. Вышел он на двор, подошел к колодцу, лег на доски и умер“ (Ветл. у., А. Шарский). О смерти кого-либо говорят также: „представился“, „преставился“, „отошел“, или шутливо замечают: „в Могилевской губернии горшки обжигает“, „карачун пришел“, „дубу дал“. О неизбежности смерти с упоминанием дуба говорит также одна загадка Варнавинского уезда: „стоит дуб-вертодуб, на этом дубе-вертодубе сидит птица: никто ее не минует—ни царь, ни царица, ни красная девица“ ²⁾. Тяжелые условия обстановки жизни и быта народа—его бедность и нужда создали это спокойное отношение к смерти, как к явлению простому и неизбежному. „Родится на смерть, умирает на жизнь“, говорят здесь крестьяне ³⁾.

На основании приведенного материала было бы ошибочно делать вывод, что деревенское население Костромского края все поголовно невежественно, грубо и держится двоеверия или просто язычества. Старина чаще держится лишь женщиной—„бабы все это рассказывают, они все про это знают“,—отмахивается обычно крестьянин от пустяшных с его точки зрения вопросов этнографа. Достаточно немного ближе подойти к народной жизни, чтобы увидеть, что школа и церковь, а в последнее время революция, оказали на мировоззрение народа громадное влияние, значительно изменив его взгляды привив многие новые понятия. Но произвести какой-либо статистический учет, какая часть населения держится прежних заветов стариков, не представляется возможным; наши корреспонденты, сообразно вопросам анкет, чаще отмечали пережитки далекого прошлого, сохранившиеся нередко, как исключение или совершенно исчезающие.

¹⁾ К. Завойко—В Костромских лесах по Ветлуге реке. „Труды Костром. Научн.-О-ва“, вып. VIII, 24 стр. Игра в „умруна“, „смерть“, или как еще называют эту игру—„в мертвеша“ вообще распространена на сев. России, с различными вариантами в подробностях, но неизменно с грубыми, циничными выходками. С. Максимова—Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб. 1903 г. 308—302 стр.

²⁾ Дер. Фомиха. Сообщ. уч. Е. Калинин. Архив Костр. Науч. О-ва. Варианты: Сахаров—Сказания русского народа, т. II, 151 стр. Сидорчиков—Загадки русского народа. СПб. 1901 г. 218 стр. Коринфский—Народная Русь. М. 1901 г., 104 стр. „Вертодуб“ встречается в сказках, изображающих путешествие в загробные страны. А. Афанасьев—Поэты, воззрения сл. т. III, 272—273 стр.

³⁾ А. Либера—Из дневника сельск. пастыря, 133 стр.

IV.

Выражение скорби по умершим. Причитания. Общее содержание плачей. Олицетворение природы. Культ земли. Представление о смерти в причитаниях. Бытовой и индивидуальный элемент в плачах. Язык причитаний. Лексический состав. Грамматическая сторона. Синтаксический строй. Художественная сторона языка. Происхождение. Записи причитаний.

Свою скорбь по случаю смерти близкого народ выражает различно. Непринято, напр., потерявшему родного зеть песни, танцевать, ходить на гулянья, пить вино. В старинном обычае похорон Ярилы, сохранившемся почти до последних дней в Костроме, наоборот толпа пела, плясала, предавалась разгулу и грехам. Женщины, в качестве траура носят темное платье и черные платки, опоясывая последние не на угол, а на кромочку. У некоторых сектантов на похоронах принято повязывать голову белым полотенцем¹⁾. Для женщины необходимым выражением скорби является „выть“ по покойному или причитание. Не причитающих осуждают.

Принято „выть“ и в доме покойника после того—как его обмоют и оденут, при подъеме (при выносе), по пути в церковь и, если не запрещает священник—в самой церкви, когда опускают тело в могилу, и на поминках. Местами строго соблюдается обязательность оплакивания на могилах по воскресеньям и в дни поминовения. В некоторых местах сохранился точно установленный порядок, когда должна причитать мать, сестра, и каждый раз—как именно. Плакальщицы сменяют одна другую или одна „запричитает“, подстают другие и „голосят вместе в один голос“. Существуют шаблоны причитаний, на что указывает совпадение их текстов, записанных в разных местах губернии. Но в эти заученные готовые шаблоны с общими местами, образами и приемами влетаются часто импровизации, особенно там, где нет точно установленного порядка причитаний. Здесь „плачут и вают с причитаниями все заран и всякая на свой лад“ и „что взбрдет в голову“—„причт сам на ум течет“.

Причитают „в голос“, „голосят“ и по отъезжающим новобранцам, и перед венцом, и над околевшей лошадыю или коровой, „также „поилницей и кормилицей“ крестьянина (напр. в Уренском крае). Но плакать и причитать по малом ребенке в некоторых местах не принято: „обожжешь его слезой“ (д. Дымново, Костр. у.). Выть невесты и причитания ее по покойном отце иногда близко совпадают между собой и складом речи и поэтическими приемами, но в музыкальном отношении они разнятся.

Причитают лишь женщины. Особенно близкие. Но бывает, что причитают и соседи. За гробом причитающие женщины идут, обнявши друг друга. В Галичском у. в церкви женщины причитают, расположившись вокруг гроба, обнявшись и раскачиваясь. Причитания и выражения скорби жестами употреблялись также в обряде похорон Ярилы: обрядовая обстановка этого теперь уже почти забытого праздника, несомненно отражает практику старинных похорон и описывается так: „В Костроме горожане сходились на площадь, избирали старика, одевали его в рубище и вручали ему не-

1) X.—Заблудшие. „Костр. Еп. Вед.“ 1885, 495 стр.

большой гроб с куклою, которая изображала Ярилу... Затем отпра- влялись за город; старик нес гроб, а вокруг него шли женщины, причитывали на распев похоронные жалобницы, и жестаи своими старались выразить скорбь и отчаяние. В поле вырывали могилу, хоронили в ней куклу с плачем и воем, и тотчас-же начинали игры, и пляски, напоминавшие языческую тризну ¹⁾.

В некоторых местах сохранились еще профессиональные пла- кальницы. Такие „складные женщины“ встречаются в Варнавин- ском и Чухломском уездах. Славится, говорят, не только в своем приходе, но и в соседнем некая Марья Крысаниха из с. Измаилова, Кинеш. у. Таких причетниц приглашают и угощают потом их на поминках и в сороковой день. Но специалистки по части причитаний в Костромском крае редки. Чаще причитающая знает лишь не- сколько фраз, и в случае полного неумения заменяет причитания истерическими выкриками и неистовым воем. Причитания постепен- но начинают выводиться, забываются: в городах и промышленных центрах, где вообще скорее забывают старину, причитаний совсем не слышно. С причитаниями при том борется духовенство. Мы,—пи- шет про духовенство один священник,—часто останавливаем причи- тающих в церкви, не позволяем; все ихние сказки и завывания от- ходят до нашего приезда“. Противно смотреть—говорил другой священник,—неискренние шаблонные плачи, видеть тяжелые сцены с истерическими выкриками, в которые переходят обычно спокойно пачатые „запلاчки“.

Общий тон причитаний—это жалоба, что покойник очень скоро помер, оставив сирот и хозяйство. По его адресу при этом, льется неистощимый запас ласковых слов: лада милое, лада умная, корми- лец батюшка, ясной сокол, светел месяц, солнце красное, свет—ми- лый друг, разлапушка, сиз-голубь и т. д. Положение вдовы рисуется самыми мрачными красками: ее участь горькая, злодарная, жить ей придется, „неусыпаючи, тяжелым-то да тяжелехонько“. Она го- ремычная, безгнездная кукушечка, и в семье среди сношениц (снох) и в „крестьянстве ей уж нету воли-большины“. Особенно тяжело будет поднять на ноги детей—сирот беззащитных. Сирота—непо- крытая головушка, пталечка безкрылая, касаточка безприютная. Без отца дети растут—вольницей-безогрозницей, над ними люди добрые нагряют. Причитание почти неизменно кончается обраще- нием к умершему с вопросами, когда он посудится (пожалует) в го- сти, уж как бы его беречь стали, накормили бы яствами сахарны- ми, напоили бы папитками медвяными, „напасли бы вкусу сладкаго“.

Костромские похоронные причитания, имеющиеся в нашем рас- поряжении, в большинстве случаев гораздо беднее по своему со- держанию, являясь как бы отрывками, сравнительно с теми разно- образными и полными образцами, которые были собраны и изданы Е. Барсовым в 70—80 годах прошлого столетия ²⁾.

¹⁾ А. Афанасьев—Поэтич. воззрения славян на природу. М. 1869 г., т. III. 727 стр.; срав. „Письма М. Я. Диева к И. М. Снегиреву“, 77—78; 92 стр. Герещенко А.—Быт русского народа, ч. V. 1848. 100 стр.

²⁾ Е. Барсов—Причитания северного края, ч. I, М. 1872 г., ч. II, М. 1882 г., ч. III—в Чт. Моск. О. И. и Д. 1885 г., кн. III. IV-ял.

Причитания, записанные в 70-х годах в Кол. у. (Нефедовым) и причитания записанные там же в 1918 значительно отличаются в смысле полноты. За полстолетие народная память многое уже не могла удержать. Эздешние причитания ближе всего стоят к Вологодским и Ярославским заплачкам, записанным П. Шейной ¹⁾. Однако, общие места можно встретить и в тех и в других причитаниях—лучшее доказательство того, что народ везде черпает образцы для своих произведений из одного источника.

Несмотря на свою отрывочность, эта угасающая область народной поэзии достойна изучения и записей. Представляя нередко частями повторение уже известных в литературе записей, костромские причитания отражают немало и чисто местного в описании природы, в отношении отголоска древних верований, народного быта и языка. Как и в Олонецких причитаниях, здесь рисуется удивительно ярко картина природы края с ее темными лесами, частыми дождями-заливинами, с грязями черными, с морозами лютыми. Причитания отмечают и чисто поле, зелены луга, шелкову траву, и пески желтые, быстру реку, мать погодушку, ветра буйные. К этой природе человек часто обращается в причитаниях со своим горем:

„Поднимитесь, ветры буйные,
Разнесите вы да желты пески,
По всем да вы по сторонушкам.
Упади-ка ты, да бел горючь камень (вар. калена
стрела—молния)

Расшиби-ка ты да гробову доску.

Это молитвенное обращение к ветрам—вихорям, к матери погодушке или к грозовой туче заменяется иногда молитвой к Богородице:

Попрошу я Пресвятой-то Богородицы:
Распахни-ко ты, Богородица,
Да тонки белы полотна и т. д.

Христианство здесь успело уже вытеснить древнее верование в стихии, следы олицетворения которых мы не раз встретим в причитаниях, напр. в таком диалоге дочери, потерявшей мать, с быстрой рекой—диалого, который, глубоко поэтичен и положительно блещет эпической свежестью, напоминающая старинные плачи, в роде плача Ярославны.

„Доживу, кукушка горькая,
Я до леточка до красного—
Как растают снега белые,
Разольются реки быстрые,
Ужь я сяду на крутой берег—
Я покучуся (пожалуюсь) быстрой реке:
Ужь ты, матушка быстра река.

¹⁾ П. Шейн—Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях и т. д., т. 1, вып. 2, СПб 1906 г. 781—782, 784—885, 791 стр; из других известных нам записей причитаний помимо приведенных у Барсова укажем: А. Суворовский—Вопли Новгородской губернии. „Этнографич. Обзор.“ 1907, № 3, 87—92 стр.; Д. Успенский—Похоронные причитания Тульской губ. „Этногр. Обзор.“ 1892, № 2—3; Соболев—Причитания над умершими Владим. губ. „Этн. Обзор.“ 1912, № 3—4; 191—209 стр.; Нефедов—Причитания Владим. уезда (7 пох. причитаний) „Влад. Губ. Вед.“ 1897 г., № 28; Ю. Готье—„Вопли Вьсьегонского уезда, Тверской губ. (2 пох. прич.); А. Виноградов—„Крики“ Рязанской губ., Рязского уезда. „Этногр. Обзор.“ 1894 г., № 4.

Ты куда бежишь-торопишься,
Не во синее ли морюшко,
Захвати-ка мое горюшко.
Отвечает быстра река:
Мне итти-то далековько,
А твое горе не тонется,
От часу-то горе копится,
Великого прибавляется“.

Особенно ярко среди прочих элементов языческого мировоззрения выступает в причитаниях культ матери сырой земли, которая гневается на тех, кто тяжело по ней ходит, гнетет ее.

„Припаду-ка я ко матушке сырой земле,
От моего-то велика горя-горя
Не простонет ли мать сыра земля
Покачнулись темны леса,
Кольхнулись синя моря“... или:
„Матушка сыра земля.
Прибери меня горюху“... и т. д.

Было уже отмечено, что смерть в причитаниях рисуется в образе сна и представление о загробном мире, как о пути-дороге и житье вековешном. В то же время причитания указывают на народное верование в явления умерших живым. „Ты когда в гости посулишься?“ — спрашивают причитающие. Какой-то темный обычай кроется здесь, быть может, обычай тризны; однако не исключена возможность, что сюда бессознательно привнесено из рекрутских плачей это столь обычное в последних обращение.

Со стороны бытовой причитания прежде всего рисуют картины семейного быта: обыкновенно—тяжелое положение вдовы, потерявшей в лице покойного рабочую силу, без которой „делишко“ останется не доделанным, и „затулушку“ (защиту) в семье и в миру. Положение сирот детей, бедственное положение престарелой матери—которую неизвестно будут ли поить-кормить, другие родственники, положение дочери, не наследующей отцовского имения, если не было особого завещания. При этом бросается в глаза одна черта, именно—отсутствие ропота на судьбу или на привидение; кроткая тоска и жалоба на горе-нужду, на безнадежность, особенно в отношении к детям, нигде не переходят в ожесточение, в протестующий вызов или в желание мести. Иногда только примирительное настроение переходит в обращение к умершему, в роде следующего: „попроси-ка ты Господа, да возьмет-ка нас несчастных к себе; ведь придется нам ходить по миру да просить себе пропитание“.

Причитания в тоже время рисуют и идеалы крестьянского благополучия—нов терем, белая горница с красными окошками, тесовые лавочки, столы сыродубовы, скатерочки шиты-бранные, новоклетчатые, яства сахарные и т. д. Нужно, однако, не забывать, что в описании этих картин встречаются унаследованные эпические формы и приемы. Такие выражения, как „нов терем“, „золота казна“, „лебедь белая“ и т. д. дают основание думать, что первоначальные образцы этих причитаний сложились не в крестьянской среде, по крайней мере не в среде крестьян здешнего края, которая не знала ни белой лебеди, ни тем более золотой казны и терема. Помимо

перечисленных особенностей в содержании причитаний, так сказать типического свойства, встречаем мотивы, которые можно назвать индивидуальными. В причитаниях старообрядцев, напр. паходим особый оттенок в чувствах жалобы по поводу утраты близкого человека, когда он убит и погребен „попами да дяконами“. В жалобе слышится узко-вероисповедная боязнь за загробную судьбу погребенного по чужому ритуалу. Одна мать причитает по этому поводу следующим образом:

„Больше всех ты оставил нам заботушку,
Что ты умер не по нашему,
Не по нашему, а по мирскому;
Эта-то заботушка никому из нас и с ума пойдет,
Что ты сделал — исповедался,
Велел схоронить себя попу с дяконом,
Чего с роду у нас в роду не было“.

Другое причитание жалуется на печальные последствия за то же отступничество от единоверцев:

Понесли тебя в церковь Божию,
За что все люди откажут в помощи.

В одном причитании (№ 29) дочь так оплакивает отца: „Жаль мне, жаль мне, батюшка, что не видала я твоей кончинушки“. В № 27 читаем: „А теперь-то что я сделаю? И сама еще молодешенька, итти замуж—не возьмут меня, к себе в дом принять не пойдут никто“ (одно ударение).

Причитания дают богатейший материал для изучения народного языка и словаря Костромского края, для исследования развития народной речи, стиля и говора. В отношении диалектологическом, к сожалению, записи далеко не всегда делались с соблюдением правил диалектологических приемов собиранья.

Обращаясь к языку причитаний, нужно иметь в виду, что язык народа—это его душа. Чем богаче и полнее она, тем богаче и лексикон народной речи и ее форм, и наоборот. В этом отношении очень поучительно количественное сравнение литературного образца и причитания, взятых с одинаковым количеством стихов и сравненных только по числу знаменательных частей речи, без служебных (без союзов и предлогов). В причитании № 1 в стихах 1-17—33 слова: в „Евгении Онегином“ в 1-17 стихах—68 слов; в причитаниях № 7 в 10 стихах—21 слово, в предисловии к „Руслан и Людмила“ в 1-10 стихах—32 слова. Обобщая этот результат, необходимо, однако, учесть любимые народом повторения, как характерный эпический прием, мешающий народу использовать во всей широте доступный ему запас слов. Но и этот учет не уничтожает разницы в количестве слов, которым распоряжается отдельный автор и народ. Этот учет может только несколько ослабить эту разницу в пользу народа. Разность эта снова будет подниматься, если мы будем сравнивать более и более крупные образцы. При такого рода статистическом методе необходимо, однако, иметь в виду, чтобы сравниваемые литературные и народные образцы были примерно с одинаковым количеством слогов.

Лексический состав причитаний представляет собой довольно пеструю картину. В него входят и областные слова и архаизмы, и

новые. Между ними господствующее положение принадлежит первым двум элементам. Таковы, напр., простонародные областные слова: бедко (горестно), беззастойный (беззащитный), безогрозница, затулушка (защита), застенщице, кучиться, побывшиться и т. д.

Примеры архаизмов и церковно-славянских слов представляют: нарекса, переки-т-кося, родильник, тя (тебя). (Амо собой разумеется, что многие слова первой группы могут быть отнесены и во вторую).

Новые слова в причитания вливаются, очевидно, с большим трудом. Традиция и содержание причитаний не мирится с новыми словами, в силу того, что самые чувства и легче и лучше выявляются в установившихся уже исстари и всем понятных выражениях. И, действительно, слово „фотограф“, употребленное в одном из причитаний производит в фразе: „Привези-т-ко ты фотографа хорошего“ какое-то диссонансирующее впечатление. Не вдруг привыкаешь и к выражению „милый друг“. Но оно так широко применяется в плачах, как и синоним его „приятель“, что можно предположить, что у народа эти слова еще не приобрели оттенка вероломности и уязки интереса, какой-то оттенок уже приписан им житейской психологией. „Милый друг“ встречаем в приложении ко всем дорогим лицам: и родителям, и братьям, и сестрам и дядьям. „Законный муж“ или „закон мой“ (муж) употребляется неохотно и, вероятно, только очень пожилыми вдовами. Слово „дом“ заменяется иногда „терем“ и „гнездо, гнездышко“ или с эпитетом— „благодатный“ (дом). Напротив, древние выражения, как „лада милая“, „свет мой“ и т. п. встречающиеся еще в „Плаче Ирославны“, принимаются в причитаниях приветливо, напр: „лада милая“ и „милое“ или „лада хорошая“ встречается в наших причитаниях в уездах Варнавинском, Ветлужском, Костромском и Юрьевецком.

Народное творчество не считается с литературной грамматикой. Это наблюдается и на причитаниях. Их характеризует самая широкая свобода отступлений от правил литературной этимологии и синтаксиса. Народные причитания живут, как и все творчество народа, своей внутренней стихией и управляются, глав. обр., произношением, его традиционными приемами и выражаемыми чувствами.

Этим объясняется фонетический состав слов, иногда с трудом узнаваемых или даже вовсе неузнаваемых. Там, где требуется смягчение твердых звуков, там его не встречаем, но зато найдем его там, где не ждем. Обращивание оговочаний и в существительных и в др. частях речи, особенно в глаголах (в третьем лице наст. времени единствен. и множ. чисел. а также „ся“), ассимиляция и слияние, характерное для Костромского говора (напр., залагат, вм. залагает и т. д.), полногласие (середы, сторонушка, молодешенька), обилие частиц, приставок, двойные суффиксы для слов уменьшительно ласкательного значения (гульбищечка, игрищечка), повторение предлогов перед определяемым и перед определением и любовное их соединение с глаголами (за-под-стреленная, при-у-трись), произвольные сокращения слов (перексти), образование сравнительной и превосходной степеней при помощи частицы „раз“, даже от существительного, или при помощи наречия „больно“ (раз-батюшко, раз-несчастная, раз-горькая)—все это грамматические особенности,

характерные для костромских похоронных причитаний и вообще костромского диалекта.

Приведем еще несколько примеров этих особенностей: рай (разве), тута (тут), али (или), налимная ягодка, мталечка, кормилец (вм. кормилец), клеть (клеть), ниде (нигде), дак (так), стане (т), може, заступить (ся) за меня некому, ты послушо-т-ко, что я буду говорить. Особый вид диалектологических особенностей составляет кологривское поканье: уцуй (учюй), кукушецка, шцо (что), круцина, пецаль, цадо (чадо), всяцаны (всячины).

Примеры словообразования: дети, дитю, детко, детушки; дитятко, деточки, детыньки, детоньки; или: горюша, горючечка, горица, горенька, горька *ююла*, горемышница.

Примеры особенностей в существ.-х: родит. п. кормилца; твор. п. множ.: ягодкам, скатертям и т. д.

Глаголы: усыпаючи, унимаючи, (остаток древней формы причаст. наст. женск. рода един. ч.), заможет (вм. занеможет, заблудет), спокнул, повиди (повидай). Сюда же относится своеобразное употребление времени одного вместо др., одного залога вм. другого, употребление единственного числа вместо множественного.

Предлоги: во келью во сиротскую; круг (вокруг).

Частицы, употребляемые для сообщения разных оттенков чувств, а равно и по требованию стихотворного размера, напр. любит повторение *да:* да ее то ли да ретиво сердце: еще как-то да ведь мне жить будет (особенно много частиц в туранском плаче по муже—№ 6). Останавливает на себе внимание междометие: „ой“, которое часто слышится в нотованном виде, как „йой“. Этим междометием, в некоторых местах губернии, на могилах начинаются почти все причитания: этим междометием начинается и каждый стих, им же и оканчивается причитание.

Что касается синтаксического строя причетов, то он носит все признаки обычного народного синтаксиса. Известно, что народ не любит подчиненных предложений, не употребляет причастий и деепричастий для выражения сокращенных придаточных. Народному языку более свойственна речь из самостоятельных предложений и преимущественно кратких. Бросаются в глаза своеобразное расположение членов предложения, особенности в согласовании частей, напр. „не пойдут никто, не возьмут никто“. Так. обр., с точки зрения стилистики, мы не можем требовать от народных причитаний ни одного из логических свойств языка: ни правильности его, ни ясности, ни чистоты, ни точности. Та стихия души и чувств, которая движет речью плакальщицы, одна является распорядителем ее речи. Последняя является потребностью души, выливается произвольно и в таком случае назначается не для публики.

Другое дело—художественная сторона языка. Народная душа особенно поэтична в причитаниях, которые по существу своему лиричны. Здесь находим всевозможные фигуры, тропы и другие приемы, сообщающие речи художественные свойства и образность. Приведем примеры, наиболее из них употребительные.

1) *Обращение.* Поднимись ты, туча грозная, упади, калена стрела! Ты подуй, да мать погродушка!.. Ты раздай-ко-ся, мать сыра земля.

ты раскройся, гробова доска!—Эти обращения, встречаемые и в бытовых песнях народа, самые любимые.

2) *Тавтологические выражения*: молодым-то и молодешенька: потеряла и потеряюшку: думушку подумати: ждать да дожидатися, работу работати, год годовати, горе горевати, пустым пустешенько; темным темнехонько, раным ранехонько, поздним позднехонько.

3) *Символы*: красное солнышко (в 13-ти плачах разных уездов), кукушечка (в 6-ти плачах), млад, светел, ясен месяц (4 раза), ясный сокол (4 раза исключительно в плачах Костромского уезда), лебедь, лебедка (2-жды в Макарьевском и Юрьевецком плачах), сиз голубь (1 раз в Юрьевецком плаче № 81).

4) *Синонимы*: часы-минуточки: подожите-ко помешкайте, у нас все не по старому, не по прежнему: я сама знаю-ведаю; не под силу не под моготу: бежишь-торопишься: родитель-батюшко, родитель-матушка. Особенно излюбленно выражение „в достольные да в последние“ в Буйских плачах (№№ 1, 4, 5), Варнавинских (№№ 8, 19) и Кологривских (№ 35, 41, 46).

5) *Повторения*: вы глядите-ко очи ясные, вы глядите-ко да не мигаючи: нападет да (на) горемычницу, нападет-то да на меня на злорадную, нападет-то да тоска-горенько.

6) *Эпитеты* постоянные: кровна мамонька, сироты беззастойные, нова горница, светлая светлица, тесова лавонька, горячий камень, горячая слеза и горяча слеза, свет мой батюшка, милый друг батюшко, бела-грудь, ясны очи, ретиво сердце, темны леса, уж ты свет, ты свет надеженька, надеженька законный муж.

Достоинно примечание относительно некоторых эпитетов одно наблюдение, именно относительно эпитетов: желанный, сердечный, болезный, бесталаный, жизнь моя, радость. Эти эпитеты весьма употребительны в Костромской губ., особенно в Буйском и Галичском у. Деревенские женщины пользуются ими и теперь. С ними рядом может быть оставлен только эпитет „душа моя“, но и этот последний, как и вышеупомянутые встречается в причитаниях но крайне редко. Между тем, вся обстановка причитаний, повидимому, требовала бы именно этих эпитетов. Может быть, народ находит необходимым более применять их к живым, а не к умершим.

Украшающих эпитетов народ употребляет мало. Это наблюдается на всех видах народного творчества. В причитаниях такого рода эпитеты встречаются все-же, напр. слезы учетные, резвы ноженьки, белы рученьки, уста медвяные, сахарные и др.

Между эпитетами причитаний стоит еще указать на составленные из двух корней, как напр. следующие: столы сыро-дубовые, горе-мычная, веко-вечная, богоданная. Такие эпитеты особенно много содействуют изобразительности слога, рисуя предмет сразу с двух сторон.

7) *Метафоры*: ото сна-то она от крепкого, от просонья-то от великого (не пробудится!); простовала мать сыра земля: срубили тебе горенку без дверей, без окошечка; запечатаю письмо думой крепкою.

8) *Сравнения* вообще представляют собой наиболее распространенный прием словесной живописи. В причитаниях встречаются отрицательные и положительные. Напр., не кукушечка ли кукует,

не воркушка ли воркует.., у тебя на могилушке тута кукует воркует твоя сестра, твои родимая. Или: Не солнышко красное из-за гор подымалось, то мое чадо милое подымается... на житье на вечное. Или еще: не теплом меня опахнуло, не теплом да не радостью,—обдало меня горюшечку горем да круциной. Куримся две головешки и одна из них потухла. Точно птичка я горькая, точно кукушечка да горемычная. Как насаточка бесприютная, как я птичка бескрылая, без тебя-то, приятный батюшко.

9) Из приведенных выше примеров открывается еще весьма заметная и характерная особенность языка причитаний. Это обилие уменьшительных и ласкательных существительных и реже—прилагательных. Вся народная лирика наводнена ими. И причитания не представляют собой исключения. И как там, в лирике, эти слова сообщают речи особенную искренность, нежность и задушевность, так и в причитаниях. В последних они еще уместней и необходимей, так как самое содержание их нежней и задушевней прочей лирики.

10) Наконец нельзя не отметить чрезвычайную поэтичность некоторых мест причитаний, где стиль переходит в поэтическую игру слов—смесь антитез и логических противоречий. „Белы дни стали темнехоньки, темны ноченьки светлехоньки. Оттого светлы мне ноченьки, что не сплю я горемычная, без тебя, болезно дитятка. Мне не спятся темны ноченьки, оттого деньки темнехоньки“ (№ 66). Подобные эпические приемы в причитаниях обычны.

Что касается стихотворного размера причитаний, нужно заметить—народ любит его. Даже сказки у него отличаются какою-то плавной певучестью, „сказываются“. При этом, говорить ритмично и импровизировать дается деревенской женщине легко. Один священник Галицкого у. рассказывал мне, как пришедшая к нему за советом женщина свою речь вела причитальным певучим манером:

„Ты скажи-ка мне, мой батюшка,

Как замолить мне незамолимый грех“ и т. д.

Но народное стихосложение не всегда считается со стопами и их чередованиями. В некоторых записях, необходимо это иметь в виду, мы имеем дело с совершенно разложившимся стихом, что объясняется не тем только, что записыватель интересуется иногда лишь содержанием причитания, но и тем, что при передаче причитания опрашиваемый сам впадает в прозаическую речь. Приходится наблюдать при записывании произведений народного творчества, что при повторении одного и того же стиха или сказки сказителем, мы почти обязательно слышим изменение первоначального текста. Музыкальный ритм причитаний основан на логических ударениях—здесь под одним ударением произносится иногда не одно, а два и три слова. Это слова, в которые влагается и мысль и чувство, которые вычитываются с подчеркиванием: то с повышением, то с расстановкой, то с какой-то чеканкой или рубкой, с особенной отчетливостью. Поэтому установить какие-либо правила для этого стихосложения, представляется довольно затруднительным. Их можно читать в зависимости от произвольного понимания. Иногда довольно одной новой частицы или предлога, чтобы произошло перемещение ударения, наоборот: опущение частицы или предлога сокращает число ударений. Тоже самое произойдет от одного переноса уда-

пения на предыдущее слово. В общем, однако, можно наблюдать, что метр причитаний приближается к былинному с числом слогов от 8 до 16 (тем более приближается к былинному, чем больше число слогов) с двумя основными ударениями.

Причитания в Костромской губернии носят и другие названия: „плачи“, „причеты“, „заплачки“, „выть“, „вой“, „голосование“, „Голошенье“ (голосить). С каждым отдельным названием не соединяется, однако, в настоящее время какого-либо отличительного определенного содержания. Самым подходящим и наиболее выразительным в смысле *произношения* будет наименование — „причитанье“. „Причитанье“, вероятно, в начале и обозначало не содержание народного произведения, а именно его произношение или напев, потому что он, действительно, представляет собой что-то среднее между пением и чтением, более приближаясь к речитативному чтению с присоединением к нему особенного свойства растягивания и замедления, остановок, перерывов. Последние обуславливаются и овладеваемыми причитающей чувствами и обильными слезами, с которыми тесно связываются неизбежные всхлипывания, с непрерывно-повторяемым: „ой-ох!“ В большинстве случаев этими междометиями и начинаются причитания, причем они тянутся на нескольких нотах разной высоты и длины. Также наблюдается и в середине плача и в конце. Отступление допускается только в случаях, где не место и не время для продолжительного „голосования“. Вообще музыкальная сторона причитаний с их простыми, но выразительными мотивами достойна внимания и изучения. Этот мотив горя, и самая остановка, в которой произносится причитание, производят глубокое впечатление. Также сильно впечатление и от плачей-причитаний когда они происходят на могиле умершего в особый ли день поминовения церковного, или в одно из посещений церковной службы в какой-либо из праздников, или в радоницу, троицкую субботу и т. д. Плакальщица медленно, сосредоточенно обходит могилу, постоянно молясь и вздыхая, оправляет ее. Затем останавливается у изголовья могилы, некоторое время стоит задумавшись, как будто собираясь с духом, опускается на колена, расстилает платок на могиле и упадает на него лицом. На некоторое время она застывает в этом положении. Но вот слышатся тяжелые вздохи, которые вдруг заменяются громким: „О-о-ой, да свет“... И полился заунывный, хватающий за сердце наив-плач. А чрез некоторое время, как разбуженный, заплакал и другой такой же голос, а там третий. И на большое расстояние кругом оглашается мирная сельская окрестность обычным для нее стоном-воплем. Вековые березы кладбища, кажется, ниже и ниже опускают свои плакучие ветви, ревниво охраняя около себя звуки, под которые они выросли. Только ближняя речка своим эхо кой-где подпекает давно знакомым мотивам.

Проходит час. Всплиыванья чаще прерывают голоса, пока последние совсем не замолкнут. Замолчала плакальщица и лежит ничком неподвижно, как застывшая. Не сразу приходит она в себя. Потрясенная нервная система требует времени для своего успокоения. Поднявшись на ноги, плакальщица еще постоит на дорожной могиле и медленно, спотыкаясь и пошатываясь, направляется из ограды.

Мы не задавались целью произвести полный исчерпывающий анализ костромских похоронных причитаний, как со стороны их содержания, так и с точки зрения изучения форм народного языка. Поэтому, считая материал причитаний в этих отношениях чрезвычайно ценным, печатаем все записи полностью, располагая их по уездам.

Записи причитаний, а также описанные выше обычаи взяты из следующих материалов, имевшихся в распоряжении автора: 1) данные анкеты Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссии 1899—1900 г., 2) этнографические материалы, хранящиеся в архиве Костромского Научного Общества по изучению местного края, поступившие, гл. об. в результате также особой анкеты, составленной автором и разосланной Об-вом в 1918 г., 3) личные записи и опросы автора, 4) записи причитаний сделанные корреспондентами Страхового Отдела при любезном содействии заведующего отделом В. А. Миндовского. 5) Кроме того, любезно были предоставлены нам этнографические записи А. А. Ширского сделанные им в 1900-х годах в Ветлужском уезде, представляющие, кстати сказать, исключительную ценность и 6) Владимирской Ученой Архивной Комиссией из собраний ее архива записи причитаний, сделанные Ф. Д. Нефедовым в 70-х годах прошлого столетия в Кологривском уезде. Пользуемся случаем выразить А. А. Ширскому и Владимирской Уч. Архивной Комиссии нашу глубокую признательность за оказанное содействие ¹⁾.

Большинство материалов собрано анкетным путем (Костр. Арх. Комиссией и Костр. Научн. Об-вом). Относительно этого способа изучения этнографических вопросов, между прочим, необходимо указать, что при совершенно понятных несовершенствах, это один из наиболее верных способов *широкою* изучения такого рода вопросов, так как некоторые явления быта и жизни деревни, менее распространенные, часто ускользают от наблюдения отдельного лица, оставаясь известными лишь людям близко соприкасающимся с жизнью народа. С другой стороны, факты определенного порядка, повторенные в корреспонденциях из разных мест дают основания к заключениям о широте распространения известного явления или обычая и силе пережитка отдаленного прошлого. Вместе с тем, отдельные факты, и сообщения, указывают направление, в котором должны вестись дополнительные изыскания и проверки. Что касается записей погребальных обычаев и похоронных плачей, эти записи делать труднее нежели, напр., свадебные песни и обычаи, так как в некоторых местах, по выражению одного корреспондента, „народ начинает стесняться суеверий стариков“, с другой стороны, деревня в настоящее время крайне недоверчива. „Я записывал слово в слово, — сообщает один корреспондент (от 18 марта 1919 г.), что говорилось спрашиваемыми женщинами. В виду теперешнего тревожного времени насилу уговорил сказать записанное — боялся, чтобы чего не вышло и не попасться под ответственность — страшно все запуганы“.

¹⁾ Совершенно не удалось использовать материалов этнографического собрания Бюро кн. Тенишева в виду полной недоступности в настоящее время занятий в архиве Музея Александра III в Петрограде, где хранятся эти записи. Между тем, нам известно — в них имеется материал по похоронам и причитаниям Костромского края.

Записи причитавий, кроме того, естественно вызывают горькие воспоминания опрашиваемых и заставляют иногда собирателя отказываться от записи в силу вполне понятного нежелания причинять сердечные боли.

Поэтому особую благодарность мы выражаем тем корреспондентам, которые взяли на себя труд опроса и записей на столь невеселую тему.

Причитания.

1. По муже.

Батюшка, милый друг,
На кого ты меня оставил
Как я горька буду маяться
Без тебя, свет мой батюшка,
Милый друг (имя и отчество умершего),
Без тебя, свет мой батюшко,
Напринимаюся я холоду и голоду.
Ты скажи, милый друг,
Когда в гости посулишься?
Ужь я буду горька-горюшка
Ждать да дожидатися
К себе-то в дороги гости,
К себе да во благодатный дом.
(В доме) Погости, свет мой батюшко,
Во своем да благодатном доме,
Во своем да во теплом гнезде
В остальные да во последние.

2. Там, где остались сироты — дети.

Мой милый друг,
На кого ты оставляешь
Своих малых деток?
Малым они маленьки,
Глупым они глупеньки,
Намаются мои детки малые
Без своего-то да без родителей,
Без родителя батюшки.
Ужь как некому, свет,
Моих деток поить-кормить.
Намаются, не услышат,
Свет, мой батюшко,
Твоего громка голоса,
Слова ласкова.

3.

Что иду да горька я горюшка,
Что иду да разнесчасная
На своих на скорых ноженках,

На своих на белых рученьках,
Уроню да горькая горюшка
Я свою да горячу слезу
К своему супругу милому,
Николаю да Трофимычу,
На его да на белую грудь,
На ретиво сердце.
Не разгорится ли ретиво сердце,
Не раскроется ли гробова доска,
Не в танет ли мой милый друг
Что к своей да молодой жене,
Что к своим да малым деткам?
Не промолвит ли мое-т милый друг
Что со мной да слово тайное,
Что с мое-то моим да деткам?

Записано в Ликиургская вол., Буйского у.
в 1919 году.

4.

Вы глядите-ко очи ясные,
Вы глядите-ко да не мигаючи
Горючими слезами не заливаючи
На мою т-ли да на радельшицу,
На радельшицу кровну мамоньку
В достальные да во последние,
Что недолго, моя радельшица,
Что гостить у меня да в дорогих гостях
Во своей-то новой горнице
Что во матушке да светлой светлице,
Что не годик тебе годовать
Не неделюшку неделевать
Что ужь последние часы-минутинки.

(Когда в церкви священники подходят к гробу).

Уж вы батюшки, отцы духовные,
Вы причетнички да церковные,
Подождите вы да пом-шкайте,
Хоть вы часик да хоть полчасика,
Хоть одну, батюшка, минутинку.
Побужу я свою радельшицу,
Что радельшицу, кровну мамоньку
В достальные да во последние.
Не проснется-ли у нея да ретиво сердце
Не возжалеется-ли моя кровная
Не встанет-ли моя радельшица,
Да на свой-то на скорые ноги
Как по старому да по прежнему.
Подхватила-бы я горькая,
Подхватила бы горемышная,
Я под правую ее под рученьку

Повела-то бы я горькая,
Повела-то бы я горемышная,
Во свою ее нову горницу,
Во свою-то да светлу светлицу.

Сести ли мне горькой
Уже сести ли мне горемышной
На тесову лавоньку
Возле радельшицы кровной мамоньки,
Побудить-то ли мне горькой
Побудить-то ли мне горемышной,
Что свою-то ли мне родельшицу,
Что свою-то ли мне родну мамоньку.
Уронеть-то ли мне горькой,
Уронеть то ли мне горемышной
Что свою-то да горячую слезу
Уже к ей то ли да на белу грудь.
Не пройдет ли да горячая слеза
Что к ее-то ли ретиву сердцу:
Не ожжет-то ли да горяча слеза
Да ее-то ли да ретиво сердце:
Не обудится ли да моя родельшица,
Что радельшица да кровна мамонька,
Ото сна-то она от крепкого
От просонья-то от великого.
Ты скрепила моя радельшица,
Что свое-то ли да ретиво сердце
Крепче камешка ты горячего.
Ты послушай-ко, моя кровная,
Что я буду тебе говорить,
Во слезах да буду тебя просить.
Пробудись-ко моя радельшица
Ото сна-то от крепкого.
Ты скажи-ко моя кровная,
Хоть со мной одно словечушко
Что осталась я горькая,
Что осталась да горемышная,
Молодым-то молодешенька,
Без тебя моя родельшица,
Что родельшица кровна мамонька,
Точно птичка я горькая,
Точно кукушечка да горемышная,
Не с кем думушки подумать,
Ни словечушка мне тайного сказать.

Записано в д. Аксиньино, Буйск у. в 1919 г.
М. В. Наградовой.

Когда обмоют, оденут, положат на лавку под кресты. Если вост жена, то она называет покойного „голубщиком“. дочь—„родильник мой“, мать—„дитятко“.

Ой, ты скажи-ко, голубщик мой,
„ ты куда ето собрауся-т-ка
„ да на какой ето на празничек,
„ да ты в какую да путь-дороженьку?
О-ой, оой, да ты собрауся, голубщик мой,
Оой, да не во путь и не на празничек,
Оой ой, да к Присвятой да Богородице.
„ „ да не пора бы ишшо да не времечко
„ „ что итти да к Богородице,
„ „ ишшо жить бы да красоваться
„ „ что в своем да теплом гнезде
„ „ со своим да малым деточкам.

Конечно в это время изба бывает полна соседями. Они ее унимают: „Максимовна, а Максимова! что это, matka свет, опомнись! Этим ты не подымешь, а надо подумать и о себе и о детках“... и т. д. Но она продолжает выть. Слов уже нельзя понять, слышно только одно „ой“, она захлебывается от слез. Тогда уже соседки ее оттаскивают от покойника и сажают на лавку. Она успокаивается, перестает выть и начинает только ужь причитать:

Дух мой, свеча светлая, кровь ты моя кипучая,
Красавец мой! Промолви хоть одно словечушко.
Накажи, как мне жить-то.
Эку ты шуточку надо мной шутил!
Подкосу ты мое ноженьки, как косой.
Жись ты моя! Радость моя! На что ты рассердиуся,
На какое ты слово грубое.
Мы, кажись, притко-то с тобой и не ругались.
Дух мой, научи ты меня, как мне дом-то домить,
Да деток-то подымать.
Пожила я за тобой за работничком да покрасовалась,
С кем теперь я думу-ту думать буду,
Ангеу мой, взгляни хоть ты одним глазком.

Наконец, успокаивается и делает распоряжения по хозяйству... Перед выносом из дому причитает:

Ооой, оой, ты скажи-ко, голубщик мой,
„ „ да ты единое словечушко,
„ „ да в достольные да во последние.
„ „ тебе не долго гостить да в дорогих гостях
„ „ да во своем да теплом гнезде
„ „ со своим да малым деточкам.
„ „ ты скажи-ко, голубщик мой,
„ „ да ты коуда в гости посулился
„ „ да на какой ты на празничек,
„ „ я бы вышла да стритила.
„ „ сѣреди да поля чистова,
„ „ посадила бы, голубщик мой,
„ „ под среднее да окошечко.

Ближние родственницы также начинают выть и причитать — понять что-н. в этой разногласии нельзя. В это время покойного кладут в гроб и выносят. Жена плачет до беспмятства. Во время отпевания и погребения она также плачет, но не воет. На могиле в этот день также не принято выть, но по приходе домой с похорон воют:

Ой ой, да опустело тепло гнездо,
" " не стало моего поильшичка,
" " не придет он не откуда-то,
" " да не скажот не словечушка.
" " ужь куда-то я не погмежу,
" " да ведь негде-то его нетутка.

В течение всего гзда, когда приходит молиться и особенно в дни поминовений, причитает на могиле. Сначала также спрашивает: „Ты, скажи-т-ко, голубщик мой, когда в гости посулишься“ и т. д., а затем:

Ой ой, уж как я да бедная, горья,
" " без тебя да голубщик мой,
" " я всего да напримаюся,
" " я голоду и холоду
" " и чужова да слова браннова:
" " да и детки-то обносилися
" " и жупись-то нам не-нашто.
" " у суседей-то деточки
" " они все на праздник великой в обновочках,
" " у моих-то сиротиночек
" " нет отца и нет обновочек.
" " не пора бы ишшо не времечко
" " да што лежать да во сырой земле.
" " да ты убрал да свои ноженьки
" " да молодым да молодешенек,
" " ты оставил нас, голубщик мой,
" " ты не жить, а только маяться.

Воет до тех пор, пока кто нибудь не поднимет.

Записано 14 янв. 1920 г. Е. Д. Козловой в Шушскомской вол., Буйского уезда.

В.

Отгостил-то да, любезный муж,
Во своей-то светлой горнице,
Во своей-то светлой светлице,
Ты оставил да, любезный муж,
На меня-то да ведь на гориху,
На меня-то да на злорадную
Тяготу да мне великую.
Ишо как-то мне жить будет,
Ишо как-то да подымать будет
Что своих-то да малых детей,
Что моих-то да горьких сирот?
Ты, дите ли мое милое,
Попроси-ко да братца милого,
Алексея да сына Митрева,
Чтобы они-то да не оставили,
Чтобы они же да и не бросили

Со своим-то да со товарищам.
Я приду-то да горемычница,
Я приду-то да во любви гости,
Прими меня да по старому;
Не по питья-то да я по сладкия,
Не по яства-то да я сахарныя,
От тоски-то да я от горенька.
Ты вступиися да, любезный брат,
Ты за место да кормилца.
Ты кормилца моего батюшка;
Ты прими-ка меня по старому,
Приголубь-ка меня по прежнему.
Как теперя же знать у горюхи
Западет моя путь-дороженька
На родимую на сторонущку.
Провожаю, да любезный муж,
Что во путь, во дороженьку,
Ко Троице, да ко матушке.
На житье, да на вековечное.
Оставляешь, да любезный муж,
Сиротою, да беззастойною.
Со своими да со малым детям.
У меня детоньки, да они малые,
Они малые, да они глупые;
Сироты-то да они горькие,
Сироты-то да беззастойные.
Наживуся да, видно, я, горюха,
Наживуся да я намаюся,
Всячины да я напринимаюся:
Холоду да я и голоду
Да всякие я и нуждицы.
Вы вступитесь да мне, сердечные—
Богоданный да мой батюшка.
Богоданная да моя матушка!
Нападет да на горемычницу,
На меня-то да на злодарницу
Нападет да тоска-горенько.
Что печаль-то да ведь, великая.
Подкосил-то да ведь, желанный мой,
Подкосил-то да ведь, любезный муж,
Что мой-то да резвы ноженьки.
Отпустилися да у горюхи,
У меня-то да у злодарные
Мой-то да беды рученьки.
Что лишил-то да, ведь, любезный муж,
Что у меня-то да ума-разуму.
Шцо как-то да, ведь, мне горюхе
Шцо как-то да мне жить будет,
Шцо как-то да привыкать будет
Без своего-то да без поителя,
Без поителя да без кормителя?

Не оставьте, мои желанные,
Что мой да вы сердечные,
Деверья да мои любезные.
Что к моим-то да малым детям;
Шцо как-то да мне горюхе,
Шцо как-то да пропитать будет
Что моих-то да малых детей?
У меня детоньки, да они малые,
Они-то да малы глупые,
Они-то да безразумные.
Нападет же на горемычницу,
На меня-то да тоска-горенько
Без своего-то да без желанного,
Что без мужа да без любезного.
Как по те поры-времячки
Выходила-то да, ведь, я горюха,
На широкую-то я на улицу.
Провожала да, любезный муж,
Со своими-то со дружьям, братьям,
Со своими то со товарищам,
Как теперя да горюха
Не увижу да я походочки,
Не услышу да поговорочки.
Нападет да на горемычницу,
На меня-то да на злодарную
Нападет-то да тоска-горенько
Без него-то да без желанного,
Что без мужа да без любезного.
Не оставьте, мой кормилцы,
Богоданный да мой батюшка,
Богоданная да моя матушка,
Тяжелым-то да тяжелехонько
Подымать-то да малых детушек;
Надо жить-то, не усыпаючи,
Все-то да унимаючи.
Не оставьте, мои желанные,
Что сношеницы мои любезные,
Что меня-то да горемычницу
Не стояла ли да я горюха
У твое-то да у постелюшки,
Не приклоняла да я горюха
Что свою-то да буюю голову,
Не примахала да я горюха
Свой-то да белы рученьки,
Не пристояла я горюха
Свой-то да резвы ноженьки.

Записано учителем народного училища Павлом Шаманиным в селе Турани, Варнавинского у. 3 марта 1900 года. Отрывок напечатан В. Андрониковым в Приложении V к Журналу засед. Костр. Уч. Арх. Ком. 25 нб. 1901 г., 37—38 стр.

7. Когда выносят из храма.

Ты взойди-ко, кормилец мой,
На перепутье, на теплый ночлег,
Ты во свой благодатный дом;
Ты во келью во сиротскую.
Погляди-ко, кормилец мой,
Ты на свой благодатный дом,
Во своих-то новых горницах
Ужо все не по-старому,
Что во них-то не по-прежнему,
Запустел благодатный дом.

8. Дочь по отце и жена по мужу.

Наглядитися, ясны очи,
На запас да насмотритесь
В остальные во последние!
Не жалеи-ко, да родимая,
Не жалеи-ко ты сама себя,
Ты своих-то да горючих слез:
У тебя слезы не жемчужные,
Бело лицо не бумажное,
Погляди-ко да, родимая,
Ты, родимая маменька,
На кормильца тятеньку,
Положили да кормилца,
Как кормилца тятеньку,
Положили в благодатный дом
Без дверей да без окошечек,
Без щелей да без протесочек.
Не промолвит да словечушка,
Он не взглянет да ясным очам,
Что меня-то да ведь злорадную
Со своими-то да со малыи детям.
Вы вступитесь, мои желанные,
Деверья мои любезные,
На место да вы кормилца—
Родителя моего батюшкии,
Что поителя да кормителя.
Нападет-то на горемычную,
На меня-то да тоска-горенько,
Без мужа да без любезного.
Приголубьте, мои сердечные,
Что деверья мои любезные,
Приголубьте да словом ласковым
Что моих-то да малыи детонек.
Нахожуся-то да я горюха
Что ко всем-то да ко начальникам
Напрошуся да и накланяюсь—
Шцо как-то да мне горюхе,
Шцо как-то да мне учить будет

Що как-то подымать будет?
Забросят меня горюху
Они при старости и при древности—
Пахожусь я и навалюся
Холодная и голодная.
Запустел наш да благодатный дом.
Что твоя-то да бела горница,
Что пустым-то она пустешенька,
Що есть за что, желанный муж,
По тебе-то выти-плакати,
Жалобнешенько причитати:
Я была-то да, желанный мой,
Я была-то да и хорешая
Я была же да и почтенная,
А теперь да горюха
Сирота-то да горькая,
Наживуся я и намаюся
Со своими да со малыми детьми;
Что не хватит да у горюхи
Не ума то у меня, не разуму,
Не великия у меня памяти,
Что жалел-то меня горюху,
Что жалел-то меня до крайности.
Не расхлеснет да белым рукам,
Не прижмет к ретиву сердцу
В остальные во последние.
Потеряли мы потерюшку—
Мы потерю не малую—
Мы кормильца-тятеньку.
Не возжалеется, кормилец мой!
Ты скрепил ретиво сердце
Крепее камня ты горючего
Горючь камень, да разгорчивый—
На огне он разгорается
На воде он рассыпается.
Ужь как видно, да родимый мой,
Не разгорится ретиво сердце,
Что на пам на сиротушкам.
Не пора бы да не времечко,
Что ложиться во сыру землю.

9. По отце.

Ты послушай-ко, кормилец мой,
Ты кормилец, мой, тятенька,
Ты оставил сиротинушку,
Ты меня ли молодехоньку.
Ужь как я то да жить буду?
— Ты оставил меня, тятенька,
На житье вековечное.
Ужо как да сиротинушке,
Ужо как да мне жить будет?

Я везде да нашатаюся,
Я всего да напринимаюся:
Ужь я и холоду и голоду
Всякой нужды я великия.
Мне нигде тебя да не видети:
Не в торгах да не во ярманках,
Не во матушке Божьей церкви.
Как подуют да буйны ветры,
Нападут да все добры люди,
Заступить за меня некому—
Нет кормилца тятеньки.
Оборонить меня некому—
Нет заступы хорошия,
Обороны нет великия.
Оборонить меня некому,
Что меня от лихих людей—
Ужь как много-то лихих людей
Что на всех-то да на горьких сирот.

10.

Слусть некоторое время после похорон на могиле отца.

Я пойду да, сиротинушка,
Во ограду зеленую
На урочное на местечко.
Пропущу, молоденька,
Я своим горячим слезам
Пропущу я речки быстрыя.
Поднимись да, туча грозная,
Упади, калена стрела,
Расшиби гробову доску.
Как не встанет ли кормилец мой,
Как кормилец мой тятенька.
Расскажу я, сиротинушка,
Про свое житье горькое.
Как живу я, сиротинушка,
Как живу я только маюся,
По чужим людям шатаюся,
По чужой да по дальной стороне.
Я пойду ли, сиротинушка,
Я к кукушке ли к горяшечке:
У кукушки ли горяшечки,
У нее ли нет тепла гнезда,
У меня ли нет кормилца—
За одно да куковать станем.
Как во те поры-времечко
Я не верила подруженькам,
Я подруженькам да голубушкам,
Как живут да в сиротинушках,
А теперь я, сиротинушка,

Все спознала да споведала,
Я про всю ли жизнь сиротскую—
Надо жить, да унижаючи,
Ужь как всем-то уступаючи;
Уступать всем добрым людям,
Всем подруженькам-голубушкам;
Надо жить во сиротинушках,
Надо тише быстрой воды,
Как пониже шелковой травы.

№ № 7—10 зап. в с. Беберино-Богородское,
Варнав. у., свящ. Н. Рождественским в 1900 г.
Напечатано В. Андрониковым — О собирании
памятников нар. тв. Приложение Жур. засед.
Костр. Уч. Арх. Ком. 25 нб. 1901 г., 38 стр.

11. По муже.

Ужь свет, да лада милая,
Ты моя лада хорошая,
Опокинул ты, кормилец мой,
Ты меня да горьку горюху,
Со своими со малы детьми.
Еще как-то мне да горюхе,
Еще как-то горемычнице,
Как-то мне на свете жить будет,
Да своих-то малых деточек
Еще как-то обучить будет
И на ум-разум наставити!

12. По отце.

Ужь свет кормилец батюшко,
Ты оставил меня, батюшко,
Сиротою меня горькую,
Сиротою беззастойною.
Ужь свет кормилец батюшко,
Крепко спишь, да не пробудишься,
Не промолвишь ты словечушко—
Ужь негде мне не увидети
И негде мне не услышати
Во твое то лицо белое,
Во твою-то речь-погласицу.
Разболится да у горюхи.
Разболится да сердеченько—
Еще некому меня, горюху.
Будет приголубити
И на ум-разум наставити.

№ № 11—12 записаны в с. Галкино, Богояв-
ленской вол., Варнавинского у., учителем
Е. Мухиным в 1900 г.

13. По отце дочь, приехавшая на родину.

Я приехала, горька сирота,
Из за лесу-то лесу темного,
Из за речки ли, речки быстрая,
Из-за грязи ли, грязи черные,—

Меня встретить-то в доме некому,
Моего-то нет родна батюшки,
Моее-то нет родной матушки.
Я припомню-ка, горька сирота,
Как встречали-то прежде молоду,
Как встречали-то горемычную
Со полпути, с полдороженьки,
Принимали-то в свои горницы,
Как сажали-то младу молоду,
За столы-то ли сыродубовы
За скатерочки новоклетчаты,
Как кормили-то младу молоду
Меня яством-то все сахарным
Да и питьем-то все медвяным.
Это все теперь миновалось:
Меня в доме то во родительском
Встречает ужь брат-ц батюшка
Вместо батюшки, вместо матушки.
Как восплачу я, горька сирота,
Что своим-то ли горючим слезам!
Как пойду-то я, горька сирота,
Во оградушку да во мирскую,
Как найду я там, горемычная,
Я приметное свое местечко,
Припаду я там ко сырой земле.
Подымитесь вы, ветры буйные,
Вы раздуйте-ка пески желтые
На все стороны света белого,
Ты откройся-ка, гробова доска,
Вы встаньте-ка, родной батюшка
И родная ли моя матушка,
Вы промолвите мне словечушко,
Ужь как мне-то ли горькой сироте.

Записано в д. Замешаиха, Варн. у., уч. С. Шаровым в 1900 г. Напечатано В. Андрониковым — О собирании памятников народного творчества в Костромской губ. Приложение V Журнала засед. Костромского Губ. Уч. Арх. Ком. 25 нояб. 1901 г., 38—39 стр.

14. По муже.

И-ой, милый муж, разлапушка,
Ты куда идешь, отправляешься
Со своей-то со душенькой?
Оставляешь меня горькую
Со своими-то со детонькам...

Отрывок записан Д. П. Дементьевым в с. Папушиха, Варнавинского у.

Через три да поздороваться.
Ты стояла, родимая,
Во церкви матушке,
Слушала ли, родимая,
Службу божественную?
По тебе, родимая,
Служили попы да дьяконы,
А теперь понесли из церкви
Матушку в ограду решещату.
В могилу глубокую,
Что тебя да во сыру-землю.
Что подуй, да мать погодушка,
С восточной сторонушки.
Что раздуй ты желтой песок,
Расшиби гробову доску,
Открой да полотенечко,
Еще встань, родимая,
На свои резвы ноги.
Не слышит, родимая,
Моего громкого голосу.
Не могу тебя, родимая, раскликати—
Осердилась, родимая,
На меня горемычную.
Как, родимая, буду без тебя жить?
Наживуся я, намаюся,
Всячины напримаюся.
Я уйду, родимая,
Во пустую хлеть-хоромину,
Навоюся-наплачуся
Над простыми коленями.
Подхожу-ко я, родимая,
Да к своей белой горнице,
Там темным темнехонько.
Я вошла, родимаѣ,
Во свою белую горницу,
Она пустым пустехонька.
Ужь я села, горемычница,
На тесову лавочку
К красному-то окошечку:
Погляжу, горемычница,
По пути-дороженьке
Ко церкви матушке
К ограде решещатой—
Не идет ли, родимая,
По пути-дороженьке
Во свой благодатный дом?
Не придет родимая
Во свой благодатный дом,
В свою белую горницу!

18. По отце.

Ужь ты свет мой, кормилец тятенька,
Ты куды собираешься
На житье-то вековечное?
Уж ты свет мой, кормилец тятенько,
Приходит нам с тобою раставатися.
Не увижу, родной мой тятенька,
Что тебя-то в лицо белое.
И что как-то, кормилец тятенька,
Что без тебя-то мне жить будет.
Жизнь будет мотатися—
Напрямуюся я горькая...
Ты скажи-ка, родной тятинька,
Наказал ли ты своим детушкам,
Что моим-то братьям батюшкам,
Шгобы не оставили меня, горькую.
Ужь как я то знаю-ведаю,
Самой можно догадаться,
Заростет-то путь-дороженька
Ужь как в твой-то благодатный дом,
Как в твои-то новы горницы,
Как в твои-то светлы светлицы,
Как без тебя кормилец тятенька,
Не приду я в благодатный дом.
Ужь ты свет-то мой, родной тятенька,
Распределил-ли ты золоту казну
Мне-то горькой сироте?
Я сама то знаю-ведаю,
Самой можно догадаться—
Не успел ты, родной тятенька,
Препоручить-то золоту казну,
Как постигла тебя скоро смерть,
Ужь как смертонька неожиданная,
Не ожидала я твоей смертоньки.

19. По муже.

Ужь ты свет, ты мой надежинька,
Ты надежинька—законный муж,
Ты куда собрался-сбрался
На житье на вековешное.
Наглядитесь, очи ясные,
На запас да насмотритесь.
На тебя-то, мой законный муж,
Я гляжу, да горька сирота,
В остальные-то в последние—
На твое-то лицо белое,
На твои-то брови черные.
Не увижу, не услышу я,
Как похоронят мово надежиньку
Как во матушку сыру землю

На житье-то на вековешное.
 Ужь ты свет, ты мой надежинька,
 Я о чем тебе буду кучиться:
 Ты моги меня послушаться,
 Накажи-ка, мой надежинька,
 Ты своим-то деткам малым,
 Штобы не откинули меня горькую,
 Меня горькую несчастную
 Как свои-то дети родные.
 И еще как мне будет, горькой сироте,
 Как жить будет мотатися,
 Ужь как все-то я придумую,
 Ужь как все-то я пригадаю—
 Я жила, да мой надежинька,
 Я жила да красовалася
 За твоей за буйной головой.
 А ужь как теперь, мой надежинька,
 Как придется мне болтатися,
 Как куды мне будет деватися,
 Если не приберут меня детки милые?
 Накажи ты, мой законный муж,
 Как своим-то сношкам милым,
 Штобы не покинули меня горькую,
 Как твой-то сношки милые.
 Ужь ты свет мой, надежинька,
 Мой надежинька, законный муж,
 Ты востапь-ко мой надежинька,
 На свои-то на резвы ноги,
 Да восплесни ты, мой надежинька,
 Ты своими руками белыми,
 Да ты промолви-ка словечушко,
 Ты со мной-то горькой сиротой,
 Ты скажи-ко, мой надежинька,
 Про свое-то про житье-бытье.
 Каково жить во сырой земле?

№№ 18—19 записаны в с. Лапшанге, Варн. у.,
 со слов Ан. Никон. Сполоховой, Д. Ершо-
 вым в 1919 г.

20. Плачь на кладбище в родительский день.

Как иду я горька сирота,
 Как иду я горемышная,
 Как в оградущку во мирскую,
 Как к вам, мои родители,
 Как к тебе, родима матушка.
 Припаду я ко матушке сырой-земле:
 Не простонет ли мать сыра-земля,
 Не промолвит ли родитель мамонька
 Что со мной да горькой сиротой?
 Подымитесь вы, ветры буйные,
 Разнесите вы все желты пески,

Подымите родиму мамоньку
Что из этой из сырой-земли.
Раскажу я, горька сирота,
Про свое да горе-кручинушку.
Исполать ты, родная мамонька,
Не могу я тебя докликатися,
Не могу тебя добудитися—
Ты уснула да крепко на крепко,
Так не слышишь меня горьки сироты,
Ты меня да горемышные.
Ты спроси, родная мамонька,
Про мое житье ты горькое,
Как живу я да горька сирота,
Как не вижу я веселых ден,
Как живу я во рабах во работницах
Мне не надо бы от чужих людей
Золотой казны
Лучше быть мне, родима мамонька,
Со тобою во сырой земле—
Ты прижала бы меня горькую
К своему-то ретиву сердцу,
Ко своей-то ко белой груди.
Ты раздай-ко-ся, мать сыра земля
Ты раскройся, гробова доска,
Ты откинсья, да полотенечко,
Поднимись, родная мамонька,
Ты промолви со мной словечушко,
Ты прижми да к ретиву сердцу
Своего дитя несчастного,
На свету чтобы мне не маяться,
Что не гораздо, родима мамонька,
Не прижимаешь к ретиву сердцу
Своего ты дитю милого.
Как живет он да мотается—
У нас дело все не приделано
И работушка не приработана
Не берет нас управушка
Без тебя, родима мамонька,

Записано со слов Марфы Кирил. Сановой,
крест-ки д. Братухина, Варн. у., Д. Ершовым
в 1919 г.

21. По муже.

Куда ты собираешься—
На базар али на ярмарку?
Срубили тебе горенку
Без дверей и без окошечек
На веки тебе вечные.
Тебе оттуда не выходу не выезду.
Не увидим тебя, батюшко,
Не во чистом поле, не на улице.

На ково ты оставляешь, ладо милое?
Не промолвил тайного словечушка сомной,
Намаюся я со малыми со детками,
Напримаюся и холоду, и голоду.

22. По матери.

Отсветил да млад светел месяц,
Отогрело красно солнышко,
Отжила родима матушка
Отогрела ты, родимая,
Ты своих-то малых детонек,
Отложила, родима матушка,
Все свое ты попеченьице.
Ты по нам да все желаньице.
Оберегла, родима матушка,
Ты от ветров-то от вихорев.
От дождей-заливины
Ище как, родима матушка,
Без тебя да мы жить будем,
Жить будем да маяться?
Наживемся мы, родимая,
Наживемся мы намаемся,
Всячины-то напринимаемся,
Напринимаемся мы и холоду, и голоду.

№ 21—22 записаны в с. Карпунихи, Заречной
вол. Ветлуж. у., учит. П. Сироткиным в 1900 г.

23 По матери.

Не стосковалась ли, матушка,
По своему ладе милому,
Ты еще не стосковалась ли
По своим малым детонькам,
Те еще не стосковалась, ли
По маленьким глупеньким,
Ты еще не стосковалась ли
По мне по горяшечке?
Ты встань-ко-то, мамонька,
Обудися по прежнему
Ты сходи-ко, кормилеца,
на ключи на подземные,
Приумой-ко, кормилеца,
Со бела лица ржавчину,
Приутри-ко-ся, мамонька,
Тонким белым полотеньчиком,
Ты встань-ко-то, мамонька,
Обудися по старому,
Перекстися-ко, мамонька,
Своей-то правой рученькой.
Ты послушай-ко, мамонька,
Не кукушка ли кукует,

Не воркушка ли воркует
На широкой, на площади
Тута кокует, воркует
Твоя доча-то милая,
Твое дитя, твоё рождение.
Не стосковалась ли, мамонька,
По своему-то теплу гнезду,
Ты ещё не стосковалась ли
По этому свету белому?
Ужь встану, горюшечка,
По утру, ранешенько,
Я умоюся, горькая,
Водюю холодную,
Опять же приутрися, горюшица.
По своему да по терему,
Я пойду-ка, горюшица,
На работу на тяжелую—
Я хвачуся тебя, кормилеца,
Да на каждом-то местечке.
Вижу, вижу я, горькая,
У нас все не постарому
У нас все не попрержнему
Погляжу-ко я, горькая—
У нас все да по старому,
У нас все да попрержнему,
Только нет тебя, кормилеца.
Ты послушай, кормилиця
Что я тебе на-поры скажу
Про свое-то житье-бытье,
Про свое горемычное:
Что пришла весна красная
Придет лето, придет красное,
Придет пора, придет работная,
Мы пойдем, моя кормилеца,
Мы работу работати,
Мы тяжелую делати,
Ужь мы хватимся тебя, мамонька,
Ужь мы хватимся по-старому
Поучи-ко меня, мамонька,
Как работу работати
Как тяжелую делати.
Что ты послушай-ко, мамонька,
Что я тебе на-поры скажу:
По тебе, моя кормилица,
Больно, шибко стосковалася
Кажичи (кажется) бы тебе, мамонька,
Через поле бы увидела,
Через речьку слово молвила,
На кого ты мамонька,
На кого ты обнадеялась,
На кого ты нас оставила,

На кого ты нас спокинула
Своих малых-то детонек?
Я сама знаю-ведаю—
На своего ладу милаго,
На меня на горющицу.
Ты сама знаешь, мамонька,
Ты сама знаешь-ведаешь
У нас работы-то многошенько
У нас работниц малешенько,
Ты сама знаешь, мамонька,
Твоему-то ладе (мужу) милому
Я плохая-то работница,
Я плохая же помощница.
Не в полных я леточках
Я работу работала,
Я тяжелую делала,
Мне тяжелая работанька
Не под силу, не под моготу.
Что твои-то корминчики,
Они старым-то старешеньки—
У их годки-то старые,
Не смогают корминчики
Работу работати,
Они тяжелую делати.
Тебе пожити бы, да мамонька,
Что не два годка, не три годка
Что один годок кругленький,
Позаменяла бы, горюшечка,
Меня молодешеньку,
Меня во всякой работушке.

24. По сыну.

Милый мой сын,
Ваненька, мой батюшка,
Не пора тебе не времячко,
Не срошные тебе года-то.
Оставил ты, мой милый сын,
Свою кормилецу мамоньку,
Кормилеца своего батюшка,
Своих сестриц да родимых,
Родных да сердешных.
То ли мы на тебя,
Мой милый сын, не надеялись,
Больно мы об тебе,
Мой милый сын, да стосковалися.
Твоя кормилеца мамонька
Больно да стосковалася,
Твой кормилец да батюшка,
Твои сестрицы родимые.
Ты, мой милый сын,
Ты по нам-то стосковался ли?

По кормилице мамоньке,
По кормилице батюшке?
Погляжу я, твоя кормилица мамонька,
По своему-то терему,
По теплу гнезду—
Не пройдет ли мой милый сын
По теплу гнезду
Да по широкой горнице?
Еще твоя кормилица матушка
Посмотрит, не сидит ли где в уголочке?
Поглядит твоя мамонька
На широкую улицу—
Не пройдет ли мой милый сын
По широкой-то улочке,
Не пройдет ли к окошечку,
Не промолвит ли словеченько,
Не обрадует ли
Свою кормилицу мамоньку?
Не могла я дожидатися
Своего сына милова,
Не могла доглядетися—
Не придет, видно, мой милый сын
Не обрадует
Свою кормилицу мамоньку.

25. Сестра по брате.

Ужо свет ли мой братец,
Ты мой братец,
Ты мой батюшка!
Не стосковался ты, батюшка,
По нам, по горюшечкам,
По своим по корминчикам;
А по тебе, братец-батюшка,
Больно шибко стосковалися.
Не кукушечка ли кукует,
Не воркушка ли воркует
На широкой на площади—
У тебя на могилушке
Тута кокует-воркует
Твоя сестра, твоя родимая.
Поглядим, братец батюшка,
На широкую на улочку—
Что пошли, братец-батюшка,
То твои-то товарищи
На гулянку веселую.
Поглядим мы, братец-батюшка,
Поглядим-ко в окошечко—
Нам больно да бедко кажется,
Больно бедко нам глянется—
Тебя нет, братец-батюшка,
Со своими товарищами

На гулянке веселой;
Не пройдешь, братец-батюшка,
По широкой по улице,
Не пропоешь, братец-батюшка,
Ты веселую песенку.
Ты не скажешь, братец-батюшка,
Не обрадуешь сердеченько,
Не промолвишь словеченько.
Не пора тебе, не времячко—
Эти годы переставиться.
Ужо что-же тебе сделалось
От людей или от Бога,
Или от своей неосторожности?
Только жить бы да красоватися
Со своими кормилицами.
Мы не это-то думали,
Мы не это мы чаяли—
В эти годы переставишься—
Ужь мы ждали от тебя,
Братец-батюшка,
Ужо свадьбы веселыя,
Веселыя, скрутныя.

№№ 23—25 записаны около с. Пыщуг, Ветл. у.,
в 1919 г. Автор записи неизвестен.

26. По муже.

Ужь разбатюшко, мой милый друг,
Ты скажи-т-ко, ты мой милый друг,
Ты когда придешь в дороги гости—
По утру-то ли, ты, ранешенько,
Али к вечеру позднихонько
Али в темные с полуночи?
Не успала бы я разгорькая,
Ужь всяя бы я темны ноченьки,
Просидела бы я под окошечком,
Проглядела бы я по пути-дороженьке.
Изуставила бы я путь дороженьку
Сладким ягодкам-изюминкам.
Ужь как встретила бы я тебя, мой милый друг,
С радостью с великою;
Ужь и все-то бы я с тобой придумала,
Ужь и все-то бы я тебя спросила,
Ужь и все-то бы я с тобой переговорила
Об детях-то бы об милых:
Как вспоить-вскормить детей милых
И поднять мне-ка их до возрасту.
Не хватает-то мне разгорькой
Ужь как мне-то ума-разума—
Как вести мне-ка крестьянсвецо,
Содержать мне-ка крестьянский дом.

Записано в с. Георгиевское, Кинеш. у., уч.
Вознесенским в 1900 г.

27. По матери.

Схожу-ка я к матушке Божьей Церкви,
Попрошу отца духовного,
Не ударит ли в звонко колоколышко,
Не пустит ли звон по сырой земле?
Не раздвинется ли мать сыра земля
На все четыре стороны,
Не раскроется ли гробова доска,
Не раскроется ли бел тонкой саван,
Не встанет ли моя кровна матушка,
Не раскроет ли очи ясные,
Не отверзнет ли уста сахарные,
Не промолвит ли хоша словечушко?

28. По отце.

Радильник ты, наш батюшко,
Оставил ты нас сирот горьких!
Уж всего-то мы много принимаемся—
Ветры буйные надуются,
Люди добрые нагряются,
Болезный ты, наш батюшка,
Когда нам ждать тебя в дороги гости,
В которые ждать часы-минуты,
К вечеру-то ли позднехонько,
По утра ли ранехонько?
Не зачем ты, батюшка, не раскладывай,
Не за лесами-то за темными,
Не за реками-то за быстрыми—
Через реки-то мы устроим мосты дубовые,
А в лесах-то поставим сторожев надежных.
Сторожа будут надежные,
Что твои то дети кровные.
Изослали бы мы всю путь-дороженьку
Плисом-то бы мы и бархатом,
Накрыли бы мы столы дубовые
Скатертям-то чистым браньем,
Кушанье-то бы мы приготовили
Сладкие-медвяные.

№№ 27—28 записаны в с. Н.-Гольчихе, Кин. у.,
в 1919 г. Автор записи неизвестен.

29. По муже.

Разлюбезный ты мой друг,
Лаврентий Егорович,
Куда ты от нас собираешься,
На кого ты покидаешь нас сирот горьких,
Кто нас кормить-поить будет,
Кто одевать-обувать будет,

Кто нас отоплять будет,
Кто за нас оброк платить будет,
Кто нас защитит от разных напастей?
Без тебя не будет светить ясен месяц,
Без тебя не станет греть
Нас красное солнышко.
Бывало, мой друг, жили мы хоть беднехонько,
А нужды большой не видели.
А теперь всего-то мы напримаемся:
Будем холодны и голодны,
Будем наги и разуты мы;
Что ты сделал с нами, с горькими?
Ах, не жаль тебе нас бедных.
Ты ведь знал, разлюбезный наш,
Что оставил нас совсем без нечего,
И теперь то нет у нас ни хлеба,
Ни одежды нет, ни обуви.
Что прикажешь теперь делати?
Кабы был у меня батюшка,
Не оставили бы меня, сироту горькую,
Одно-то горе мыкати,
А пришли ко мне на помощь.
Помогли бы мне в заботушке.
А теперь-то что я сделаю?
А сама еще молодехонька,
Итти замуж—не возьмут меня,
К себе в дом принять—
Не пойдут никто:
Нет у нас ни лошади, ни коровушки.
Чем-то жить нам будет горемычным?
Хоть бы вырастил ты парнишечку мне,
А то он будет у меня не крестьянином—
Не умеет он ни пахать,
Ни боронить ни жать, ни косить.
Не сплетет себе он лапоток,
Не добудет и на хлеб себе.
А и где же я одна чего возьму?
Есть кроме-то парнишки
У тебя Акулинушка—
Она и помнись-то тебя не будет,
Некуда мне от них и на работу отойти будет.
Попроси-ка ты Господа,
Да возьми-ка нас несчастных к себе—
Ведь придется нам ходить по миру
Да просить себе пропитания.
Кабы жив был твой родимый батюшка:
Все бы жили мы попрежнему,
А теперь-то что мы сделаем?
Как не жаль тебе нас бедных?
Кабы были у нас денежки,

Схоронила бы я тебя по вере,
 А теперь по неволюшке:
 Понесли тебя в церковь Божию,
 За что все люди откажут в помощи...
 Все равно ужь мне горе мыкати,
 Я зато ужь буду знать,
 Что ты помер с покаянием,
 Схоронен как добры люди,
 А не по скотски [по староверскому].
 И родима твоя матушка
 Осердилась на меня за то,
 Что хотим нести тебя в церковь Божию.
 Не пошла она и проводить тебя
 Да из дому то выбегла,
 Как пришел поп с дьяконом.
 Ужь крепко же сердце матери—
 После будет она каяться,
 Да прошедшего взять негде будет.
 Чем она теперь кормиться будет?
 А ужь я ее не кормилца,
 Рай (разве) продаст она книги Божие,
 Что остались после батюшки,
 Но на них она не долго наживет.
 Будет у нас с ней много ругани,
 Чей то верх будет, неизвестно мне.

В этом причитании сказано, что жена, за неимением денег, не могла схоронить мужа „по вере“ (жена была православная, принимала все таинства церкви и ходила к ее службе). Муж ее был закоренелый старообрядец, отец покойного—старообрядческий поп жил зажиточно и был в большом уважении у старообрядцев. По смерти этого попа, сын его, настоящий покойник, доставшееся ему после отца порядочное имение скоро прожил и умер в такой бедности, что не оставил, чем себя похоронить. Потому-то жена его в причитании и говорит, что она не может схоронить его „по вере“, то есть по обряду старообрядцев дорого стоит: нужно собрать всех старообрядцев своих сельских и посторонних на похороны и другие поминки, на которых каждый молится за умершего, и вот за молитвой, похороны и обедом подают каждому несколько монет серебрянных с тем, чтобы молиться за умершего и помянуть его, да и обед стоит про староверов очень дорого, потому-то этот покойник и схоронен по христиански, а то едва ли можно было ожидать, чтобы тот, который во всю свою жизнь один только раз был в церкви (это было при венчании его), дозволил бы себе приобщиться св. Тайн и быть схоронену по обряду церкви. Еще в причитании сказано, что люди откажут жене покойного в помощи, это значит, что староверы своих единоверцев не покидают один другого в несчастных случаях, но как скоро увидят себе измену, они не только чтобы оказать помощи несчастному, даже всячески стараются более вредить. Некоторые из крестьян, живя в бедности, не зная как поправить свои обстоятельства, обращаются к старообрядцам, принимают их веру, за то получают от них денежные награды и живут не по прежнему, а как скоро разбогатеют, оставляют старообрядчество и опять обращаются в православие. Некоторые из крестьянских женщин потому обращаются в старообрядчество, что очень любят лакомит:ся. У староверов всегда бывают хорошие поминки и разные обеды в честь святых, напр. Николая Чудотворца и др., и начинают староверить. *Ф. Д. Нефедов.*

Ты покинул мне, лада,
 Много горя, кручины
 И ношу великую:
 Ишшо как-то мне поить-кормить

Ще твоих-то малых детонек?
Ровно кукушецки безгнездые,
Без тебя-то они, ладо милое,
Ще ветры-то повинут,
Люди-то помолвят,
Ще про твоих малых детынек,
Все осмеяны и ограяны.
Без тебя-то, мила лада,
Не будет застоюшки
Да за них оборонушки,
Некому их будет поуцити,
На ум-разум наставити.
Ще станут добры люди
Про них говорити,
Ще они детки вольные,
Ще они самовольные
Да безумные, безрассудные.
Кабы был ты, мила лада,
Был ты своим детонькам
Первая застоя, первая оборона;
Научил бы ты, мила лада,
И уму их и разуму.
А теперь они как мташецки безгнездые,
Горькие кукушецки,
Без тебя, ладо милая.

31.

Без тебя-то, лада милая,
Стану жить я да маяться.
Жить да каратися,
Со своими малыми детками
Всячины-то напринимаюся,
Я от добрых людей
Всяких грубых слов.
Ще недобрая я жена,
Последняя б...
И ветры-то повинут,
И люди помолвят
Про меня, про горюшецку.
Буду я кукушецка неприютная,
Кукушецка горькая,
Непокрытая хороминка—
Завсегда будет коковати.
Ужь я буду жена все недобрая,
Жена да непочетная,
Я и от добрых людей,
И от малых детей.

32. По матери.

Ты родитель моя да кормилица,
Ты моя-то да матушка.

Ты моя-то да радельшица,
Солнышко красное,
Ты мое обогрелое,
На кого меня покидаешь?
Ишшо как мне без тебя будет жить,
С кем думушку думать заединую
Словецушко тайное,
Думушку крепкую?
Ознобила, радельшича,
Ты мое ретиво сердце,
Без морозу, без лютого,
Без вьюги, без метеличи!
Кому меня поить-кормить,
Уму-разуму уцити?
Покидаешь, кормилича,
Малым-то малехоньку,
Глупым да глупехоньку
Без ума, без разума—
Некому меня поуцити,
На ум на разум наставити—
Как была бы ты, кормилича,
Да была, моя радельшича.

33.

Ишшо как-то мне, горюшецки,
Без тебя-то жить будет?
Все ветры повинут,
Все люди помолвят
Да меня ограянут.
Снесможнехонько мне, горюшецке,
Ходить по сырой земле
С такого горя великого,
С пецали со круцыны,
Куда мне кинуться
Куда мне броситься?
Али в темные леса—
В темных лесах заблужуся,
В лесу зашатаюся.
А неможнехонько молодешеньке
По сырой земле ходити,
На красное солнышко глядети;
Ознобила ты, кормилича,
Без морозу без лютого,
Ознобила, родитель-матушка,
Без вьюги, без мятелицы.

34. По отце и матери.

Ужь ты родимый да сударь батюшка,
Да что оставляешь меня сиротинушку,
Да еще горькую-то безродную,
Да остаюся я, горька бедная,

Ужь я бедная да безродная,
Да егге нет-то у меня сродников—
Да хоть была бы родима тетушка.
Да не с кем мне думушку-то думати.
Да что была бы родима-то матушка,
Да что застоя-то была бы крепкая,
Да что замолвили бы за меня словечушко,
Да что за меня бы, за сиротинушку,
Да что слово бы тайное,
Да что при этом горе великом-то,
Да у меня-то у сиротинушки,
Много бед горя-то великаго.
Что приключилося горе великое,
Что у меня да у сиротинушки,
Да была бы у меня родима матушка,
Да прашля бы я к ней с горем великим-то:
Ты родима да моя матушка,
Ты скрепи да свое ретиво сердце,
Крепче камешка да ты горячаго,
На огне камень разгорается,
На воде камень раскипается.
Прииду я сиротинушка,
Пригаду я да ко сырой земле,
Покричу я сиротинушка,
Да свою родиму матушку.
Поднимитея ветры буйные,
Раснесите да вы желты пески,
По всем да вы по сторонушкам.
Упади-ко ты, да бел горяч камень,
Расшиби-ко ты да гробову досту.
Попрошу я Пресвятой-то Богородице:
Распахни-ко ты, Богородица,
Да тонки белы полотна,
Да ужь ты встань-ка, родима матушка моя,
Да ужь ты дай-ка мне, родима матушка,
Да ужь ты дай-ка мне благословеньице.
Да прикажи, родима матушка,
Да мне с тобою слово молвити—
Да скажу я тебе тайну великую:
Нападают на меня сиротинушку,
Еще все злы люди;
Еще у меня-то, у сиротинушки,
Да родных-то никого нету,
Нападают да лихи люди,
На меня, да на сиротинушку.
Нашатаюсь я, сиротинушка,
По угорам-то я да по уличке,
Да нету у меня-то сиротинушке,
Да своего гнезда теплого.

35. По отце.

Родимый ты наш, батюшка,
Куда ты от нас собираешься
На кого ты покидаешь свою нову горницу,
На кого ты покидаешь матушку,
С братцем Иванушкой?
Что они будут без тебя делати?
Один старый, другой малый—
Много горюшка примут ихи головушки,
Да мне-то уж похуже будет—
Не придешь теперь в гости к матушке,
Не поможет она мне в бедности
Жаль мне, жаль-то и батюшка,
Что не видала я твоей кончинушки.
Встань, промолви словечушко,
Как нам жить без тебя,
Как растить нам брата Ванюшку?

36. По сыне

Ты мое чадо милое,
Ты мое да любимое,
Собрался поскорехоньку,
На житье вековешное
Ще кому меня, горюху,
Да кормить-поить?
Нет мне поилича,
Нет мне кормилича
Без тебя, чадо милое.
Я пойду горькая горюха,
Я пойду по святу миру.

(Когда повезут из дому покойника).

Не солнышко красное
Из-за гор подымалось,
Из-за лесу выходило;
То мое чадо милое
Из дому подымается,
Из моего тепла гнезда,
На житье на вековешное.
Подкосило у меня, у горюхи,
Мои резвы ноженьки
Без косы да без вострыя.
Що нейдут-то, у горюхи,
Да мои резвы ноженьки:
Не глядят-то очи ясные
На вольный белый свет.
Не вижу я, горюха,
Ни света-то белого,
Ни солнышка красного.
Подкосило у меня, и горюху.

Мои резвы ноженьки
Без косы да без вострыя.
Що нѣйдут-то, у горюхи,
Да мои резвы ноженьки;
Не глядят-то очи ясные
На вольный белый свет.
Не вижу я, горюха,
Ни света-то белого,
Ни солнышка красного.
Подкосило у меня, у горюхи,
Мои резвы ноженьки
Без косы да без вострыя,
Без сабли булатныя,
Сплело меня спутало
Не травой павилицею,
Не травой шелковою:
Меня горе-круцина,
Пещаль великая спутала.
Не тебе бы, цадо милое,
В эту путь дороженьку ехати:
Мне бы горюхе, ехати,
А тебе бы да похоронить
Матушка сыра-земля
Осердилась-прогневалась
На меня' горькую горюху,
Прибрала ты мила цада,
Благословенного дитятка.

(Причитает на заре)

Подымись, мать погодушка,
Со цетыре со сторонушки,
Ты развей мать сыру-землю,
Ты лети калена стрела,
Расшиби гробову доску.
Ты встань-ко, мило цадо,
На свои на резвы ноги,
Ты промолви словещушко
Со мной со горющешкой,
Со мной да постарому
О своих да малых детеньках,
Ты подумай со мной со горющешкой:
Как мне поить-кормить
Твоих да малых детынек!
Мы пойдем по крещену миру
Со своими малым детком,
Видно правду ты осердился,
Видно правду ты разгневался,
Собрался на житье вековешное.
Ты прости-ко, мило цадо.
В достальные, в последние.
Вправду мы с тобой простилися,

Вправду мы с тобой расстались,
Ровно век с тобой не виделись.

(В дому покойника)

Ще приду я, горюшецка,
Во твое тепло гнездо
Не теплом меня опахнуло,
Не теплом да не радостью,
Обдало меня, горюшецку,
Горем да круциной,
Пецалью великою.
Ужо стану я горевать,
Ужо стану коковати,
С горькой кукушецкой,
Отныне и до века.
Пригляжу я, горюха,
Да свои ясны очи;
Стану я плакати
По утру ранехонько,
Вечере да позднехонько.
Ознобил ты мое сердце
Без морозу лютого.
Матушка сыра-земля,
Прибери меня, горюху!
Ты приди, мило цадо,
Благословенное дитяtko,
Приди по меня, по горюшецку.
Разве ты мать сыра-земля,
На меня распрогневалась,
На меня ты осердилась
Разе цажело я по тебе хожу,
Разе цажело я тебя гнету.

37.

Ужь я век живу, век я маюся,
Я тебе, видно, была не поилича,
Тебе я не кормилича.
Осердился ты, прогневался
На меня да на горюху,
Позабыл да прикинул
Меня на вольном свету.
Напримаюся я, горюха,
Всякий кары и маяты,
Холоду и голоду,
И стужи и нужи крепкие.
Я хожу по святу миру,
Я хожу да питаюся:
День-то уступаючи,
Другой укупаючи,
А третий слезам умываюци
Да кулаком утираючи,

Не оставь, мое мило дитяtko,
Моего ты прошеньица:
Прибери меня, цado милое,
Под свою под праву руку
Да во мать во сыру землю,
На житье вековешное.
Ужь как я накараюся
Без тебя, цado милое.
Всяцаны да напримаюся—
И холоду-то и голоду,
И стужи и нужи крепкие.
Ужо стану я горевать,
Ужо стану я коковати,
А твоя то мила жена
Мне будет пособница
Да первая помощница—
Со своим малым детком
Станет она думу думати
По утру ранехонько,
Вецером познехонько,
Как их поить-кормить.

38.

Родимый ты мой, Лаврентьюшка,
Куда ты от меня собираешься,
На кого ты покидаешь
Меня старую дряхлую,
Кто меня при старости лет кормить будет.
Кто-то мои косточки схоронит?
Бывало ты с работы придешь—
Все со мной поговоришь,
А теперь то ты и словечка не молвишь.
Как бы жив ты был,
Ненаглядный мой,
Посмотрел бы ты,
Что делают над тобой.
Как губят-то твою душеньку
Все по милости твоей жены,
Заставила она тебя причаститься,
Да и теперь-то твои косточки
Хотят нести в церковь.
Все-то делает не по нашему
Как бы жив был твой родимый батюшка,
Не позволил бы он этого делати,
Он бы собрал людей добрых,
Отпел бы душеньку твою по своему
А тело твое бы отнесли бы на головушках,
Не попы бы и не дьяконы,
А честные старцы с пением.
Встань, промолви мое дитяtko,
Хоть последнее словечушко,

А то я старая после тебя буду молчать,
Никто мне ничего не скажет,
Никто меня ничего не спросит.
Какой ты был у меня смирельник:
Никогда я не слыхивала,
Чтобы ты ругал кого
Или чертом, или дьяволом,
А не-то, чтобы по матерну;
Все терпел от всех ты до смерти—
И насмешки-то и ругани,
Да и жена твоя, баба злющая,
Не один раз колотила тя.
Ах, смиренник мой, ненаглядный мой,
Что ты сделал сам с собой.
Говорила я тебе, дитяtko,
Не ходи-ко ты, Лаврентьюшка,
На работу на тяжелую;
Не твоими руками это делати,
Не твоей-то да и силушке.
Не послушал ты меня старую,
А хотел было понажитися.
Вот нажива вся—что оставил нас
Без коровки, без лошади.
Что должны теперь мы делати,
Как растить нам твоих детушек?
И младешеньки они и глупешеньки,
Все не думала я старая,
Что придет-то к тебе смертынька,
А теперь-то я узнала все,
Как увидела твою кончинушку.
Лучше бы мне умереть горемычной
Чем теперь трястись по белу свету
Без тѣбя, мое дитяtko.
Умереть-то я должна
С голоду, с голоду, да и с холоду.
Не оставил ты нам ни хлеба,
Ни одежи, ни обуви.
Жалевши тебя, последнюю
Шубу свою отдала тебе,
А сноха, баба злая,
И лоскутков мне не даст.
Теперь горе, горе мне,
Старой бабушке.
Знать прогневала я Господа,
Что пришлось под старость
Мне ходить по миру,
Просить милостыню.
Не за то ли наказал Господь,
Что я с молоду много шутила—
Вот пришлось теперь много слез пролить,
Да и слезоньки не помогут мне.

Прости ты меня, мое дидятко,
Что бранила я тя за игру картежную.
Она-то довела тебя
И до бедности и до смертоньки,
Да и нас сделала несчастными.
Теперь мы не увидим красных дней—
Все минули наши радости,
Все прошло наше хорошее,
Все унес ты утешение,
А оставил нам заботушку.

39. Племянница по дяде.

Родимый ты, наш дядюшка,
Что ты сделал с нами бедными,
На кого ты оставляешь свою нову горницу,
Молодую жену и малых детушек?
Без тебя-то их кормить некому,
Без тебя-то кто оденет их?
Будут холодны и голодны и разуты.
Без тебя кто им хлеба напашет,
Кто дров нарубит?
Бывало ты с базару приедешь, от праздника ли,
Все гостинец мне принесешь,
А теперь ждать мне не от кого.
Собирался ты на свадьбу ко мне,
Да не пришлось тебе повеселиться—
Знать уж так Господь на роду писал,
Что придти твоей смертынке в годах красных,
Да оставить молоду жену с детьми малыми.
Умереть бы надо бабушке,
А не тебе, родимый дядюшка,
По ней бы мы и плакати не стали и горевать,
А то умер ты, ненаглядный наш.
Надоел, знать, тебе вольный свет,
Что так рано убираешься
В сыру землю под бок к дедушке.
Ведь и он побранит тебя,
Что оставил ты родную матушку,
Молодую жену с малыми детками
Одним горе мыкати.
Ведь и нам с ними заботушка!
Встань, промолви с нами словечушко,
Распростиись-ко хорошенечко.

Притчания прерываются. Племянница, увидавши дыру в гробе: „Какая у тебя, дядюшка, дыра-то“, — говорит. У крестьян есть примечание: если на гробе покойного найдут дырочку, то стараются ее или заделать, или чем-нибудь заклеить, думая то, что мертвый унес с собой все счастье из дому, а если как-е и осталось, то оно может перейти к мертвому через самую малую скважину. Все перестают плакать и стараются заделывать на гробе дыру, скважинку.

За покойником идут женщины не одна за другой, а обнявшись человек по пяти и более. *Ф. Д. Нефедов.*

40. По брате.

Любезный ты мой братец, Лаврентьюшка.
Куда ты от нас собираешься?
На кого ты покидаешь своих детушек?
Аль не жаль тебе их бедных?
Кто кормить-поить их будет до возрасту,
Кто научит их уму-разуму,
Кто избавит их от заботушки?
Что не подумал ты об этом—
И молодешеньки они и глупешеньки.
Встань ты, дай нам наставление,
Что должны мы будем делати,
Как растить их горемычных?
Как бы жив у них был дедушка—
А родимый твой-то батюшка—
Все-то помог бы в заботушке,
А теперь-то им ни помощи,
Не защиты ждать не от кого.
Есть у всех отцы и матери,
А у них, хотя есть матушка,
Но она им не помощница—
Вряд самой-то ей сея кормить.
Что не думал ты об этом,
Аль не дети они тебе,
Аль не кровны?
Что молчишь ты, ненаглядный мой?
Встань, промолви ты нам словечушко!
Знать избавился ты от заботушки!
Не хотелось тебе, красно солнышко,
Ходить по миру, просить милостыню,
Да пропитывать своих детушек,
А привел Господь им самим,
Это бедным делати.
Но куда они теперь денутся?—
И большому нету моченьки
На волю носу сунути.
Горе, горе им великое!
Лучше живым итти во сыру-землю
Чем мереть теперь им с голоду.
Больше всех ты оставил нам заботушку,
Что ты умер не по нашему,
Не по нашему, а по мирскому.
Эта-то заботушка не кому из нас
И с ума нейдет,
Что ты сделал—исповедался,
Велел схоронить себя попу с дьяконом,
Чего с роду у нас в роду не было,
А ты вздумал это делати.
Из-за этого и люди все
От семьи твоей пооткажутся.

А виновница-то все жена твоя,
Где бы быть тому при батюшке,
Он и думать-то не велел это.

№№ 29—40 записаны Ф. Д. Нефедовым в Кологр. у., Костромск губ., в 70-х годах прошлого столетия. См. Труды Влад. Уч. Арх. Ком., т. XVII, 25—26 стр.

41. По муже.

Перед тем, как выносить покойного из дому.

Дорогой гость, почтенный мой,
Погости-ко, мой батюшка,
Во своем благодатном дому
В достальные, последния,
Погости-ко, погляди,
На свой благодатный дом,
На меня, на горюшку,
На своих-то малых детушек.
Ужь и как-то мне, горюхе,
Своих малых детишек
Без тебя да кормить будет,
Ужь мне одевать будет,
Уму-разуму их учить будет?
Сегодняшний белый день,
Что придет нам Божий час,
Во дому благодатном-то—
Мы сегодня с тобой простимся.
Что проводим-то, батюшко,
Во дальну путь-дороженьку,
Во дороженьку незнакомую,
Во дороженьку небывалую,
Во матушку да сыру-землю,
На тот тебе белый свет—
На второе пришествьице,
Ко своим-то тебя родителям.
Как приеду я, горюха,
Во свой благодатный дом,
Что тебя-то, мой батюшка,
Что тебя-то не вижу я,
Голоску-то не слышу,
По тебе растоскуюся,
По тебе разгорююся,
Ужо я расплачуся.
Ужо кто меня унимать будет,
Кто меня разговаривать
От горя, от кручины?
Что мои-то малые детушки,
Что они-то малехоньки,
Что они-то глупехоньки.

Во дому-то благодатном
Без тебя-то темнехонько,
Холодным холоднехонько.

Подобный предыдущему плачь употребляется и на могиле покойного.

В церкви:

Что глядите, ясны очи,
Что глядите, не слуитесь!
На запас наглядитесь,
В достальные, последние.
Провожая, горюшечка,
Батюшко, друга милова,
Во путь, во дороженьку,
В достальные, последние,
Во дорожку во дальнюю.
Что ниде-то, мой батюшка,
Что ниде не увижу я,
Голосу не услышу.
Как приду-то я, горюшечка,
В матушку во Божью церкюу
Божье пинье послушати,
Как увижу, мой батюшко,
Я твоих-то друзей-братьев,
Я твоих-то ровесничков
И как вздумаю, батюшко,
Об тебе-то, мой милый друг,
Растоскуюся и расплачуся.

Дома, когда приедут с похорон:

Не далеко я, горюха,
Не далеко я ездила,
Много потеряла.
Потеряла я потерю великую:
Своего друга милова
Проводила, горюшечка,
Во путь, во дороженьку.
Не могу я дожидатися,
Не могу доглядетися.

с. Николо-Ширь, Кологр. у., запис. уч. И. Без-
дорожен, в 1900 г.

42. По отце.

Припаду, горька горюха,
Я к желанному тятеньке
Ко его белой груди
Со слезами со горькими.
Ты уцуй-ко, желанный мой,
Жалосливый мой тятенька,
Ты мои слезы горькия.
Ты встань-ко, желанный мой,

На свои-то резвы ноги,
 Ты открой-ко, желанный мой,
 Ты свои ли ясны оцы,
 Посмотри-ко, желанный мой,
 На свой благодатный дом,
 На своих-то милых детушек:
 Что твои-то милы детки
 Все стоят, припецалившись,
 Все стоят, пригорюнившись.

с. Никитское, Кологр. у., записано уч. В. Белоруссовым в 1900 г.

43. Невеста, у которой нет матери, воет на кладбище.

Ты сходи-ко, братец батюшка,
 На колокольню высокую,
 Ударе во большой звонкий колокол—
 Что не обудится ли моя желанная,
 Не встанет ли кормилеца
 Ко мне молоденьке
 На горький день на разлучный час?
 Что не слушает-то кормилица
 Моих глупых речей.
 Еще-то я в тоске-горе вымолвю:
 Подымитесь, ветры буйные,
 Тучи грозные,
 Раздуйте вы желты пески
 Со могилушки моей матушки,
 Жалосливья кормилицы.
 Прилети калена стрела,
 Расколи гробову доску,
 Скинься тонко полотенечко,
 Встань, моя желанная,
 Благословение великое,
 На веки нерушимое—
 Идти в чужие люди.
 Твое-то благословенное
 Любо дорого—
 Из синя моря вынесет,
 Из темна лесу выведет.

Записано в с. Палома, Кологр. у., св. Н. Покровским в 1900 г.

44. По муже. Причитают в доме, если вдова
 остается с детьми.

Сижу-то я, посижу,
 Что гляжу я, погляжу,
 Что сижу, призадумалась,
 Чужих басен заслушалась?
 Да, хороши чужи басенки,
 Да, хорошо их и слушати,

Да быть без горя, без кручины,
Без печали великия.
Да что оставляешь, мой милый друг,
Меня, горьку горюху,
Со своим со малым детям—
Дети малые, неразумные.
Трудно будет горюшечке
Без тебя-то, мой белый свет,
Без тебя-то да, мой милый друг,
Да выпоить их, да выкормить,
Да научить уму-разуму,
Да еще-то, мой батюшко,
Надобе да одеть-обуть—
Да что не хватит
У горюхи да моей силы великия,
Да моего уму-разуму ведомо.
Да кормилец мой, без тебя,
Покровитель наш,
Им всего навидатися,
Им всего наприниматися—
Холоду да и голоду
Да и неволи великия.

45.

Да вы глядите, ясны очи,
Да вы глядите, не мутитесь,
Да во слезах не топитесь,
Да вы на всех наглядитесь!
Да больше вы, очи ясные,
Больше вы не увидите
Моего друга мила.
Остаюсь горемышница
Со своим со малым детям
Одним-одинешенька
Молодым-молодешенька
Да словно пташечка заподстреленная,
Как кокушечка, горькая.
Так кокует кокушечка
Одну весну, одну красную—
Ну а мне горемышнице
Надо век куковати,
Да надо век да горевати
По тебе да, мой белый свет,
Да по тебе, красно солнышко.
До матушки гробовой доски,
Да не бывать денька светлого
Без тебя да, мой милый друг.

46.

Да что ходила я, горюха,
Да что ходила, горемышница,

По своему-то да теплу гнезду,
Да по дому благодатному—
Да что стоит благодатный дом,
Да он стоит не по-старому,
Да еще не по-прежнему,
Да стоит подпечалился,
Да еще пригорюнился
Без тебя да, душа моя,
Без тебя да, ненаглядный мой.
Да ты послушай, кормилец мой,
Да я об чем буду, горюха,
Да я об чем буду просити,
Да я об чем буду молити
Да со слезами со горькими,
Да с поклонами низкими—
Обудись-ко, кормилец мой,
Ото сна вековечного,
Поговори-ко, кормилец мой,
Да что со мной с горемышницей,
Да в достальные, в последние,
По-старому да по-прежнему,
Да что недолго, кормилец,
Да что недолго гостить будешь,
Да что ни лето, ни зимушку,
Да что одну ночьку темную.
Да еще хочу, батюшко,
Попросить тебя, милый друг,
Еще встань-ко, мой батюшко,
На свои ноги на резвые
По-старому да по-прежнему,
Да попроси, кормилец мой,
Да ты соседей, соседушек,
Да чтоб об нас сиротах горьких,
Да что, во-первых, душа моя,
Не забыли горюху,
Да что меня горемышницу
При таком горе-кручине.
Да, во-вторых, душа моя,
Об твоих, об малых детях.
Остаются дети малые,
Малыя да неразумные—
Да что пойдут они глупые
Да что к своим да товарищам
Да на широкую улицу,
Дак чтобы их да, мой батюшко,
Да очень не обидели.
Некому пожалеть будет
Без тебя, попечитель наш.
Да попрошу, дети милья,
Подойдите, сиротинушки мои горькие,
Упадите, желанные, да к своему

Да к своему родителю,
Да дорогому папашеньке,
Да вы к нему на белую грудь.
Да пособите, мои батюшки,
Разбудить горемышнице

47. По сыну.

Некому да поить будет,
Некому да кормить будет,
Да некому схоронить будет—
Что оставил нас, батюшко,
Без поры, безо времечка,
Да не в свою-то ведь очередь.

Обращаясь к мужу:

Да запряги-т-ко, мой милый друг,
Да своего коня быстрого,
Привези-ко, мой милый друг,
Фотографа хорошего,
Сними-т-ко ты, душа моя,
С своего сына милого,
С дитятка благословлена,
С него да патрет ясной.
Заможет да душа моя,
Без него растоскуется,
Да еще разгорюется.
Дак тогда горемышница
Мы возьмем с тобой, батюшко.
Да поглядим мы мой милый друг,
На своего чада милого,
На дитятка благословенного.

№№ 44—47 записаны в поч. Бакино, Кол. у.,
крестьянкой П. Разговоровой в 1917 году.

48. По муже. Перед выносом из дома в церковь.

Вы глядите, ясны очи,
Глядите, не мутитесь,
Во слезах не слезитесь,
На запас насмотритея,
На своего друга милова,
На ево лицо белое,
Белое и румяное,
Ему недолго в гостях гостить,
В своем доме-подворьице,
У своих-то у родителей
Да у своей молодой жены,
У своих-то малых деток,
Ему недолго в гостях гостить,
Ему не год и не зимушку

Когда понесут из дома в церковь:

Не ста́ло, не прѣстало
Что тебе-то, мой милый друг,
Что тебе-то, душа моя,
Понесли-то, душа моя,
Что тебя люди добрые
На своих могучих плечах;
А ста́ло бы и прѣстало
Что тебе-то, мой милый друг,
На своих на резвых ногах
Итти к Божьему пенюю молиться.
Примечайте, добры люди,
Моего друга милова,
Вы ево лицо белое,
Да ево вы походочку,
Ево речь-поговорочку.
Ужь как я, горька-горюха,
Ужь как я растоскуюся,
Да еще разгорюся,
Без своего друга милова.
Кинуся горька-горюха
Да со всего горя кручины,
Со печали великия,
Уже к вам-то, люди добрые,
После вы мне расскажите
Про моево друга милова,
Про ево лицо белое,
Про ево речь, походочку,
Ево речь-поговорочку.

При посещении кладбища после похорон:

Не йдут у горюшечки,
У меня, горемышницы,
Мои нѣженьки резвы
По святому по кладбищу
На приметное местечко,
К своему другу милому,
К милому да к любимому.
Подуйте, ветры-вихоры,
Подымися, буря грозная,
Со все четыре стороны.
Упади, калена стрела,
На матушку на сыру-землю,
Прошиби, калена стрела,
Матушку-то сыру-землю.
До матушки гробовой доски,
Да до матушки до белой груди.
Да раскройся, гробова доска,
Да распахнись-ка, белый саван,
Отведи-ко, мой милый друг,

Да ты свою руку правую
От своей от белой груди,
Перексти лицо белое,
Разожми-ка, мой милый друг,
Ты свои очи ясные.
Ты востань-ка, мой милый друг,
На своем на ноги резвы
По-старому, да по-прежнему.
Ты послушай-ка, мой милый друг,
Ты меня, горькой-горюхи,
Да моей просьбы великия—
Я о чем буду просити,
Я просить низко кланяться,
Что с поклоном низким,
Со словами учетными,
Со слезами со горькими:
Ты скажи ка, мой милый друг,
Когда в гости посулишься
Ты ко мне, горькой-горюхе,
Да во свой благодатный дом,
Ко своим-то родителям,
Ко своей милостивой жене,
Ко своим малым деткам?
Стану я, горька-горюха,
На пути на дороженьке
Да посередь поля чистова,
Что приму, горемышница,
Я тебя-то, мой милый друг,
Я к себе на белы руки,
Что прижму, горемышница,
Ко своей ко белой груди,
Ко своему сердцу ретивому;
Принесу, горемышница,
Что тебя-то, мой милый друг,
На своих на белых руках
Во свой благодатный дом,
Ко своим-то ко родителям,
Ко мне, горькой горюхе,
Ко своим ко малым деткам:
Посажу, горемышница,
Под окно, под окошечко,
Стану я, горька-горюха,
Что тебя-то, мой милый друг,
Честить да потчевать.

Записано в Матвеевской вол., Кологр. у.,
около Парфеньева в марте 1919 года. Автор
записи неизвестен.

Ужь ты, свет ты мой, милый друг,
Ужь ты, свет ты мой, да ясен сокол,

Что отколе тебя ждять-глядеть,
Со которья сторонушки?
Что с востоку или с западу,
Иль с полдненья сторонушки,
На кораблях ли ты ко мне выплывешь,
На конях-то ли выедешь,
На травах-то ли вырастешь
На цветках-то ли выпцветешь,
С рек-то ли да с быстрых,
С озер-то ли широких.
С охоты-ли хорошия?
Отогрело, знать, солнце красное,
Огсветил-то да светел месяц
Отлетел-то да мой милый друг,
Нет застоюшки хорошия—
У меня-то ли мила друга.

После этих слов жена умершего обращается к сестрам мужа:

Сестрица моя милая,
Повиди свово да мила брата,
Свово-то ясна сокола
Ото сна-то ли да от крепкого.

Далее причитает сестра:

Ужь свет ли ты, мой милый друг,
Погости-ко ты, ясен сокол,
Во своей-то ли светлой светлице
У своей-то да молодой жены.
Обудись-ко ты, мой милый друг,
Ото сна-то ли да от скорыя—
От смерти-то да от скорыя.
Ты промолви-т-ко словечушко,
Ты промолви-т-ко да единое
Со своей-то молодой женой,
Со своими милым деточкам.
Ты скажи-т-ко, мой милый друг,
Ты кому-то больно кучился,
Ты кому больно наказывал
О своих-то милых детушках?

Все это причитание произносится дома. Когда несут по улице плакальщица продолжает:

В достальный-то, да мой милый друг,
По широкой-то долгой улице
И ко церкви-то ко Божией,
Ко отцу-то да ко духовному,
Ко Царице-то да Небесной.
Вы, отцы наши духовные,
Отслужите ка службу долгую,
Ужь да долгую да протяжную.

Когда отпускают покойника в могилу, жена обращается к братьям умершего:

Ужь вы, братцы-то мои милые,
Гораздо у вас поднимаются,
У вас белы руки
Ужь и класть-то да во сыру-землю
Моего-то друга милова.

50.

Потеряла я потерюшку—
Своего-то да мила друга,
Своего-то ясна сокола.
Я на матушке Костроме реке,
На волнах-то я на быстрых
Приходила я горькая,
Глядела горемычная—
Не плывет ли где суденышко,
Не едет ли да мой милый друг,
Что по-старому по-прежнему
К нам-то ли к горьким
Поднимать-то да малых детушек?

51. По брате.

Ужь свет ты мой, да милый брат,
Ужь свет ты мой, ясный сокол,
Возстань-ко ты да на резвы ноги
От сна-то ли да от крепкого,
Взмахни-ко ты да белым рукам
И промолви ты медвяным устам,
И обозри да ясным очам,
Что по-старому по-прежнему.
Все сошлись, с'ехались,
Все сродники-приятели,
Все дядюшки, тетушки,
Все-то да милые братья.

№ 49—51 записаны в с. Куниково, Костр. у.,
Москов. в., священником П. Пановым, уч.
Вознесенским и уч. Трояновой в 1900 г.

52. По отце.

Ты послушай, родильник батюшка.
Что я буду тебе говорить:
Ты пошел, родильник батюшка,
Из своей-то новой горенки.
Ты пошел да не на своих ногах,
А понесли тебя, родильщик батюшка,
Да на белых-то на рученьках.
Не увижу я, родильщик батюшка,
Не в торгах-то ли не в ярманках
И не на веселых я на праздничках.
Ты скажи, родильщик батюшка,

Ты, когда в гости посулишься,
Али утром, али вечером,
Али утром ты ранехоньте,
Али вечером позднихоньте?
Буду ждать, родильщик батюшко,
Я тебя да в дороги гости.

Записано в с. Кашино, Андреевской вол.,
Костр. у., учит. Е. Д. Макаровой в 1900 г.

53. По муже.

Не увижу я своего ясна сокола,
Закона своего милого.
Не пройдешь ты боле широкой улицей
Во мою-то часту лесенку,
Не растворишь ты двери на пята, [настежь]
Не пройдешь ты моей-то новой горницей,
Не сядем-то мы с тобой под переднее окошечко,
Не прижму я тебя ко своей молодой груди...

54. По сыне.

Работничек ты мой милый,
Старатель ты мой любимый,
Побывшилось ты, чадо милое,
Раным ранехонько,
Убрался молодым ты молодешенек,
На кого ты оставил супругу свою милую,
Молодым-молодешеньку,
В молодых летах в невьюньных?

55. По дочери.

Дитятко ты мое милое,
Куда ты так рано собираешься,
И опростаешь ты мне свою горенку.
Не увижу я твоей умильной походочки,
Лишаюсь-то я, чадо милое,
Твоего-то слова ласкова.
Пройдут-то твои подружки милые
Мимо моего-то нова терема
Пропоют веселу песенку,
Прослезят-то мои очи ясные—
Вспомню я про твою участь горькую,
Молодость невеселую.

56. Сестра по сестре.

Отходили мы с тобой, сестра милая,
По гулянкам по веселым
По собраниям-то по разным...

№№ 53—56 записаны в д. Дымново, Костр. у.,
учит. В. А. Кузнецовой в 1917 году.

57. По муже (старике).

Что приятный ты мой дедушка,
Попроси-т-ко, приятный дедушко,
Своего-то ты чадо милого,
Не покинул бы он меня горькую,
Без тебя-то, приятный дедушко,
И при глубокой-то меня старости
Ужь он не дал бы мне-ка, дитяtko.
По белу свету мне нашататися,
По добрым людям наскитатися.

58. По сыне.

Болезное мое дитяtko,
И на что ты распрогневался?
На свою ли ты молоду жену,
На своих-то ли деток малых —
На кого ты, мое дитяtko,
И оставил деток малых,
Деток малых, сирот горьких?
Напримаются детки малые
Они горюшка великого
Наказал бы ты, мой дитяtko,
Своему-то брату милому —
И нарекся-бы твое-т милый брат
Вместо батюшки приятного,
Не давал-то бы он, дитяtko,
Добрым-то людям надругатися
Над твоим-то деткам малым.
Нареки-т-кося ты, мой милый брат,
Вместо батюшки ты родимого.

59. По отце.

Приятный мой батюшко,
На кого ты оставил меня, батюшко,
Сироту меня горькую,
И сироту меня горемычную?
И к кому мне-ка будет пришибтися,
И к кому будет мне привитися?
Как я пташечка безкрылая,
Как косаточка безприютная,
Без тебя-то, приятный батюшко.
И без тебя, приятный батюшко,
Ото всех я буду вольница,
Ото всех-то я безогрозница —
И от старого и от малого.
И не будет у меня, батюшко.
От часта дожда затулушки,
От буйна ветра загородушки,
От добрых людей оборонушки.
И когда придешь в дороги гости,

По котору пору-времячко—
По утру ли раным-ранехонько,
Ввечеру ли поздным-позднехонько,
Середы ли дня белого?
И со которой ждять тебя сторонушки:
Со востоку ли, со западу,
Со полднейвой ли сторонушки?
Ужо встретила бы я тебя, батюшко,
Далеким-то бы далекохонько,
Посадила бы я, батюшко,
Что под красное тебя окошечко.

60. По матери.

Приятная матушка,
На кого ты меня оставила,
Сироту горькую?
Одна-то одинехонька
Без приятя без матушки,
Не слышать-то мне-ко горькоей
Приятного словечушка.
Без приятные матушки
И кому меня горькую
Поучить меня умом-разумом.
И кому мне-ка горькую
Раз'яснить мне горе великое
Без приятныя матушки?
И когда придешь в дороги гости
По котору пору-времячко?

и т. д. как в причете по отце (№ 59).

61. По сестре (замужней).

Голубушка белая,
Сестрица милая,
На кого ты голубушка,
Оставила сирот горьких?
Настрадаются твои, голубушка,
Настрадаются детки малые
Без приятныя они матушки,
По белу свету нашатаются
По добрым людям наскитаются
Ото всех они будут вольницы,
Ото всех они будут безобразницы—
И от старого и от малаго
Что не будет у них, голубушка,
От буйна ветра затулушки,
От часта дожджа загородушки,
От добрых людей оборонушки.

№№ 57—61 записаны со слов К. Александровой, 71 года, живущей в с. Коробово, Костр. у., Е. А. Дьячковым в 1918 году.

62. По муже.

Ты родимо, ладо милое,
На ково меня покинуло?
Ужь меня ли бесталанную
Ужь со всем-то малым детушкам?
Я осталась, горемычная,
Ужь сама ли молодешенька
На свою ли долю горькую.
Без тебя ли, ладо милое,
Без тебя, кормилец батюшко,
Горько будет малым детушкам,
Сиротам ли горемышным.
На ково покинул, батюшко,
Ты своих-то малых детушек
И меня-то горемушную?
Как по те-то поры-времячко,
Как ты жив был, ладо милое,
Подхожу ли к новой горенке
Ко двору ли ко широкому...

Далее те же слова, что и в причитании дочери по матери № 63.

63. По матери.

Ты родимая моя матушка,
Ты сердешна моя матушка,
На кого меня покинула,
Ужь меня, горюху горьку?
Ужь по те поры-времячко,
Как была родима матушка,
Подхожу ли к новой горенке,
Ко двору ли ко широкому,
Ужь встречает меня матушка,
Ужь встречает красно-солнышко:
„Ужь родимо мое дититко,
Ужь ты где, ты, это взялося,
Не ветром ли тебя вынесло,
Ужь не сильным ли погодушком?“
Ушь и нет родимой матушки—
Закатилось красно солнышко.

№№ 60—63 записаны в с. Семеновское. Ма-
карьев. у., уч. В. В. Весновской и Д. Орлов-
ским в 1900 г.

64. По муже.

Ужь ты родимый, ладо милое,
Мое красное ты солнышко,
Как скрепил ты ретивó сердце,
Не промолвил слова ласкова
Со мной сиротой горькою
И со своим ты детям малым.

Болезной лада умная,
Потеряла свою я потерюшку,
Потеряла свою славушку.
При тебе я, лада умная,
Была славна и почетная,
Была чесна и похвальная,
Была умна и разумная,
А теперь я, лада умная,
Непохвальна, непочетная,
Сирота я, горемышная кокушечка.
Искала себе равных
И горям моим великим—
Я нашла себе подруженьку
В лесу горькую кокушечку.
У тебя, кокушка горькая,
Нету в лесике тепла-гнезда,
А у меня, у горемышныя,
Нету лады теперь умнова.
А моем-то детьми малым
Нету батюшки-приятеля.
Вот ужь выдут дети малые
На широку беду улочку—
Говорят все люди добрые:
„Дети вольные-то вольники
Без приятеля-то батюшки“,
А не знают люди добрые,
Что слезам они умылися,
Великим горем воспитаны!
А у меня у горемышныя
Изболело все сердечушко
Со своим сиротам горьким—
Теперь делать больше нечего,
Только забрать мне детей малых
И итти мне на круту гору
Во зеленую рощицу
И будить мне ладу умную,
А моем то детьми малым,
Сиротинушкам несчастным,
Свою барюшку-приятеля.
Ты раздайся, мать сыра-земля,
И раскройся гробова доска.
Ты встань, приятель батюшка,
Научи, как жить в сиротстве.
Мы пришли, приятель-батюшка,
Вместе с матушкой кормилицей
Тебя звать ужь в дороги гости
Про тебя, приятель-батюшка,
Напасли мы вкусу сладкого—
Про (!) своих-то горь великих
И напитокков медвенных—
Мы своих-то слез горючих.

65.

Собрался ты, мой милый друг,
Хорошим-хорошехонько,
Отправляешься далеким-далекохонько,
Не в пору, не во время.
Оставляешь меня горьку-горю
С малыми детками,
Напримаюсь-то я без тебя,
Мой милый друг,
Всякие всячины,
Холоду и голоду,
Нужды и бедности.
Полетишь ты, милый друг,
По всему свету Божьему.
Все дружки-приятели
Слетятся с дальняя сторонушки,
А к тебе-то, дорогой,
Западет путь-дороженька.
Как придет пора рабочая,
Хвачусь-то тебя я, горька,
Хвачусь со своими малыми детоньками.

66.

Поднимитесь, ветры буйные,
Разнесите жолты мелки пески,
Разсыпья, мать сыра земля,
Расколися, гробова доска,
Пробудись, моя кормилица,
Что родная сердешная,
Что ко мне молодешеньке,
Ко мне зеленешеньке.
Ты оставила меня, кормилица,
Горькою и несчастной.
Как во чистом полошке
Стоит белая березонька—
У ней нет никаких отросточков,
А у молодешеньки нет родной-то сердечной.
Осталася я, горькая-горюшичка,
Как серая кокушечка.

№№ 64—66 записаны в с. Завражье, Ма-
карьевского у. 1919 г. М. Зиминим.

67. По дочери.

Ты болезное мое,
Мое дитятко, ой, ой,
Ты болезно ненаглядное,
Ты милая, дорогая дочка,
Ужь ты скрыла очи ясные,
Ты скрепило ретиво сердце,
Не промолвишь ты словечушка

Со своей матушкой-кормилицей.
Без тебя, болезно дитяtko,
Белы дни стали темнехоньки,
Темны ноченьки светлехоньки,
От того светлы мне поченьки,
Что не силю я горемышная.
Без тебя, болезно дитяtko,
Мне не спяtsя темны ноченьки.
От того деньки темнешеньки,
Что твои подруги милые,
Ужь оне ходят по широкой белой улочке,
А тебя нет, чадо милое,
Со подружкам тебя мыльем.
Что без тебя-то, лебедь белая,
Некак деличко не делается,
И работа не работаетса:
Ужь на каждой то полосоньке,
Где с тобой везде работали,
Только лью я горючи слезы
Да и жду я, горемышная,
Я тебя, болезно дитяtko,
Что приди-ко, чадо милое!
Как уйдут-то люди добрые,
Уйдут с чистова-то полюшка,
Так мы останемса, мое дитяtko,
На всю ноченьку-то темную,
И возьму я на белы руки,
Унесу я на тепло гнезно,
Не скажу я людям добрым,
Поменяюсь, дорога госья,
Мое дитяtko болезноное,
На свою матушку кормилицу.
Воздохни церю небесному—
Приняла бы мать сыра-земля
Твою матушку кормилицу
Да и к тебе-то, чадо милое.

68. По матери.

Как под'ехали к новым горницам,
Ужь болезная моя матушка,
Ужь лежишь-то ты в гробовой доске,
Не встречаешь ты меня
Ни по старому, ни по-прежнему.
Не во сне ли мне приснилось,
Не в темной ли ночи привиделось?
Сколько лью я горючих слез,
Что кричу я громким голосом—
И то не скалется кормилца,
Не промолвишь ты словечиска,
Ето правда, ето случилося,
Что лежишь ты в гробовой доске,

Ужь болезная моя матушка,
Ты встречай меня не горькую,
В дороги гости с моем-то малым детонькам,
А теперь без тебя, моя кормилица.
Ужь закроются окошечки
И затворятся все двери,
Ужь как будет у нас
По-старому, по-прежнему.
У тебя болезнь—болезное-то дитяtko,
Она непокрытая головушка.
Ужь кому об ней покучиться.
Ужь кому об ней поклониться?

Кормилица моя матушка,
Ты оставила сирот горьких.
Без тебя, моя матушка,
Нет от буйных ветров застеньца,
От частых дождей укрытьица,
От лихих людей оборонушки
У меня, сироты горькие.

69.

Кормилица моя матушка,
Мое красное ты солнышко,
Оставила ты меня горькую сироту.
Ты, разнещастную.
Больно плохо жить в сиротстве:
Иду широкой белой улицей.
Так осуждают люди добрые,
Что идет вольная вольница.
Ужь кормилица моя матушка,
От дождя-то нет укрытьица,
От людей нет оборонушки
Без тебя, моя кормилица.
Моя матушка, приходи в дороги гости—
У меня, моя кормилица,
Про тебя бы напасенное:
Напасено вкусу сладкова
И напитокочков сахарных:
Вместо вкусу-то бы сладкова—
Кормлю я великим горям,
Вместо сладких-то напитокочков—
Напою я горючим слезам
Тебя, моя матушка кормилица.

70.

Ужь родима моя матушка,
Ужь куда ты собираешься?
Пробудись, родима матушка,
Ото сна ты от крепкова,
От просонья вековешнова,

На ково ты нас оставила,
Ты кому об нас покучилась,
Ты кому об нас покланялась!
Не оставь-то нас горьких,
Нас сирот-то горемычных.
Ведь у нас, кокушек горьких,
Кабы был родимый батюшка,
И не столь бы было горюшка (горинька).
Ужь придет-то лето красное,
Все пойдут-то люди добрые
В чисто поле на работушку
Со болезным-ту матушкам
И с родимым-ту батюшкам,
А у нас у горемычных
Работать работу некому—
Больно мы еще малехоньки,
Умом-разумом глупехоньки:
А родна матушка в сырой земле,
А родимый-то наш батюшка
На чужой дальней сторонушке.
Ужь у нас, кокушек горьких,
Все-то делишко не делано,
Вся работа не работана.
Ужь мой-то милы дetyньки
Ужь малым еще малехоньки—
Ужь у нас, кокушек горьких,
Мать сыра-земля не пахана,
Шелкова трава не кошена.
Ужь пойду кокушка горькая,
На чужу я сторонушку
К Государю царю белому,
Упаду я во резвы ноги
Я зальюся горячим слезам,
Закричу я громким голосом:
„Ужь ты батюшка, наш белый царь,
Пожалей-ко нас разгорьких.
Нас сирот ты горемычных,
Ужь ты батюшка, наш белый царь,
Отпусти-ко нам разгорьким
Ты приятеля-батюшка,
Ты на малое-то времечко,
Хоть на думушку-ту крепкую,
На словечки матоние (!)“.
Кабы пришел приятель-батюшка,
Ужь с меня, кокушки горькие,
Хоть уж снял бы влю-большину
И великую заботушку—
У меня, кокушки горькие,
Ведь не ходят с горя ноженьки,
Не глядят-то очи ясные,
У меня, кокушки горькие,

Ужь одне-то дети малые—
Они нагие и босые
И голодные-холодные.
И приветить-то нас некому,
Ужь кокушек горемышных—
Ужь болезная-то матушка
Нас оставила спокинула
Ужь на все-то ветры буйные
И на дождички мочливые.
Ужь меня теперь разгорькую
Без приятеля-то батюшка,
Без кормилицы-то матушки,
На меня, на кокушку горькую,
Не просветит красно солнышко.
Доживу, кокушка горькая,
Я до леточка-то краснова—
Как растают снега белые,
Разольются реки быстрые,
Ужь пойду я на быстру речку,
Ужь я сяду на крутой берег,
Я покучуся быстрой реке:
Ужь ты матушка быстра река,
Ты куда бежишь торопишься,
Не во сине-ли морюшко—
Захвати-ко мое горюшко".
Отвечает быстра река:
„Мне итти-то далековько,
А твое горе не тонется,
От часу-то горе копится,
Великова прибавляется".
От мово-то велика горя
Простонала мать сыра-земля,
Покачнулись темны леса,
Кольхнулись сини моря.
Ужь кабы знали люди добрые
Мое горюшко великое,
Не слезливый бы расплакался,
Не грустливый бы раздумался
О моем-то великом горюшке,
Да не знают люди добрые.

№№ 64, 66—70 записаны в Ковернин. вол.
Макар. у. М. М. Зиминым в 1917 году.

71. По муже.

Куда ты, милый мой закон, нарядился,
Во какую путь дороженьку собрался,
На кого ты меня горемычную оставляешь?
Не увижу тебя, моего милого, на белом свету,
Не промолвишь ты со мной словечка ласкова,
Не паучишь ты меня уму-разуму.

Записано в пос. Давыдково, Макар. у. П. П.
Кузнецовым в 1917 году.

72. По отце.

Болезный ты мой батюшка,
Поилец ты мой, кормилец,
Обувал ты меня, одевал,
Поил ты меня, кормил,
А теперь, батюшко,
От кого мне ждать раденья?
Куда мы тебя собираем,
Куда мы тебя снаряжаем?
Ждать-то мне тебя—не дождаются
Глядеть-то мне тебя—не наглядятся:
Не увижу я тебя ни в чистых полях,
Не увижу я тебя ни в зеленых лугах,
Не увижу тебя, батюшко, ни в темных лесах.

Записано в пог. Флоры, Нерех. у., Блазнов-
ской вол., учит. В. Пастыным в 1900 г.

73. По матери.

Ты скажи, моя кормилица,
Ты когда ко мне в гости посулишься?
А я стану ждать и дожидаться тебя.
Ужь я встречу тебя среди поля чистого,
Я приму тебя на белы руки.

Записано в с. Карцово, Соляг. у., св. П. Бе-
лоруссовым в 1900 г.

74. По муже.

Милый друг, моя душа,
Свет Иван Васильевич,
Куда ты собираешься,
Кому ты меня оставляешь
С малыми глупыми детками?
Как мне их воспитать будет
Без тебя, красное мое солнышко?
Как я буду одна жить,
Что я буду делати,
Что скажу я своим деткам?
Кто будет их обувати,
Кто будет их одевати?
Дорогое мое солнышко,
Кто же будет обучати-то их,
Кто же будет уму-разуму учить?

75.

Родимо ладо милое,
Оставил меня горькую—
Не могли мы с тобой нажитися,
Не могли с тобой налюбоватися,
Я отколе буду тебя ждати-то,
Отколь тебя буду да глядети-то,

С которой-то сторонушки:
Не с торгов-то ли, не с ярманки,
И не с Божьей-то ли церкви.
Ужь ты, думушка моя крепкая,
Напишу я письмо-грамотку,
Напишу-то горючим слезам
На твоей-то на белой груди,
Запечатаю письмо думой крепкою.
Погости-т-ко, ладо милое,
Во моей-то светлой горнице
В дорогих гостях.
Отходили-то ноженьки
По новой-то горнице
И по новой-то светлице,
Отмахали-то белы рученьки.
Ужь пытаюсь я кричати,
Пытаюсь раскликати—
Не промолвишь ты словечушко.
Погляжу я, ладо милое:
Не косит ли ладо милое?
Не могу его дожидатися,
Дождатися светлой головушки.
Прививайтесь, мои детоньки,
Ко своему батюшке!
Не приветит ужь нас батюшка,
Не приветит он словом ласковым.
Ужь пойдем мы по широкой улице,
Ужь мы будем вольные-вольники.
Ужь мы будем безугрозники,
Без тебя, батюшко родимой,
Без тебя, батюшко сердешный.
Ужь ты встань-ка, мой батюшка,
Изо своей сырой земли,
Встань-ка на свои резвы ноги,
Приголубь-ка нас горьких сирот.

76. По отце.

Ужь родимый ты мой батюшка,
Сердешный ты мой батюшка,
Не мог ты на меня наглядетися,
Не мог ты налюбоватися.
Ужь придет-то божий праздничек—
Погляжу я своего батюшку,
Погляжу своего родимого—
Ужь не идет-ли мой батюшко!
Ужь ты встань-ка на резвы ноги,
Погляди-ка очам ясными,
Взмахни-ка белыми рученьками.
Ужь не встанет мой батюшка,

Не промолвит он словечушка,
Не обрадует сердечушка.

№№ 74—76 записаны Е Масленниковым в
дер. Арефинское, Юрьевоцкого у. в 1917 г.

77. По муже.

Родимый ладо милый,
На кого ты меня покинул
С малыми-то детоньками?
Ужь намаемся мы, ладо миленькой,
Наскитаемся, родименькой,
На чужой-то на сторонушке.
Ужь твоих-то малых детушек,
Без тебя, родимый батюшка,
Ужь никто-то их не встретит,
Ужь никто не приветит,
Твоих-то малых детушек—
Ужь нет-то права крылышка,
Тебя, родимый батюшко.

78. Дочь по отце.

Покинул меня, родимый батюшка,
Сиротой-то меня горькою—
Не с кем думушку подумати,
Без тебя, родимый батюшка.
Ужь собрался ты, батюшко,
Не сказался ты, родимый (2 раза).
Ужь в которую сторонушку,
Ужь в которую дороженьку?
Ужь ждять-то мне не дождатися
Ужь глядеть мне не доглядетися.
Полетел ты, родимый батюшко,
Чистым полем, как ясен сокол.
Запустеют все дороженьки,
Ужь твой, родимый батюшко...

79. По матери.

Ужь ты, родима моя матушка,
На кого ты осердилася,
Не на меня-ли на горькую?
Погости ты, матушка,
У нас в дорогих гостях.
Ужь нам ждять-то не дождатися,
Глядеть-то не доглядетися.
Ни с которые сторонушки
Не придет родная матушка.
Напиши-ка ты письмо грамотку.
Как-бы дули ветры буйные,
Раздули-бы мать сыру-землю—
Ужь востала бы родная матушка,
На свой на резвы ноженьки

И промолвила бы нам словечушко.
Ужь родимья золовушка,
Не дождались родной матушки,
Не дождались слов ее ласковых,
Не дождались одного словечушка.
Ужь не стало красна солнышка
Да у нас-то горемычных,
Да приходит нам растаньце,
Да растаньце не малое.

№№ 77—79 записаны в с. Елнати, Юрьев. у.
свящ. В. Красногорским в 1917 году.

80. По муже. Старуха:

Курились две головешки,
Но одна из них потухла.
Осталась одна головешка куриться.
И что это головешке делать.
Куда ей бедной деваться?...

81. Молодая.

Куда ты, друг мой, собрался,
Па кого меня бедную покинул?
Спокинул и оставил меня, бедную лебедку,
Оставил круглой сиротой
С малыми голубятами,
Оставил нагу и босу
Без кормильца сиза голубя

№№ 79—80 отрывки записаны в дер. Дегтяр-
ново, Юрьевецк. у., кр. А. А. Пелевиным в
1917 году.

Народные слова встречающиеся в причитаниях и похоронном обряде.

(Указатель).

Цифрой обозначен № причитания, в котором встречается то или иное слово; цифра, заключенная в скобках () обозначает страницу текста статьи, где приводится термин похоронного или поминального обряда, а также другие народные слова, упоминаемые в тексте в связи с обрядом. В тех случаях, когда не указан уезд наблюдения употребления слова — значит оно употребительно более или менее всюду.

Али, аль—или. „Ты когда в гости посулишься—али к вечеру позднехонько, али в темные с полуночи“. 26 Кин. у.; 33, 40, 52 Кол. у.

Бедко—горько, горестно. „Поглядим в окошечко, нам больно да бедко кажется“. 25 Вет. у.

Беззастойный — беззащитный. 6 Вар. у.

Безогрозник-ца, безугрозник — непослушный, своевольный. „Ото всех-то я буду вольница, ото всех-то безогрозница“. 59, 61 Кс. у.; 74 Юр. у.

Береститься и мереститься — казаться. Покойник берестится, т. е. представляется расстроеному воображению (48 Кс. у.).

Бесталанная — несчастная. 62 Кс. у.

Благодатный (дом) — хорошо устроенный 1 Буйск. у.; 7, 8, 17, 18 Вар. у.; 41, 42, 46, 48 Кл. у.

„Богородица“ — молитва Богоматери: „Богородице дево, радуйся“... (43).

Болезной — несчастный. „Болезной ладо умная“. 64 Мак. у.

Больно — очень. „Больно мы о тебе, мой милый сын стосковалися“. 24, 25, Ветл. у.

Большая голова в доме — хозяин или хозяйка (32 Вет. у.)

Босовички — туфли, которые надевают на мертвых (29 Кс. у.).

Буюный — буйный. „Буюна голова“. 6 Вр. у.

Валы — название болезни — составной ревматизм (43).

Вёцере — вечером. „Стану плакати... вёцере да позднехонько“. 36 Кол. у.

Выболеть, выхворать — благодаря продолжительной болезни уменьшиться в весе (27, 34).

Витьянка (воет) — душа непохороненных костей (37 Гал. у.).

Выход — смерть; к выходу — к чьей-либо смерти (23 Гал. у.).

Годовать (год) — жить, гостить в течение года. 4 Буйск. у.

Голбец, голубец — надгробный памятник в виде сруба (36 Кин. у.); голбцем называется также в Костромском уезде пристройка в виде длинного ящика у печки, чрез который лезают в подвал, здесь иногда по зимам держат поросят, кур; в Вичугском районе голбцем называется нижний этаж дома.

Голосить — причитать (54, 63).

Горюч, горючий — крепкий. „Горюч камень да разгорчивый, на огне он разгорается, на воде он рассыпается“. 8 Вар. у.

Гоюха — горюха, горькая. „Припаду, горька гоюха, я к желанному тытеньке“. 42 Кол. у.

Дак — так. 46, 47 Кол. у.

Дедова суббота — Дмитриевская суббота (41).

Домить — хозяйствовать, обихаживать дом. „Научи ты меня, как дом домить?“ 5 Буйск. у.

Домовина гроб (31).

Достальный — остальной. „В достальные да в последние“. 4, 5 Буйск. у.; 36, 41, 46, 49 Кол. у.

Доча — дочь. 23, 25 Ветл. у.

Дыбеть — дрябнуть. „Чтобы руки не дыбели“..., т. е. чтобы не дрябли. (29 Кс., Кол. у.).

Замирать — терять целебную силу (в отношении травы) (28 Ветл. у.).

Замочь — занемочь. „Заможет да душа моя“. 47 Кол.

Запричитать — начать причитать (54).

Застеньице — защита. „От буйных ветров застеньице“ 68 Мак. у.

Застоя, застоюшка — защита, 30, 34, 49 Кол. у.

Затулушка — защита, 59, 61 Кс. у.

Заумиране — летаргический сон. (46).

Злодарный, злодарница, злоградный — несчастный. „Ты оставил... на меня-то на злорадную тяготу-то великую“. 6, 8 Вар. у.

Измешать — мешать препятствовать. „Чтобы не измешать покойника“, т. е. чтобы не помешать умирать больному (26 Кс. у.).

Ишшо — еще. „Не пора бы ишшо не времечки“. 5 Буйск. у., 29, 32, 33 Кол. у.

Ищо — еще. 22 Вет. у.

Кисель с братом — кисель с подливой из настоя того материала, из которого варится кисель (29).

Князь, князек — верхняя тесина кровли, жолоб на кровле (27 Гал., Вет., Мак. уу.).

Коле — во время. „Коле сварьбы“ во время свадьбы (28 Вет. у.).

Конь — украшение на передних стропилах крыши (27 Кин., Гал., Вар., Вет. уу.).

Кормончик — кормилец, 27, 25 Вет. у.

Кочет — передние стропила крыши (27 Кс. у.).

Кресты — перекресток дорог (34 Вет. у.); часовня (48 Вет. у.).

Кучиться, покучиться — жаловать. 19 Вар. у.; 49 Кол. у.; „Ты кому у нас покучишься?“ 70 Мак. у.

Ладо и лада — эпитет: любимый. 11 Вар. у.; 21, 23 Вет. у.; 49 Кол. у.

Липотник — еловая зелень (34 Кс. у.).

Льва — болото (37 Вар. у.).

Маята — утомление, непосильная работа, тоска, скука. 37 Кол. у.

Маяться — терпеть, нуждаться. „Как я, горька, буду маяться без тебя“. 1, 2 Буйск. у.; 6, 10, 17, 20 Вар. у.

Мереститься — см. береститься.

Мертвяче мыло — мыло, которым омывали покойника (45).

Могота — мощь, крепость. „Мне тяжолая работа не под силу, не под могуто“. 23 Вет. у.

Мташечка — пташечка (30 Кол. и Кос. уу.).

Награяться — надругаться. „Ветры буйные надуются, люди добрые нагряются“. 28 Кол.

Напоры — в то время. „Ты послушай-ка, кормилица, что я тебе напоры скажу“. 23 Вет. у.

Наприматься — наприниматься. „Всячины да я напринимаюся“ 6, 18 Вар. у.; 37 Кол. у.

Невьюный — юный, молодой. „На кого ты оставил супругу свою... в молодых летах в невьюных“. 54 Кс. у.

Неделивать (неделю) — жить, гостить неделю. 4 Буйск. у.

Нетутка — нет. „Нигде-то его нетутка“. 5 Буйск. у.

Ниде — нигде. 41 Кол.

Нужа — нужда. „Стужа и нужна крепкие“ 37 Кол.

Нуждица — нужда. „Напримаюся нуждицы“. 6 Вар.

Нутро — кровавый понос (38 Вар. у.).

Обряжать (покойника) — омывать и одевать покойника в чистую одежду (21 Кс. у.).

Огневица — скарлатина (38 Вар. у.).

Ограть — обругать „Осмеяны и ограены“ 30, 33 Кол. у.

Оздоронеть — выздороветь (25).

Опокинуть — покинуть. „Опокинул ты меня“. 11 Вар. у.

Опростать — оставить, сделать пустым*. „Опростаешь ты свою горенку“. 55 Кс. у.

Отходная — молитва на исход души (26).

Пашиться — умирать (26).

Петь — (о самоваре) гудеть, шуметь. „Самовар поет“ (23).

Пещаль — печаль. 36 Кол. у.

Побывшиться — умереть „Побывшилось ты, чадо милое“ 54 Кс. у.

Повицнуть — повеять, подуть. „Ветры пвицнут“. 30, 31, 33 Кол. у.

Повид(и) — (повидать) — посмотри, повидай! „Сестра моя милая, повиди свою да мила брата“. 49 Кол. у.

Погласица — голос, поговорка, речь. „Не услышу твою-то речь-погласицу“. 12 Вар. у.

Погост — кладбище (36).

Подорожник — кусок холста, который дается первому встречному; тоже, что „стрешник“ (33).

Подымать — поднимать, воспитывать (о детях). Ишо как да подымать будет, что своих-то да малых детей*. 6, 8 Вар. у.

Под'ем — поднятие из дома гроба, вынос в церковь с приглашением причта (21, 33).

Покров — в смысле смерти. „На покров головы“ — на мертвого, на смерть“ (23 Гал. у.).

Покучиться — см. кучиться.

По тусорочины — двадцатый день (41).

Помин — поминовение (28).

Помолвить — осудить. „Люди-то помолвят про твоих малых детонок“. 30, 31, 33 Кол. у.

Посулиться — пожаловать, пообещать. „Когда в гости посулишься?“ 1, 5 Буйск. у; 48 Кол. у.; 52 Кс. у.

Постель, к постеле — болеть или умереть (22).

Прививаться — прижиматься, приласкаться. „Прививайтесь, мои детоньки, к своему батюшке; не приветит ужь нас батюшка“. 59 Кс. у.; 74 Юр. у.

Притко — очень, шибко, сильно. „Притко-то с тобой не ругалися“. 5 Буйск. у.

Приход — село, церковь. „Нести в приход из деревни“ — нести в церковь (34)

Пришибтися — прижаться. „И к кому мне-ка будет пришибтися, и к кому мне-ка будет привитися“. 59 Кс. у.

Пропуск — отпустительная грамота (30, 35).

Простой — пустой, голый. „Навою, наплачуся над простыми коленами“ 17 Вар. у.

Рай, рае — разве. „Рай продаст она книги Божии“. 29 Кол. у.

Растаньице — расставание. 79 Юр. у.

Рок — урок, урочное особое место (37 Вет. у.).

Рощение — древнее кладбище, могильник (36).

Сварьба — свадьба (27 Вет. у.).

Седни — сегодня (50 Вар. у.).

Служивый, служивенькой — солдат (50, 51).

Слуиться — плакать, слезиться. „Что глядите, ясны очи, что глядите, не слуитесь“ 41 Кол.

Складный — умеющий складно причитать, говорить (55).

Скрутная (свадьба) — скорая, удачно сложившаяся для брачующихся. 25 Вет. у.

Смирельник — смиренный 38 Кол. у.

Снесможнехонько — невозможно. „Снесможнехонько мне горюшецке ходить по сырой земле“ 33 Кол. у.

Сношеница — сноха 6 Вар. у.

Сорочины — сороковой день (41).

Справный — исправный, хозяйственный (36).

Срядить покойника — сделать саван, гроб и пр. (44).

Стрешник — встречный, кусок холста первому встречному (33).

Сыпуха — оспа (38 Вар. у.).

Теперя — теперь 6 Вр. у.

Тута — тут. 23, 25 Вет. у.

Ужо — потом, спустя некоторое время, а также в смысле *ужь*. „Ужо как да сиротинушке, ужо как да жить будет“ 9 Вар. у; 37 Кол. у.

Улка, улочка — улица 24 Вар. у.

Умильный — приятный. „Не увижу я твоей умильной походочки“ 55 Кс. у.

Упокойник — покойник (26 Гал. у.).

Учетный — учтивый. „С поклоном низким, со словами учетными“ 48 Кол. у.

Хлеть — клеть 17 Вар. у.

Хоробрец — romun Adami, хоробрец ходит, играет — предсмертные хрипы (26).

Хоша — хотя 27 Кол. у.

Целок — цельный, незатоптанный снег (26 Вет. у.).

Честить — оказывать честь. „Честить да потчивать“ 48 Кол.

Чиновник — синодик (42).

Що — что 6 Вар. у.

Ще — что, что 36 Кол. у.

ВРЕМЕННЫЕ ЖИЛИЩА КРЕСТЬЯН

(Костромской и частью Владимирской губ.).

Кроме жилищ постоянных, сооружаемых в селениях или в жилах, крестьянам нередко приходится устраивать жилища временные вне селений. Правда, нужда в таких жилищах ныне с каждым годом уменьшается, так как самые глухие места, где, как говорят, прежде было „непроходимо“, — стали зажилёнными; с каждым годом то там, то здесь строятся владельцами обширных имений разного рода жилищные сооружения, то для охраны своих владений, то для разного рода промышленных предприятий где часто оказывается возможным найти более или менее удобный временный приют. Но все-же есть еще места, где таких постоянных жилищ или не оказывается достаточно, или они расположены бывают в местах неудобных для крестьянских нужд, и крестьянину волей-неволей приходится сооружать жилища временные.

Часто в этих случаях крестьяне сооружают жилища из материалов взятых из постоянных своих жилищ, к таковым относятся телеги, дуги, рогожи, войлоки, дерюги, пологи и, наконец, одежда; все эти материалы, после минования надобности в устроенном жилище, увозятся крестьянином обратно в селения, а самые сооружения в таких случаях мало напоминают собою те более постоянные и более прочные временные жилища, которые он устраивает для своего ежегодного более или менее продолжительного пребывания вне дома в период летнего или зимнего времени, смотря по обстоятельствам.

Прежде, говорят, было не то: у крестьян было много разных угол: кто зноил уголь, кто курил смолу да деготь; косили и пахали на отдаленных кулигах; у иного дилёй жилья штук по 30 и более бывало в бёртях да в кузовищах; в лесах водилось множество разного зверья да дичи; и по всем этим угодам крестьянину приходилось проживать иногда по несколько недель, а то и месяцев в чрезвычайно диких и опасных для него трупобах. Это и заставляло его для временного своего пребывания сооружать новые или оправлять свои старые обветшалые временные жилища.

Но времена изменились: прежняя крестьянская „воля“ отошла в область преданий, а о прежнем богатстве дикой земли мы знаем только по скудным преданиям да письменным историческим памятникам.

Громадный поэтому интерес представляют из себя современные сооружения временных крестьянских жилищ, которые, как пережиток той отдаленной поры, кое-где еще встречаются по глухим местным трупобам.

Самые примитивные способы защиты человека главным образом от непогоды нельзя назвать еще жилищами, т. к. они не представляют из себя сооружений и служат убежищами лишь случайно и то на весьма короткое время, не более нескольких часов. Такими средствами защиты часто служат обыкновенные дикорастущие деревья по возможности с широкой корой и густой хвоей или листьями. Из них предпочтение отдается ели и пихте, а затем сосне и лиственным породам.

В весеннее и летнее время года некоторые укрываются от дождя большими кусками бересты, содранными со стволов берез и поставленными наклонно к земле или положенными на голову в виде зонтика. Подобным же образом можно укрываться под содранной еловой, пихтовой или иной породы корой.

Если крестьянину случается в лесу ночевать в летнюю теплую и сухую погоду, то часто случается, что он располагается под большим по возможности деревом, а подле себя разводит теплинку. Спят в таких случаях, не раздеваясь, в одежде, а постелью служит собранный вблизи сухой мох или еловые и сосновые лапки (ветки с хвоей).

Переходя к описанию собственно временных жилищ, я должен прежде оговориться, что таковые исследованы мною в крайне недостаточной степени и что подробное их исследование, за недостатком свободного времени, я едва ли удосужусь выполнить в должной мере; если же и решаюсь сейчас опубликовать свой более чем скромный материал, то это делаю с той исключительной целью, чтобы побудить к тому других лиц, находящихся в более удобных для этого условиях.

Временные жилища крестьян можно разделить на 2 группы: 1) жилища на земле и 2) жилища над землей. 1) Жилища на земле устраиваются как на поверхности земли непосредственно, так и при помощи углубления в почву на большую или меньшую глубину. К первым можно отнести большинство шалашей, нётву; ко вторым часть шалашей, простёнки или лабазы и зимовки.

Шалаш, *шалаш* устраивается обыкновенно в летнее время и главным образом от непогоды. Простейший из них устраивается так: наклонно к дереву по возможности к толстому вбивают в землю кол так, чтобы он с растущим деревом образовал козлы. Затем берется по возможности длинная (4-5 арш) жердь, которую одним концом кладут на козлы, а другим просто на землю. К этой жерди, начиная от дерева, прислоняются колышки длиною около полтора арш. и притом в наклонном положении на потребную длину шалаша, около 2-х с половиной арш. Колышки покрываются мохом и таким образом получается наклонная стенка, защищающая лежащего от непогоды. Постелью в таких шалашах служит мох, а для тепла перед открытой стороной шалаша раскладывается теплина. Устройство такого шалаша не требует никаких орудий, его можно сделать, как говорится, голыми руками (См. рис. 1).

Устраивают их часто охотники, грибники и ягодники как мужчины, так и женщины.

Такие шалашы устраивают иногда по 2 вместе, один перед другим так, чтобы между ними была одна общая теплина.

Иногда шалаш устраивают несколько сложнее. К жерди, положенной на козлы и на землю, приставлено в наклонном положении несколько колышков. К этим наклонным колышкам наваливается горизонтально одна на другую на потребную высоту (около полтора арш.) жердочки, образующие собою наклонную стенку, которая и прикрывается мохом. По краям стенки иногда втыкают или наваливают еловые или сосновые лапки, которые образуют собою как бы недоразвитые стенки по сторонам главной. Здесь заметно уже употребление топора, хотя такой шалаш можно устроить и без него.

Более прочный и обширный из этого типа шалаш (иногда лабаз) устраивается так: в землю вбивают на расстоянии около 3-х арш. две стойки или два кола с развилинами наверху, высотой около двух с половиной арш.; на развилины кладется поперечина или перевалина. Далее, одним концом в землю, а другим на перевалину в наклонном положении ставятся жердочки (иногда пожидины), которые сверху покрываются еловыми лапами, образующие собою покатую кровлю. Между стойками и краями кровли (внизу) втыкают в землю еловые лапы, которые образуют собою две дополнительных стенки. Перед шалашем разводятся теплина. Ложатся спать здесь головой к главной стенке и ногами к костру. (Ветлужский у., Костромской губ.).

Кроме таких одностенных шалашей, устраиваемых в лесах, крестьяне часто устраивают всем известные шалашы на муках из древесных ветвей и прутьев покрываемых корой, берестой, сеном, рогожами, дерюгами, войлоком и проч.

Наследная (ночлежная) ночь, нотья, нотьва, нодья устраивается в лесах главным образом зимой или вообще в холодное время года. На площади предназначенной для ночлега (около 2 кв. саж.) разгребают снег; наваливая его на две противоположные стороны площади. Отрубают от сухого соснового или елового дерева два края длиной около 4 арш. и толщиной не менее 7-ми вершков. Первый нижний край кладется на землю; иногда он сверху немного сглаживается или пропазывается, чтобы можно было удобнее положить на него щепы или бересты для поджога. Второй край пропазывают (или выпазывают) в виде неглубокого корытца, оставляя концы его как у корыта непропазанными, а лишь сглаженными так, чтобы этими концами он мог прочно лежать на первом нижнем крае. На нижний край по всей его длине кладут горючий материал из смолистой щепы или бересты и зажигают его по всей длине края. Загораются оба края и горят ровным пламенем по всей длине краёв, кроме их концов. Удобство такой укладки краёв состоит в том, что „кверху палъ (пламя) нейдет, а только по бокам“, что достигается также и пропазовой верхнего края.

По сторонам нотьвы, аршинах в трех от огня, делаются „навалы“, отчасти из разгребенного снега, если он глубок, отчасти из бревен и сучьев в виде валов высотой около одного—полтора арш., чтобы тепло от нотьвы не уходило в пространство. Навалы укрывают или устилают со стороны огня еловыми или сосновыми лапами, чтобы снег не таял и вместе с тем устраивают постель—„лежанки“ или „лажументы“ вдоль огня по обе стороны нотьвы на лежан-

как укладываются ночлежники спать, снимая иногда и подстилая под себя свои тулупы, оставаясь в одном нижнем платье (рис. 3). Двух таких кряжей или плах достаточно бывает на всю длинную зимнюю ночь, а тепла они дают столько, что крестьяне говорят „у нотьвы ночуешь как в избе, как дома“. Если земля сухая не мерзлая, то на месте, предназначенном для ночлега, раскладывают иногда большой костер, чтобы земля согрелась, а затем уголья сгребают в сторону и устраивают постель как сказано выше. (Ветлужский уезд, Костромской губ.).

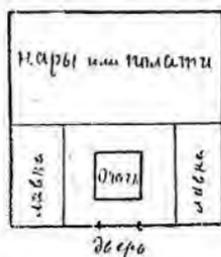
Кроме шалашей, устраиваемых на поверхности земли, выстраиваются шалаша углубленные несколько в почву и покрытые сверху дерном и землей, так что напминают собою норы. Устраиваются они из деревянных поленцев расколотых пополам. Отверстие в шалаше, чтобы не налетали комары, закрывается одеждой или просто портянками. Перед дырой иногда раскладывают теплину (Гороховец у., Владимир. губ. См. рис. 2).

Лабаз, тростянка, трестянка, шалашик, шалаш, землянка состоит из трех стенок забранных в столбы и покрытых односкатной кровлей из коры бересты или дранницы покатою назад. Здание часто устраивается на пригорках и задняя его часть передко углубляется в почву. Определенного места для очага в лабазе нет; теплина разводится или перед входом, если погода сухая, или под кровлей — если дождливая (встречается, говорят, по реке Какше, Ветлужск. у., Костромск. губ.).

Зимовка, зименка, зимница, зименка, избюшка устраивается из круглого леса, причем несколько венцов, 2—3 или более, опускаются в землю, для чего предварительно вырывается неглубокая четырехугольная яма. Размеры ее зависят от количества жильцов, но часто встречаются около 6—7 аршин в квадрате или 6×7 арш. Стены рубятся из круглых бревен, со сводчатым потолком из круглого накатника. В передней стене вырубается отверстие для небольшой двустворчатой двери, в которую можно пролезть только согнувшись на четвереньках. В передней же стене повыше двери и в противоположной задней стене на такой же высоте делается по небольшому круглому окошечку, которые или открывают, если дверь закрыта, или затыкают, если она отворена. На потолок наваливается земля и оставляется лишь небольшое круглое отверстие ближе к задней стене, на которое наставляется „труба“ или „трубка“ из полого дерева или из досок для выхода дыма. Высота от земного пола до потолка около двух с половиной арш. Прямо против двери, в расстоянии от нее около трех четвертей аршина, делается очаг или очаг из квадратного (около одного с четвертью арш.) сруба из расколотых бревен или из досок, поставленных между столбиков высотой около четверти арш., куда насыпается земля, на которой и разводится огонь. За очагом, на одной четверти расстояния от поверхности земли, на брусья настилаются из досок или накатника „пары“ или „полати“, а от нар вдоль стены к двери тянутся „лавки“. Под потолком вдоль зимовки протянута два круглых бревна „гряды“ и их „сушила“, на которые кладут сырые поленья, чтобы не загорался потолок. На сушилах, над очагом висит „таган“, на который вешают

котел для варки пивца. К грядкам прислоняют жердочки, на которых вешают одежду для просушки. Кровля зимовки двускатная из жердей покрытых ветками хвойных пород.

К зимовке с одной стороны ее или с обеих пристраивается один или два двора из бревен и жердей, заставленных с боков и покрытых сверху ветками хвойных пород. Во дворах из бревен срубаются «ясли» для сена с ящиками в них для овса. Во дворах помещаются лошади, на которых крестьяне работают в лесу (рис. 4).

Наблюдая как существующие зимовки, так и следы их бывшего устройства я заметил, что более древние зимовки углублялись в землю на значительно большую глубину, чем зимовки позднейшего времени. Первые углублялись в почву до одного — полтора арш., так что над землею приходилось всего 2—3 венца; чтобы удобнее было влезать в такую зимовку, для этого устраивался своеобразный, постепенно углубляющийся — образный формы вход. Вторые же меньше углубляются в землю, всего на 2—3 венца и большая часть зимовки остается наружи, а углубленного входа почти не существует (См. план зимовки Ветлуж у. на этой стр.).

2) К временным жилищам устраиваемым над землей относятся: подкур, лабаз, бесѣдка и кровать, полѣшь или полѣги.

Подкур (иногда нары) устраивается или на деревьях, или на кольях, или же смешанно на деревьях и на кольях (рис. 5, 6, 7, 8). Если подкур строится на деревьях, то для этого выбирают четыре дерева расположенных квадратом около 3—4 арш. На сучья дерева или, если их нет, то на приставленные к деревьям колья кладут «переклады», укрепляемые вѣщами. На переклады из крупного накатника настилается «ножилыник» (каждая накатина — пожилина), «полѣска» или «кроватька». Над ножилыником при помощи подпорок или стѣбок (плотницкое — коневой штаг) устраивается двускатная кровля из вѣчек или жердочек, покрытых сеном, еловой корѣй или бере той. Встречаются, впрочем, и односкатные кровли покатосью назад. Для мягкости пожиляник или кроватька устилается сеном или корой. Пожиляник устраивается на высоте около 2 арш. от поверхности земли, а под ним раскладывается теплина как для тени, так и для того, чтобы дым от костра отгонял комаров. С этой последней целью на пожилянике подвешивается иногда кроме того холщевый пѣлог. Чтобы взобраться на кровать к одной стороне ее приставляется лестница или лазей, — бревно с зарубинами, чтобы не скользила нога. Где людно народу бывает, там подкур устраивают с двумя палатками или кроватьками, причем на кровати помещается или порознь каждая семья, или на верхней кровати помещается женский пол, а на нижней мужчины. Иногда нижняя палатка служит как кладовая для посуды и съестных припасов а верхняя для жилья; в таких случаях огонь под подкуром не раскладывают.

Устраивают подкуры обыкновенно вблизи лугов и живут в них по неделе и более, иногда по месяцу, во все время уборки лугов.

Причиной устройства этих надземных жилищ служит главным образом страх крестьян перед гадами; бояться, „чтобы гадина не заползла и не ожгла“. Есть основание предполагать, что причиной служит также и страх от зверя, так как крестьяне почти всегда добавляют: „хотя зверя у нас и мало, почти нет, но на земле боязно, как бы гадина не заползла; по Сибири, говорят, так спят на кроватках от зверя, а у нас слава Богу зверя нет“. В одном случае мне рассказывали, что кровать была устроена на одном только толстом сосновом дереве без помощи кольев и жил здесь работавший в лесу таксатор.

Лабаз, бесѣдка по рассказам крестьян устраивается так: на удобных для того деревьях переклады кладут длиною аршин 6 и на них сплошь стягов (жердей) накладывают. Здесь усаживаются охотники и караулят медведя на поуженную вблизи приманку.

Подобным образом, но на отдельных высоких деревьях гденибудь на бугру лесные сторожа устраивают себе „вышки“ или „кровать“ из одной или нескольких дощечек, укрепленных на сучьях дерева; откуда они в жаркое время года наблюдают за пожарами.

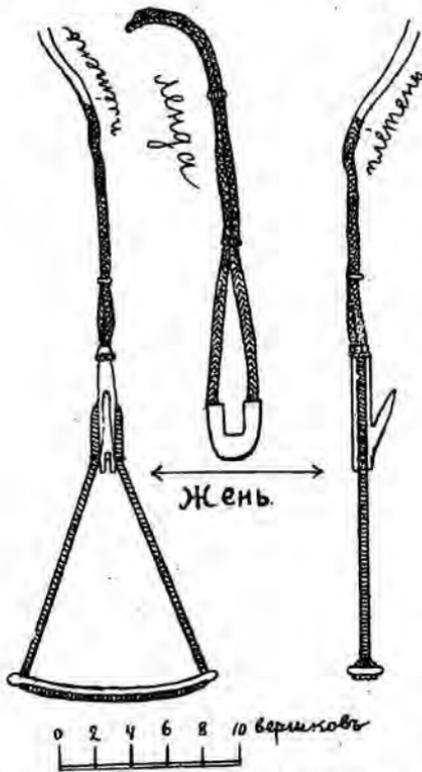
Кровать, подлѣз, окровѣчная сосна, кровѣтница, окровѣчная борть или кузовница, подлѣз устраивается собственно не для жилища, а как предохранительная мера от медведей, лазаю цих на деревья за медом (рис. 9). Самую важную часть кровати составляют „пялки“ (иногда „иглы“, „иглоцы“), на которые кладут доски и приколачивают их „томарам“ (имен. пад. томар, томары) или „иглами“ или „шпи-горьем“, — длинными заостренными деревянными гвоздями. К кровати приставляется „подлѣз“, „островь“, „шишовича“, „суковатица“ — елка суковатая, по которой и взбираются на кровать.

Название существенной части кровати — „пялки“ весьма интересно; пялками крестьяне называют раму, на которую натягивается холст для вышивания; раму, на которую натягивается холщевой полог, а также рогатку, на которую распяливают для просушки кожурину (шкурку) заячью. Исходя из этого, можно предположить, что и наши пялки на деревьях могли служить для подобной-же цели т. е. для натягиванья на них шкур или укану с тем, чтобы этим путем сделать их пригодными для жилища. На кроватях охотники иногда караулят медведей, проходящих за медом. Ввиду того вреда, который приносится деревьям устройством бортей (долбление ствола, подчистка сучьев и проч.), пчеловодство этого рода ныне воспрещено в удельных лесах, почему и кровити более не устраиваются; сохраняются от них теперь только одни обломки.

В заключение я считаю не лишним сказать несколько слов о той ловкости и приспособлениях с каковыми крестьяне могут взбираться на деревья. Если дерево гладкое без сучьев, но не слишком толстое, так что его можно обнять руками, то взобраться на такое дерево не представляется затруднительным. На него взбираются легко, не свивая даже обуви. Охотясь за белками некоторые смельчаки ухитряются, подобно белке, перепрыгивать с вершины одной ели на другую, если, конечно, они расположены недалеко одна от другой. Раскачав вершину ели, они бросаются вперед и хватаются за ветви соседней ели. В одном месте (Мордвинов вол., Горох. у., Влад. губ.) мне пришлось наткнуться на столбик с образком и с

надписью: „на сем месте упал с дерева Иван Кочешков осенью 1911 г.“; из распросов я узнал, что Кочешков, гоняся за белкой, хотел перепрыгнуть с одной ели на другую; на его несчастье ветка обломилась и он упал с дерева и расшибся до смерти.

Гораздо труднее взобраться на дерево толстых размеров, которого нельзя обнять руками. В таких случаях крестьяне употребляют „плётни“—две плетеных веревки длиною маховки две (сажени 2)

с петлями на концах, куда вставляют ноги, и „обйму“—веревку, которой обвязываются вокруг дерева и по середине туловища. К сожалению, ни один из старожилон не удосужился мне показать на примере этот способ вползания на деревья на плетнях, чтобы его сфотографировать; молодое-же поколение в таких случаях употребляет железные когти.

При устройстве бёртей и кузовниц, а также кроватей, когда на дерево приходится лазить много раз, крестьяне употребляют „жён“, которая состоит из ленты с петлей и плётня с жёнью. Устройство ее показано здесь на рисунке. Лазать на деревья на жён весьма удобно на любую высоту, если плетень имеет достаточную длину и залендится на достаточной высоте. Для того чтобы залендиться, на дереве устраивают иногда „нозрю“ (нозри—ноздря)—сквозную дыру в стволе дерева куда продевается лента с петлей или просто плетень от жени, и в таком случае лента становится излишней, т. к.

ее заменяет нозря (Ветлуж. у., Костр. губ.).

Рис. 1-и. шдддш охотддчдч олдз „Чортовод „Грлвы„ „Гороховецкого у., Владим. г. (21 июлд 1914 г.).

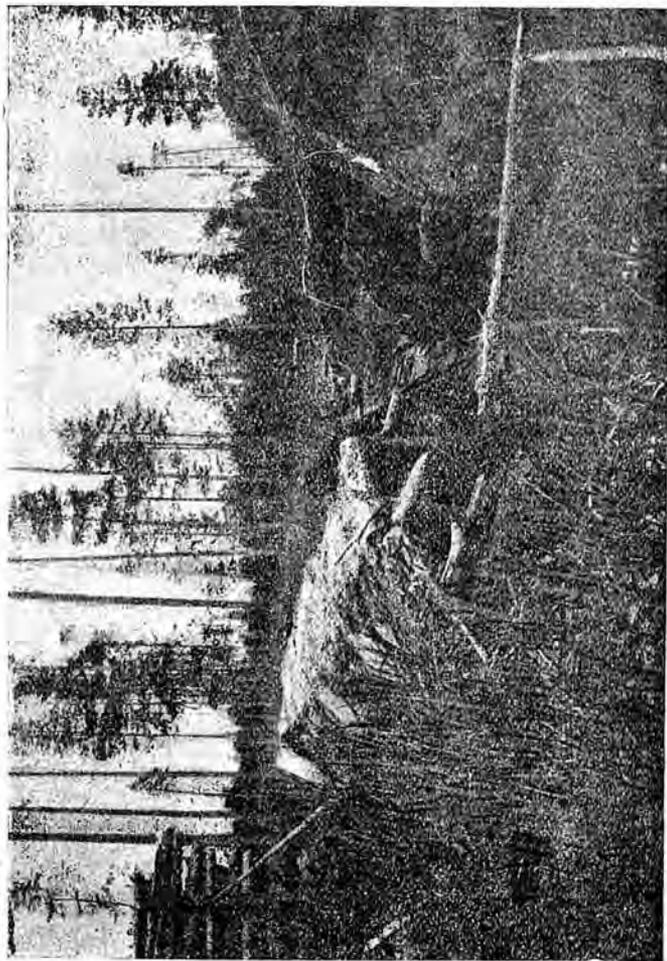

Рис. 2-й. Шалаш для двоих близ 9-го квартала удельной дачи «Чертова Грива», Гороховец. у.
Вход в шалаш устроен с северной стороны, куда имеется покатость (24 июля 1914 г.).

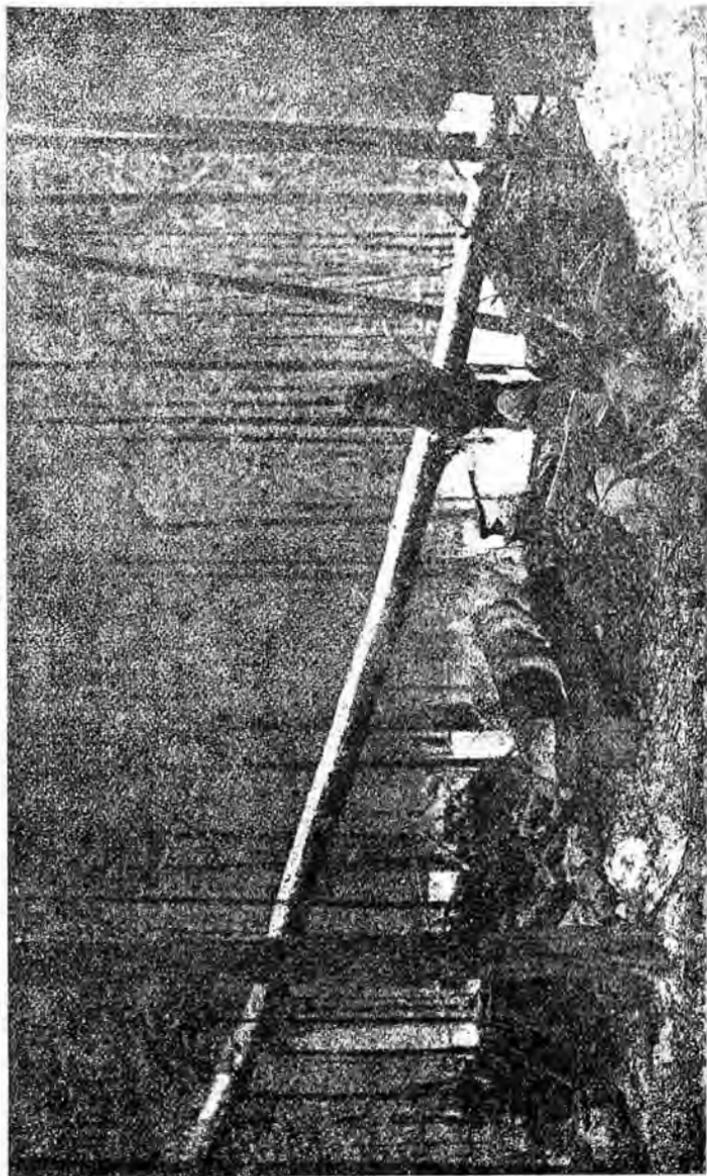

Рис. 3-й. Понва, усиленная крестянами почтиа Машоны, Белл. 8. в октэбре 1914 г.

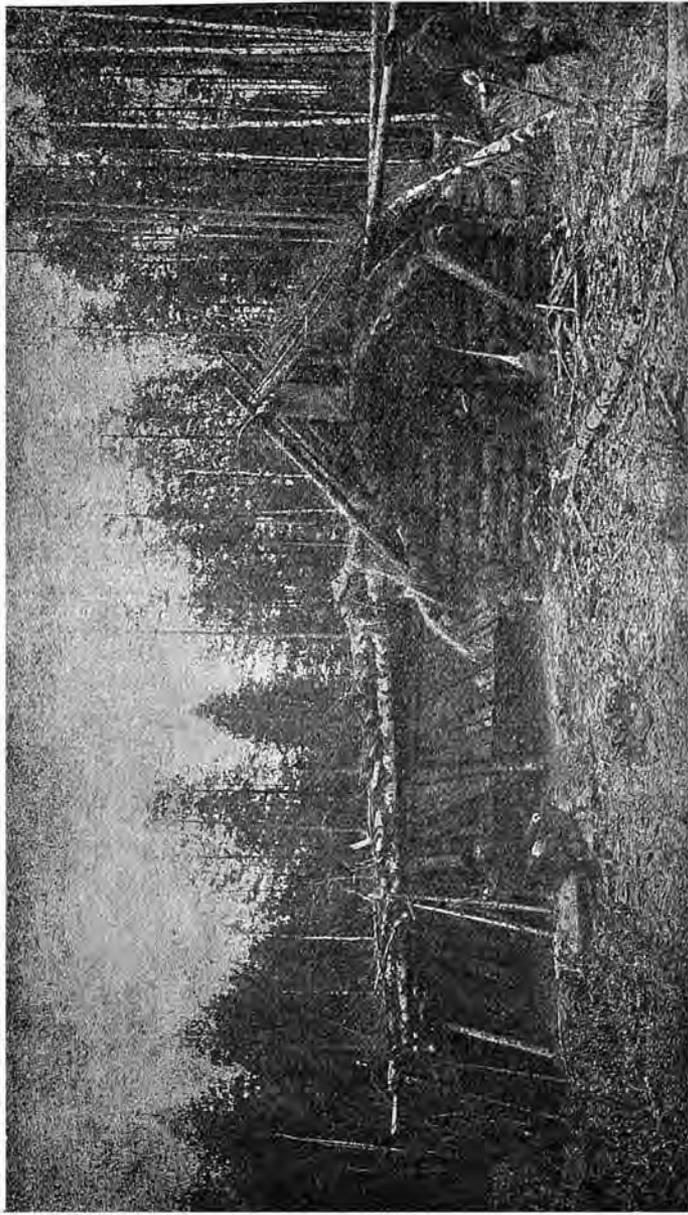

Рис. 4-й. Зимница в Нойской удельной даче Веглужского у. Слева пристроен двор (18 мая 1914 г.).

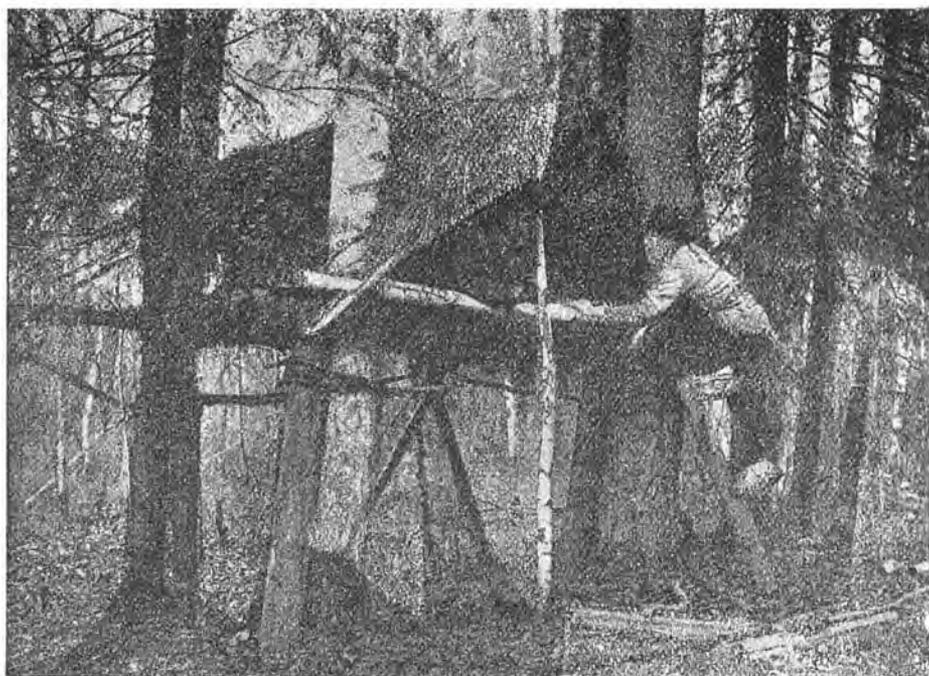

Рис. 6-й. Подкур с двускатной кровлей на правом берегу р. Нен в Нейской удельной даче Вегл. у.
(4 окт. 1914. г.)

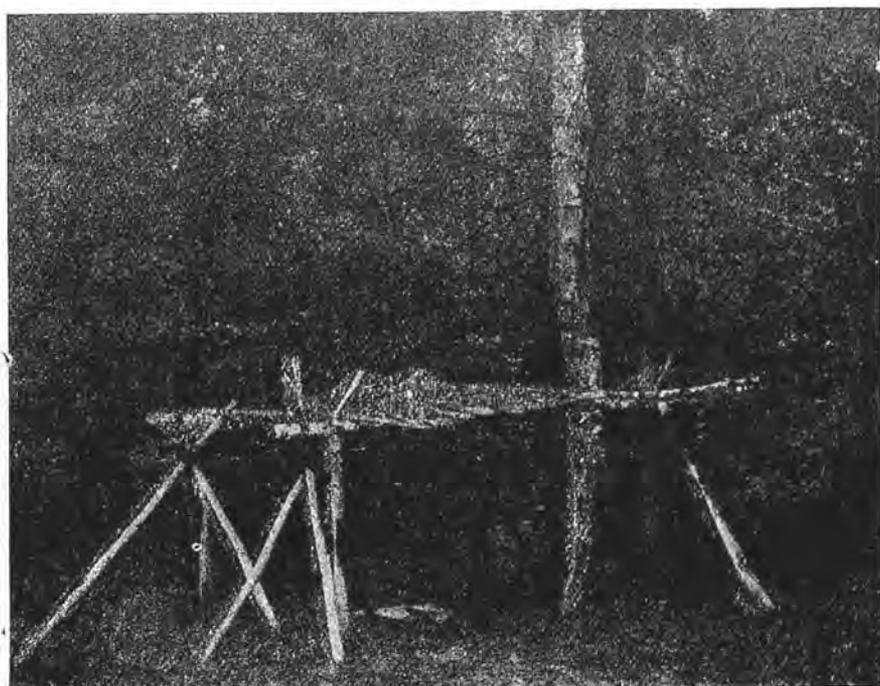

Рис. 5-й. Подкур без кровли (нары), на берегу р. Усты в Ново-Уренской удельной даче, Варн. у.
(9 июля 1915 г.).

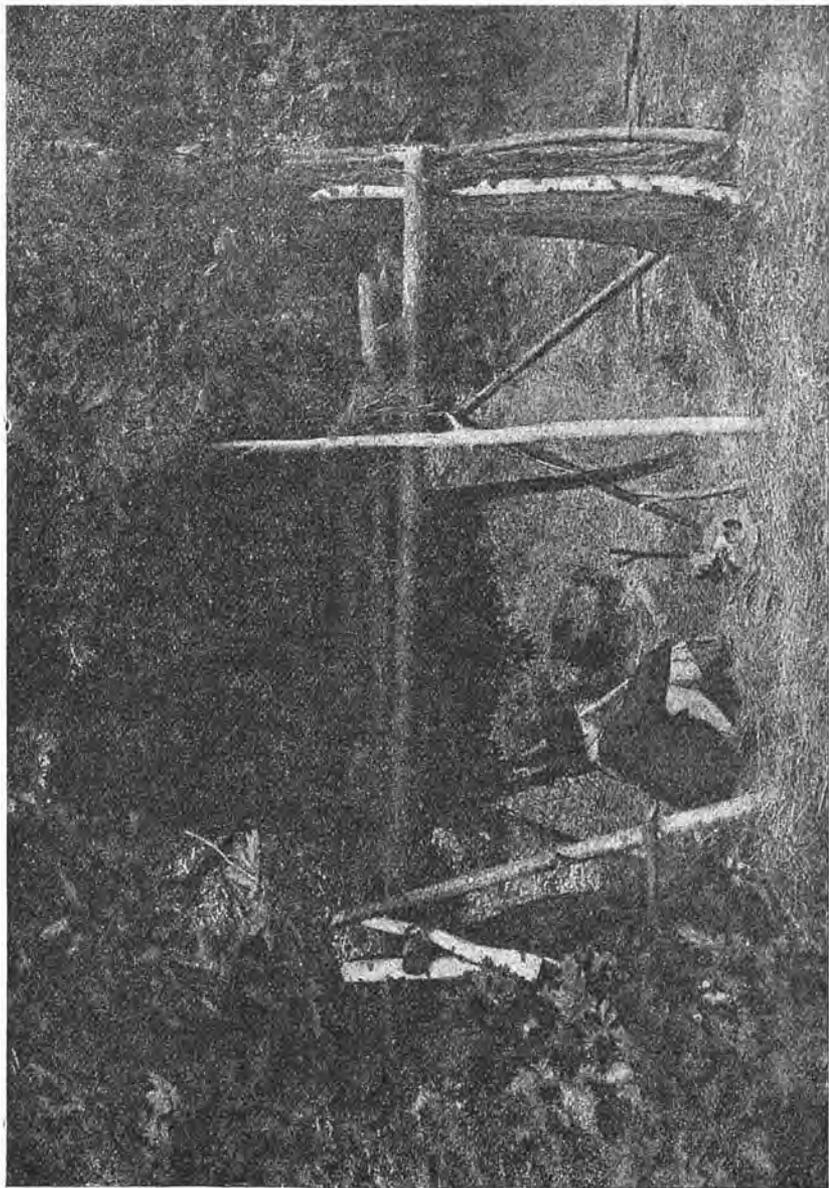

Рис. 7-й. Подгур (нары) с односкатной кровлей на берегу р. Усты в Ново-Уренской удельной даче, Варнав. у. (9 июля 1915 г.).

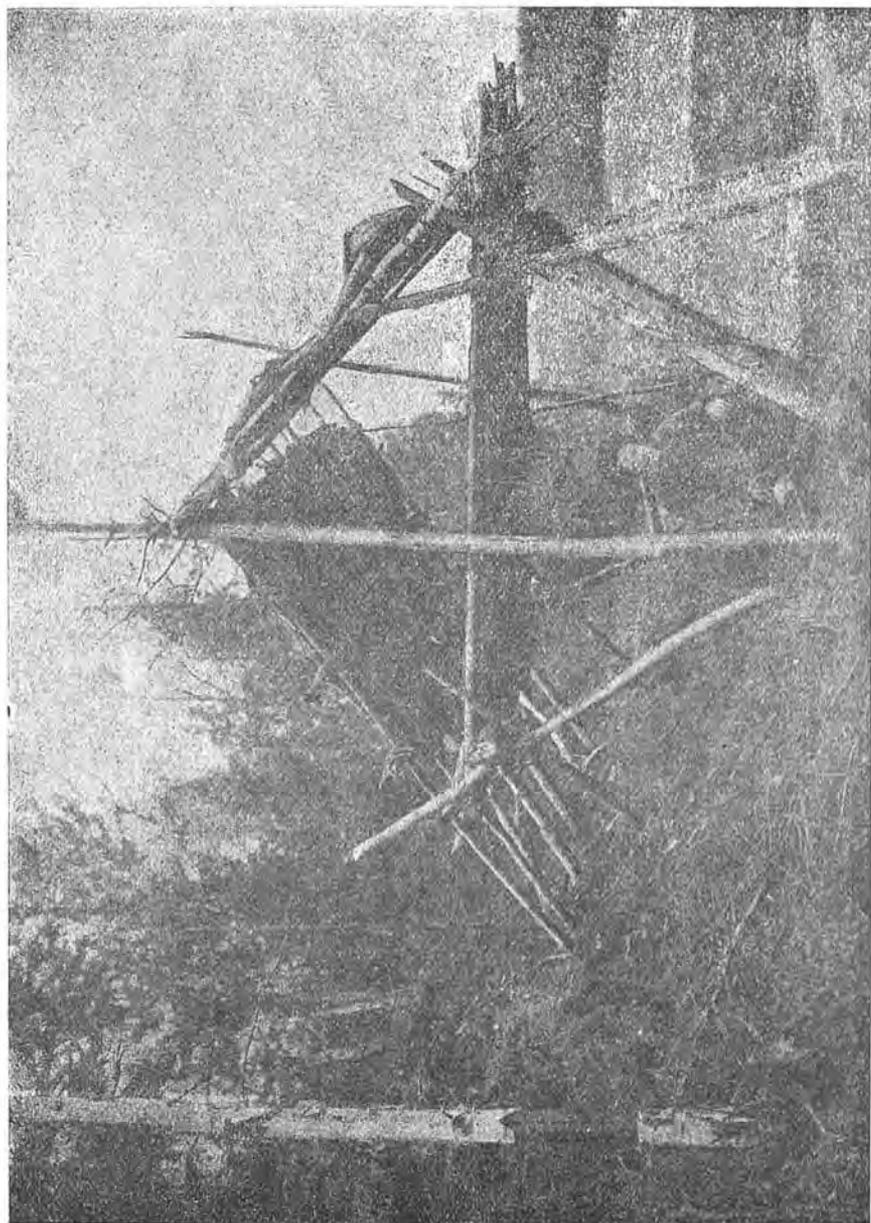

Рис. 8-й. Подкур на левом берегу р. Ней на наделе крестьян д. Медведины, близ речки Шалашника, Ветл. у.
Кровля покрыта слоем коры (5 авг. 1914 г.).

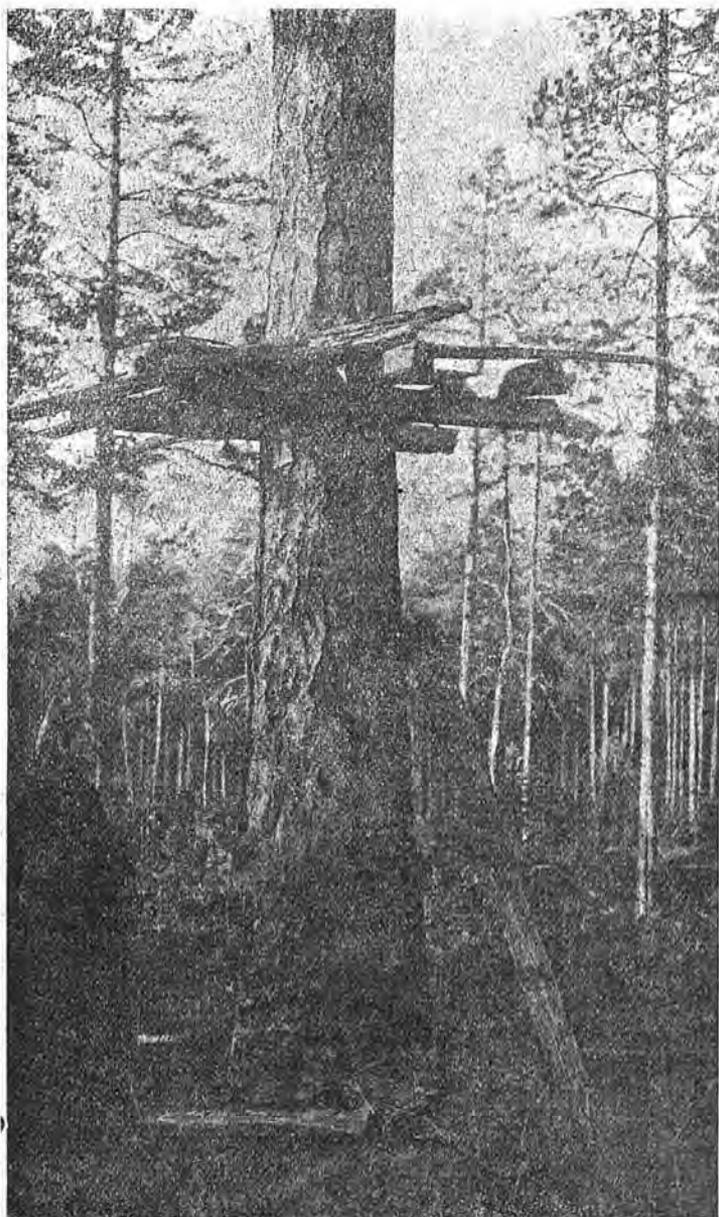

Рис. 9-й. Сломки кровати на ели в Ново-Уренской удельной даче, Варнав. у. (1915 г.).

Содержание: Сотная пригородка Кадуя 1573 г. Сообщил И. Н. Ельчанинов. Описание города Буя, составленное инженер. поруч. Федором Перелешиным в 1718 г. при воеводе кол. ассес. Серг. Темском. Сообщ. И. Н. Ельчанинов. М. Смирнов—Костромские вотчины Переславского Горничного монастыря (материалы). Д. П. Дементьев—Из прошлого Пищугской и Заводской волостей Ветлужского у. Евг. Дюбюк—Подольская вотчина Кандалицева (из собрания Д. П. Дементьева). Вл. Алушкин—О дорьянских гнездах (Воспоминания, впечатления и мысли). Выручка Баязета (Письмо В. Шонорова к А. Н. Прохоровой). Исторические и бытовые материалы, извлеченные из дел Архива Костромско-Ярославского Управления З. и Г. Имуществ. Сообщил А. А. Щирский. К истории Костромских корабельных песов.—А. А. Алушкин—Забывтый проект соединения реки Костромы с рекою Сухоною.

ц. 75 р.

21. Труды Костромского Научного Об-ва по изучению местного края, вып. VIII. „Этнографический сборник“, 152 стр. Кострома, 1917 г. (разошлись).

Содержание: К. Завойко—В Костромских лесах по Ветлуге реке (этнографич. материалы). П. Зорин—Песни черемис Ветлужского уезда. Н. Виноградов—Костромская свальба.

22. Труды Костромского Научного Об-ва по изучению местного края, вып. IX. „Железные болотные руды Костромской губ.“ 54 стр. Кострома, 1918 г.

Содержание: А. Горский—Аядобские железные руды. Н. Виноградов—Железная руда в Шунгей. вол. А. Горский—Анализ железной руды из д. Щегольное, Макарьевского у. Е. Дюбюк—Раменский чугуно-плавильный завод. В. Смирнов—Местонахождения железных болотных руд в Костромской губ.

ц. 50 р.

23. Труды Костромского Научного Об-ва по изучению местного края, вып. X. „Второй лесной сборник“, 174 стр., Кострома, 1918 г.

Содержание: Е. Дюбюк—Леса, лесное хозяйство и лесная промышленность Костромской губ. В. Корш—Классификация насаждений в „Лесном Сборнике“. А. Орлов—Типы сосновых насаждений в Дымницкой даче и др. мелкие статьи.

ц. 100 р.

24. Труды Костромского Научного Об-ва по изучению местного края, вып. XI. „Ест.-Исторический сборник“.

Содержание: А. Жаловский—К изучению растительности Костромской губ. Г. Еремин—Грозы. Наблюдения в г. Костроме с 1915 г. по 1918 г. В. Куни—Питьевая вода г. Костромы. И. Кириллов—Материалы к изучению флоры Макарьевского уезда. Г. Еремин—Наблюдения облачности в г. Костроме. Н. Сизова—Костромская черепаха. З. Смирнов—Пункты нахождения костей крупных ледниковых ископаемых в пределах Костромской губернии. А. Горский—Анализ железных руд из д. Губино и Абабково. Колерг. у.

ц. 50 р.

25. Труды Костр. Науч. Об-ва, вып. XII. „Экономический Сборник“.

Содержание: А. Алушкин—К истории Топливной организации в Костроме в 1915—1918 г. Н. Воробьев—Обзор Костромской губернии в экономическом отношении. Д. Павлов—Экономическая сторона Мисковского хлеводства. А. Знаменский—Из материалов по кожевнной промышленности Костр. губ.

ц. 50 р.

26. Труды Костр. Науч. Об-ва, вып. XIII. „Второй Исторический Сборник“.

Содержание: В. Алушкин—Печальник Костромской старины (памяти И. Д. Преображенского). Е. Дюбюк—Июнь том, как польский шляхтич, попав в крепость к русскому помещику, отыскивал свободу себе и своему потомству. В. Миндовский—Вицугская фабричная старина. М. Диев—Город Нерехта в XVIII и в первой четверти XIX века и др. (печатается).

27. Труды Костромского Научного Об-ва по изуч. местн. края, вып. XIV.

Содержание: В. Смирнов и Н. Уинов—Материалы по библиографии Костромского края, вып. I. Общие справочные издания и естественно-исторические издания и статьи.

ц. 50 р.

28. Труды Костромского Научного Об-ва по изуч. местн. края, XVI.

Содержание: М. Зимин—Плачи по призванном на военную службу. В. Смирнов—Народные похороны и причитания в Костромской крае. К. Завойко.—Временные жилища крестьян.

Продаются отдельными оттисками статьи:

29. И. Кириллов—Материалы к изучению флоры, Макарь. у.

ц. 25 р.

30. В. Корш—Типы лесных насаждений по „Лесному сборнику“

ц. 25 р.

31. В. Куни—Питьевая вода г. Костромы.

ц. 25 р.

32. В. Матренинский—Леса Кологривского у. в естеств. историческом отношении, 168 стр., 1917 г.

ц. 45 р.

33. В. Смирнов—Н. Л. Складузов (некролог), 12 стр., 1915 г. ц. 1 р. 50 к.
34. В. Смирнов—Народные похороны и причитания Костромского края 106 стр., 1920 г. ц. 150 р.
35. А. Шяровский—Истор. и бытов. материалы извлеченные из дел Архива Костр.-Яросл. Упр. З. и Г. Имущества, 22 стр. 1917 г. ц. 10 р.
36. Э. Шлор—Некоторые данные о цветении рясок, 7 стр., 1915 г. ц. 10 р.
37. А. Языков—Общественная помощь призванным и их семьям (по данным анкеты общества), 26 стр. 1916 г. ц. 10 р.
38. М. М. Зимин—Имачи по призванным на военную службу 1920 г. ц. 50 р.
39. Г. Г. Еремин—Полярные сияния. Дневник и сводка наблюдений полярных сияний в г. Костроме 1916—1920 гг. ц. 50 р.

Издания Костромской Ученой Архивной Комиссии.

1. Руководство к производству археологических раскопок, 115 стр., С. П. Б. 1918 г. ц. 5 р.
2. Указатель книг, статей и мыслей о Костромском крае, 34 стр., 1907 г. ц. 30 р.
3. Н. Селифонтов—Сборник материалов по истории предков царя Мих. Фед. Романова I и II части. 373-462 стр. С. П. Б. 1901—109 стр. ц. 50 р.
4. Л. Скворцов—Материалы для истории г. Костромы 362 стр. Спб., 1898 г., 1913 г. ц. 50 р.
5. Каталог музея архивной комиссии. 73 стр., 1909 г. ц. 3 р.
6. Журналы заседаний архив. учен. комис. 1898—1908
7. Отчеты 1903—1906
8. Известия IV областного историко-арх. съезда №№ 1—10; с XIX—129 стр., 1914 г. разошлись
9. Каталог русских медалей и жетонов за время от Петра I-го до Николая II. ц. 5 р.
10. „Костромская старина“ выпуск VI, 283 стр., 1906 г. ц. 50 р.
11. „Костромская старина“ VII, 280 стр., 1912 г. ц. 50 р.
12. С. П. А. Историческая записка о г. Плесе, 11 стр., 1910 г. ц. 2 р.
13. И. Презбражский и Н. Альбицкий—Подробная опись 962 рукописям начала XVII до начала XIX ст. „Далматовского архива“ 216-490 стр. Спб., 1895 г. ц. 50 р.
14. Н. Селифонтов—Подробная опись 440 рукописям XVII, XVIII и начала XIX столетия первого собрания „Линевского архива“ с двумя приложениями 85-27 стр. Спб., 1892 г. ц. 50 р.
15. Его же—Подробная опись 142 рукописям XVII до начала XIX столетия (Лосевского) собр. „Линевского архива“ с 8 прилож., 71 стр. Спб., 1893 г. ц. 50 р.
16. Его же—Подробная опись 272 рукописям конца XVI столетия второго (Шевлягинского) собр. „Линевского архива“ с прил. 171 стр., Спб. 1892 г. ц. 50 р.
17. Его же—Опись документам архива бывших Большесольских, посадской избы и ратуши, XVI—XVIII столетия, 190 стр., Спб. 1902 г. ц. 50 р.
18. Архив сельца Зиновьева (акты и письма) под редак. члена Костр. Учен. Архивной Комиссии А. Кулоззина и сотрудника Импер. Арх. Ком. Курдюмова, 243 стр. Спб., 1913 г. ц. 50 р.
19. Труды IV-го областного губ. археолог. съезда в г. Костроме в июне 1909 г., 129 стр. Костр. 1914 г. ц. 50 р.
20. П. Алмазов—Путеводитель по г. Костроме и Костр. губ., 1909 г. 42 стр. ц. 10 р.

Разные издания.

21. Красильно-набивной промысел Костромской губернии. Изд. Кустарн. Отд. К. Губ. Земства. 1915 г. ц. 100 р.

Библиотека общественных движений в России в XIX и XX в.

1. Записки П. Черевина (новые матер. по делу каракозовцев). Костр. 1918 г. ц. 35 р.
2. Записки предателя П. Гребнева. Костр. 1918 г. ц. 50 р.
3. Воспоминания П. Черевина. 1863—1865 г. Костр. 1920 г. ц. 75 р.
- Выпуски „Б-ки Общественных движений“ членам Сб-ва и учреждениям бесплатно не рассылаются т. к. печатаются на частные средства. Весь доход от продажи их поступает в пользу К. Н. Ю-ва.
- Склад изданий — Кострома. Музей местного края.